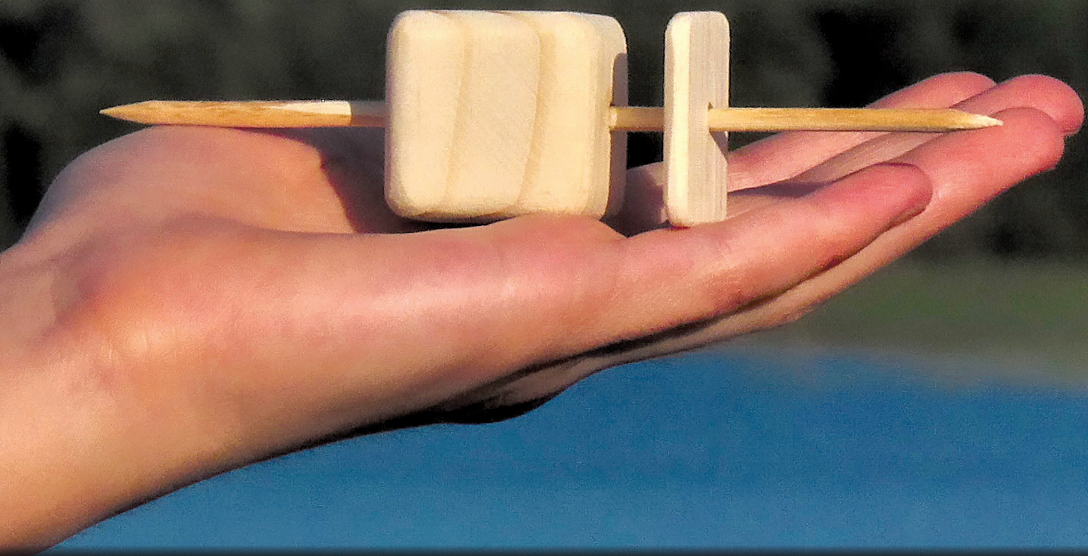

В. И. Искрин

КАК УСТРОЕНА ПСИХИКА

В. И. Искрин

КАК УСТРОЕНА ПСИХИКА

СВЕТ

Санкт-Петербург
2020

УДК 159.9
ББК 88.2
И86

12+

И86 **Искрин В. И.**
Как устроена психика. — СПб.: Свет, 2020. — 260 с.

ISBN 978-5-9072-5227-1

Психологию от других наук отличает чрезмерно затянувшееся «детство». За полтора столетия изучение психики так и не оформилось в адекватную работу человеческого отражательного инструмента теорию.

Автор предпринимает попытку сведения психологического знания в строгую и стройную систему. Это открывает широчайшие перспективы перед психологической практикой.

ISBN 978-5-9072-5227-1

© В. И. Искрин, 2020

© Издательский центр «Свет», 2020

*В настоящем издании сохранены
авторские орфография и пунктуация*

Оригинал-макет А. А. Крыласов

Дизайн обложки А. А. Крыласов

Подписано в печать 21.01.2020. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 16,25

Тираж 200 экз. Заказ № 1981

Отпечатано в типографии
Издательского центра «Свет»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
Издательского центра «Свет»
звоните по тел. +7 960 243-32-82

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно один мой хороший знакомый, химик по профессии, преподаватель вуза и известный учёный (я буду называть его Иваном Николаевичем), поведал мне, как его «вдоль и поперёк протестировали».

Должен сказать, что Иван Николаевич — прекрасный рассказчик. А уж если тема заденет его за живое, считайте, что вы оказались в театре. Неудивительно, что полчаса красочного повествования спрессовались для меня в считанные мгновенья.

...История о тестировании подходила к концу. И тут, когда оставалось лишь, как говорится, подвести черту, мой приятель внезапно умолк. Он уставился в окно, за которым не было ничего, кроме пелены снега, несколько минут простоял, как мне показалось, в оцепенении, потом резко повернулся и, выдержав ещё одну паузу, с горечью подытожил: «Всё это довольно печально».

Что же ввергло в депрессию моего коллегу? Изложу всё по порядку. Но прежде сообщу вам, уважаемый читатель, что вы можете не беспокоиться за психическое здоровье Ивана Николаевича. Мне удалось достаточно быстро привести его в норму. Думаю, прочитав книгу, вы согласитесь со мной, что нормализация психики человека, озабоченного состоянием психологии, не является сверхсложной задачей.

Экзекуция тестирования разыгралась в вагоне дневного экспресса, на котором Иван Николаевич после какого-то совещания возвращался из Москвы. Его соседом оказался психолог (давайте оставим его без имени). Завязался обычный дорожный разговор: о погоде, ценах, рыбалке... Вскоре список дежурных тем был исчерпан. Иван Николаевич потянулся к портфелю — там лежали припасённые в дорогу журналы. То же самое сделал и его попутчик. Однако психолог и не думал приниматься за чтение. Он вывернул из своего дипломата ворох каких-то листов и... предложил Ивану Николаевичу протестироваться. Наивно полагая, что от этой процедуры его не убудет, мой коллега согласился.

Минут через тридцать-сорок психолог уже считал крестики и нолики. Ещё через пару минут Иван Николаевич был причислен к определённом психологическому типу. Результаты тестирования напроочь отменяли всякую возможность творческой деятельности и руководящей работы (мой коллега имеет массу изобретений, написал несколько монографий и многие годы успешно руководит кафедрой). Иван Николаевич по-философски отнёсся к столь неожиданным результатам. Его рука опять потянулась к портфелю.

Но психолог уже вошёл в раж. Он выхватил новый опросник и со всей страстью предложил моему химику протестироваться ещё раз. Иван Николаевич, видя огонь в глазах своего попутчика, понял, что поработать над новой статьёй ему всё равно не удастся. И принялся заполнять предложенную ему таблицу.

На этот раз энергичный психолог не стал ждать завершения работы. В его руках появился калькулятор, с помощью которого он суммировал баллы по мере их поступления. Так что Иван Николаевич без малейшего промедления был осчастливлен новым результатом. Новым в том смысле, что теперь его психика характеризовалась, мягко говоря, несколько иначе. У моего товарища возникло смутное ощущение, что его измеряют в иной системе координат, как существо совершенно другого рода.

За вторым тестом последовал третий, затем четвёртый, пятый... Психолог, видимо, желая ненавязчиво указать на свою высокую квалификацию, с придыханием называл имена авторов тестов и сыпал мудрёными названиями. Выхватывая из рук моего коллеги свежезаполненный тест, он тут же вручал ему новый, расшифровывал полученный и сообщал Ивану Николаевичу результат. То, что разные тесты давали весьма отличные один от другого результаты, психолога несколько не смущало. Но зато всё более озадачивало химика-аналитика. Позже он скажет, что каждый раз его рассматривали, как представителя новой инопланетной цивилизации.

На четвёртом или пятом тесте Иван Николаевич созрел для протеста. Однако решил не спешить. Продолжая старательно заполнять опросники, он теперь стремился понять, что же лежит в основе «тестового плюрализма».

В самом деле, что? Оставим на некоторое время наших героев. Попробуем и мы, параллельно с Иваном Николаевичем, ответить на вопрос: почему тесты с завидным постоянством демонстрировали разноречивые в оценках его психики? Понятно, что психика у Ивана

Николаевича одна. Человек он честный. На все вопросы он отвечал по возможности точно и правдиво. Следовательно, его вины в нестыковке результатов опросов нет, и ответ на поставленный нами вопрос надо искать за пределами личности человека, в методах и возможностях психологии.

А теперь будьте внимательны, читатель, мы входим в соприкосновение с самой серьёзной болезнью этой науки. Правда, при этом с болезнью не самой трудной в диагностике. Несмотря на серьёзность недуга, определить его суть и причины не составляет большого труда.

Всё дело в том, что автор второго теста видит психику совсем не так, как автор первого, и посему наделяет её другим, своим, собственным набором параметров. Ему так представляется. Третий автор подгоняет психику под свою — субъективную — точку зрения, четвёртый вырывает из целого увлёкшие его внимание детали, пятый выстрадал и считает главным нечто иное... У каждого — свой взгляд, свой подход, своя «система». Только вот у психологии как науки системы нет. Самая серьёзная и запущенная болезнь психологии — бессистемность, отсутствие адекватно отображающей психику концепции, атеоретичность. И это относится не только к достаточно узкой области составления и применения тестов. Болезнью поражён весь организм. Разве что в тестах недуг выражен более рельефно. На бессистемность и атеоретичность психологии можно было выйти и другим путём, например, через психологическое консультирование или, скажем, коррекцию. Просто случай с моим коллегой показался мне наиболее выигрышным для начала работы.

Предвижу ваш упрёк, читатель, и спешу от него уйти. Я не называю имён авторов тестов и игнорирую анализ их творений. В дальнейшем, по другим вопросам вы также практически не встретите критики. Почему я так поступаю? Если бы я отзывался на всё достойное критики, работа о структуре психики превратилась бы в многокилограммовый гроссбух, содержащий сотни, если не тысячи, различных критических сюжетов. Так много в психологии накопилось вопросов, требующих ответов, фрагментов, нуждающихся в стыковке, субъективистских выводов, ожидающих пересмотра и опровержения. Критический компонент работы я предполагаю сократить до минимума. Лучшей критикой, на мой взгляд, является положительная работа.

Что касается причин диагностируемой болезни, они коренятся в субъективизме «мастеров психологии», в колоссальной переоценке ими роли эмпирических, опытных данных при практически полном игнорировании логико-философской составляющей, без которой, кстати, невозможно существование и развитие любой науки, будь то математика, биология, искусствоведение или психология.

Указывая на этот вопиющий перекося, я ни в коей мере не выступаю против наблюдений, эксперимента и основанных на них выводов. Без данной составляющей нет науки. Речь идёт лишь о недопустимости их абсолютизации. Не подумайте, уважаемый читатель, что автор склонен хулить всё и вся в психологии: эмпирические методы, исследователей прошлого и настоящего, их работы, выводы, статистические выкладки и пр. Нет, психология обладает огромным, правда, разрозненным, фрагментарным позитивным потенциалом. Позитив заслуживает самого пристального внимания и обязательно будет мною учитываться.

Бессистемность и атеоретичность психологии не является тайной за семью печатями в психологическом цехе. Упоминание об этой неразлучной парочке, пожалуй, стало даже общим местом. Например, Хьелл и Зиглер, известные американские психологи и психологи-теоретики, открывая бестселлер «Теории личности», считают своим долгом сообщить читателю о сосуществовании в настоящее время различных альтернативных психологических теорий¹. Что правда, то правда. Но почему солидные авторы делают это без малейших признаков комплекса сожаления?

Этот пассаж размещается у них на втором плане. На авансцену, буквально в первый (!) абзац книги Хьелл и Зиглер выносят свои сомнения в возможность «решения задачи по установлению того общего, что объединяет представителей человеческой расы»². Другими словами, в возможность преобразования фрагментарной и внутренней альтернативной психологии в психологическую теорию.

Между прочим, словом «теория» на Западе принято обозначать практически любой набор суждений, не тянущий даже на плохонькую гипотезу. Договоримся с вами, читатель, что мы будем использовать это слово не в качестве разменной монеты и, разумеется, только в единственном числе.

¹ См.: Л. Хьелл, Д. Зиглер. Теории личности. М. — СПб. — Н. Новг. — ..., 2005, стр. 25–26.

² См. там же, стр. 19.

Знакомясь с многочисленными психологическими «теориями», их авторами и методами, невольно представляешь слепых исследователей слона из старой индийской притчи. Вы помните, что слепец, ухватившийся за ногу, квалифицировал слона как колонну, взявшийся за хвост — как канат, а упёршийся в бок — как стену.

Именно эта аналогия пришла в голову моего коллеги, который, пока мы говорили о состоянии психологии, успел осилить более десятка тестов. И чем больше опросников он заполнял (читайте: знакомился с разными трактовками психики), тем более убеждался, что психология по сути дела ничем не отличается от притчового слоноведения. Занимающийся научными исследованиями несколько десятилетий и, на мой взгляд, совершенно справедливо считающий, что наука на 90 % есть классификация, порядок, система, Иван Николаевич, оскорблённый «воинствующим сумбуром», изготовился для ответного удара. На «тестирование» он решил ответить «тестированием».

Испросив согласие психолога, он сформулировал условие своей задачи. Один учёный считает, что добьётся всеми желаемой цели, если соединит пока ещё в невыясненной им пропорции серу, сурьму, мышьяк, олово и золу. Другой уверен, что стоит лишь в определённый, но, к сожалению, неизвестный час новолуния медленно нагреть в струе воздуха смесь графита, мела, земли и высушенных и истолчённых в порошок грибов, собранных в ведьмином круге, как тот же результат будет достигнут. По мнению третьего учёного, успех возможен только в том случае, если в тигле, помеченном пентаграммой, будут переплавлены, но обязательно с троекратным прочтением тайных заклинаний, железо, медь, олово и свинец. Сии учёные мужи ставят опыты, пишут трактаты, учат студентов. Условия понятны? Теперь несложный и единственный вопрос: как Вы назовёте этих, действующих наобум, учёных?

Алхимиками, не раздумывая, выпалил попутчик. Тогда Иван Николаевич посмотрел на него, как экзаменатор на двоечника, и... обозвал алпсихологом. Если точно, алпсихологом и адвокатом алпсихологов.

Вы думаете, алпсихолог смутился, приуныл, почувствовал, что получил удар? Ничуть не бывало. Он тут же выхватил палочку-выручалочку. Он изрёк: любая точка зрения имеет право на существование. Вдумайтесь, читатель, — любая, даже самая нелепая, даже

вступающая в кричащее противоречие с действительностью. Как часто приходится слышать эту ублажающую безмыслие фразу!

Такая вот дорожная история. Последовавшее далее выяснение отношений в виде словесной пикировки не даст нам пищи для размышлений. Поэтому мы покинем вагон экспресса «Москва — Петербург» и доведём Предисловие до конца без помощи моего коллеги и его попутчика.

В заключение Предисловия остановлюсь на предыстории этой книги.

Психологией я занимаюсь достаточно давно. Ещё будучи студентом, более 40 лет назад, я «узнал», что психика сложна, многогранна, подвижна, хрупка, нематериальна и потому, внушали нам преподаватели, не поддаётся теоретическому упорядочению, как, например, физика, химия или биология. «Попробуй, разместить несметное число психических черт, присущих человеку, на “теоретических полочках”. За более чем столетие существования психологии это никому не удалось. Не получится и у вас. Всё это — увлечения молодости. Занимайтесь частными вопросами, возьмите какую-нибудь тему, читайте (далее следовало перечисление отечественных авторов) и не помышляйте ни о какой супертеории». Примерно такими тирадами осаживались возмутители спокойствия.

Что оставалось делать в такой ситуации человеку, неудовлетворённому существующим положением вещей? Выбор вариантов был невелик.

Можно было уповать на пришествие истины с Запада. Тогда ведь не почитались и не издавались ни Адлер, ни Юнг, ни Хорни, ни Маслоу, ни Эриксон, словом, практически никто из западных психологов. А вдруг у них, в неизвестных нам работах, есть нечто стягивающее психологию в концепцию, в систему?..

Прошли годы. Конъюнктура резко изменилась. Полки в книжных магазинах прогибаются под трудами названных и неназванных авторов. Если хочешь, днём и ночью в Интернете. И что же? Ищущие, пытливые люди (психологи и не только) так и не обнаружили желаемого под красочными гляцевыми обложками. Хотя, честно говоря, не очень-то на это и рассчитывали: западное общество- и человековедение, как «Чёрный квадрат» Малевича, знаменито, но бессодержательно.

Между прочим, раз уже речь зашла о «чёрных квадратах», уделим немного внимания их ценителям. Удивительно, но факт, бессодер-

жительность и её постоянные спутницы, бездумность и непоколебимая слепая вера в авторитеты, оказывается, — неслабые особы. Многих они не только не отталкивают, но даже привлекают. Мы видели, как один из легиона замороженных именами, мнением «знающих людей» и собственным конформизмом запросто, без малейших сомнений и умственного напряжения растестировал моего коллегу в вагоне экспресса.

Итак, первый вариант не сработал. Остаётся второй и последний, который, признаюсь, многие годы был и остаётся для меня отнюдь не запасным, а единственно приемлемым и интенсивно зарабатываемым. Сформулирую возможность и необходимость его реализации в качестве итогов Предисловия.

Мы с вами, уважаемый читатель, будем рассчитывать на собственные силы.

Мне не придётся начинать с нуля. Несколько лет назад я выпустил книгу «Новая психология», где, на мой взгляд, достаточно отчётливо были очерчены контуры будущей психологической концепции¹. Сейчас, когда появились новые материалы, наработки, обобщения и, что исключительно важно, теоретические изыскания получили высокоэффективное продолжение в практической работе: в диагностике, консультировании, коррекции, профориентации, разрешении конфликтов и т.д., у меня есть все основания полагать, что теоретическое здание будет отстроено практически полностью.

Что касается диагностики, а она является едва ли не самой весомой составляющей практической деятельности психолога, то, в отличие от обычных 50–60 % адекватных диагнозов, при работе на основе предлагаемой мною концепции успех сопутствует не менее чем в 95 % случаев.

С другой стороны, требования жизни и неудовлетворительное состояние психологии, за сто с лишним лет своей истории так и не преодолевшей совершенно естественных для детства любой науки фрагментарности, внутренней противоречивости, гипотетичности, эмпиризма, делают решение поставленной мною задачи настоящей необходимостью.

Словом, для строительства теоретического здания у нас есть всё достаточное и необходимое.

¹ Искрин В. И. Новая психология. СПб., 1998; СПб., 2001 (второе издание).

Как и положено строителям, мы начинаем с подготовки площадки. Для этого нам потребуется три главы. Первая представляет собой философско-исторический выход на психику. Здесь нам предстоит вывести одно фундаментальное свойство психики, обусловленное в конечном счёте её местом в истории. Вторую и третью главу мы посвятим ещё двум столь же важным и также атрибутивно присущим психике свойствам.

Таким образом, вы введены в курс дела. Мы приступаем к работе, на мой взгляд, интересной и увлекательной. Вас ждут небесполезные для любого человека сведения о психике, неординарные решения, десятки теоретических новинок...

С первых же строк будьте внимательны, придирчивы, критичны. Работая со студентами, я требую от них прежде всего не верить на слово никому и ничему, в том числе и мне, требую всю информацию пропускать через фильтр своего интеллекта, ничего не принимать без аргументации, везде искать слабинку. Разумеется, я не могу предъявлять каких бы то ни было требований к своему читателю, но буду весьма удовлетворён, если вы пойдёте мне навстречу. Ваши критические замечания и советы помогут мне в дальнейшей работе.

Мой адрес (e-mail): iskrin@narod.ru

12.02.2016.

В. Искрин

ГЛАВА I

МЕСТО ПСИХИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В ИСТОРИИ ВСЕЛЕННОЙ

Среди необозримого множества окружающих нас вещей и явлений есть нечто, что решительно выпадает из всего предметного ряда. Это — Вселенная или, говоря иначе, наш огромный вселенский мир.

Мы являемся порождением и составной частью этого мира. Постоянно мы ощущаем ту или иную его сторону, грань, влияние. Даже ночью, в сновидениях, к нам приходит только его отражение. И тем не менее, несмотря на эту нерасторжимую связь, несмотря на небезуспешное научное познание мира, мы совершенно неспособны своим — человеческим — восприятием осилить его умопомрачительные масштабы. В ряду всех вещей и явлений Вселенная занимает место непредставимого человеческим рассудком объекта.

Человеку не хватит жизни, чтобы досчитать до миллиарда. А во Вселенной, точнее, в обозримой её части, счёт макрообъектов (я не говорю об атомах или частицах) идёт, как минимум, на миллиарды миллиардов. Таково известное количество звёзд, галактик, туманностей. Температура внутри звёзд исчисляется миллиардами градусов. Вселенские расстояния составляют миллиарды световых лет или миллиарды миллиардов километров.

И вот в этом непредставимом по масштабам своих параметров мире, на фоне грандиозных космических метаморфоз, на краю заурядной галактики, около ничем не примечательной звезды, на тончайшем поверхностном слое голубой песчинки-планеты бушуют страсти, возникают и рассеиваются иллюзии, обладатели далёкого от совершенства сознания достигают успехов и терпят поражения, отстаивают, не щадя жизни, свои, собственные, а, бывает, и чужие, чуждые им интересы, оправдывают и творят насилие, совершают ошибки, заражаются настроением, верят, надеются, любят, ненавидят и... умирают, чтобы следующее поколение, пройдя тот же круг, передало эстафету столь специфического образа существования своим потомкам.

Если посмотреть со стороны, наше житьё-бытьё немного шокирует. Но мы, в большинстве своём, не склонны отступать в сторону, обозревать, оценивать. Актёры театра человеческих страстей, мы увлечённо играем предписанное нам незримым режиссёром. Живя в этой — нашей, привычной — круговерти, мы часто не задумываемся, что творим. Между прочим, — тоже характеристика обитателей третьей от звезды планеты.

Что это?

На языке философии (нам придётся изъясняться и на нём) это именуется социальной формой движения материи. Эту форму, занимаясь психологией, мы будем рассматривать, если так можно выразиться, под психологическим углом. Мы сузим наш охват до психологического компонента социума, разумеется, всегда имея при этом в виду наличие всеохватывающего социального и действие его законов. Поэтому и форму человеческого общежития мы будем называть, когда это допустимо, психической.

Кстати, в моём описании бытия землян, пусть, несколько тенденциозно, но при этом вполне намеренно, была выпячена именно психическая, во многом иррациональная, насыщенная страстями и иллюзиями, сфера жизнедеятельности человека и общества. К этому обязывает направление нашей работы.

Вы спросите, как можно выдержать направление, достичь каких-то результатов и в конце концов упорядочить, систематизировать психику, если иначе как конгломератом порывов, чаяний, стремлений, отдельных мыслительных конструкций всё это не назовёшь? Вы недоумеваете по поводу моих намерений, читатель? Я готов подлить масла в огонь. В этот клубок вплетены ещё противоречия и парадоксы, свойственные отдельному человеку, внушение и так называемое манипулирование сознанием, колоссальные материальные издержки, обусловленные нетворческой, рутинной деятельностью людей и многое-многое другое. Тут впору не выдерживать направление, а задаться вопросом: имеет ли вообще всё это какой бы то ни было смысл? Или иначе: не является ли существование человеческого общества случайностью, nonsensом или, может быть, оно просто представляет собой бурю в стакане воды?

К утвердительному ответу на последний вопрос толкает прежде всего непоставимость по «весу» нашей «песчинки» и невообразимо огромной Вселенной. Даже если мы располагаем какими-то скрытыми потенциями, трудно поверить в успех их реализации.

Через несколько миллиардов лет выгорит Солнце, прекратят существование другие звёзды, на Земле и на подобных ей планетах погибнет жизнь, и в холодном бездонном мраке Вселенной некому даже будет вспомнить об имевшем когда-то место социальном, психическом казусе. Жуткая картина.

Я напугал вас, читатель? Не переживайте. Характером мирового развития запрограммированы совсем другие перспективы. Несмотря на микроскопичность феномена психической формы, в будущем всё сложится иначе. У нас есть все основания полагать, и вскоре это будет показано, что роль психической формы неизмеримо солиднее её габаритов и что психическое не является казусом, а, напротив, совершенно закономерно вписывается в процесс развития Вселенной.

Для чего же нам тогда потребовалась изрядная доза пессимизма? Во-первых, для того, чтобы указать на уровень бытующих сегодня социально-космологических воззрений (это не наш пессимизм!), и, во-вторых, чтобы оттенить свой — научный, философский — подход к занимающей нас проблеме. К её разработке, к ответу на вопрос, присутствующий в названии данной главы, мы и переходим.

Для того, чтобы определить историческое место психической формы и выяснить её объективный смысл и функцию (роль), для того, чтобы понять, что такое психика, мы должны разобраться ни мало ни много в истории Вселенной. Только в более общем, причём максимально широком контексте, возможно выявление контуров частного. И только лишь после этого мы сможем перейти к исследованию собственно психики, к созданию её теоретической модели.

Согласно современным представлениям, наша Вселенная родилась около 14 млрд лет назад в ходе так называемого Большого взрыва. Результатом Большого взрыва явилось продолжающееся и сейчас, а по результатам последних исследований, и всё более ускоряющееся, расширение Вселенной. Будет ли Вселенная расширяться и впредь? Большинство физиков, основываясь на объективных наблюдательных данных, склоняется к мнению, что расширение не сменится сжатием.

Расширяющаяся Вселенная распадется на отдельные галактики. Погаснут звёзды. В холодном мраке застынут планеты. Впрочем, я уже страшил вас этой картиной, читатель.

Однако таковы перспективы нашего мира, с физической точки зрения. В действительности всё сложится совершенно иначе.

Дело в том, что физическая форма организации материи не является, так сказать, венцом творения. Из неё вырастают и на ней базируются другие, более продвинутые формы. На сегодняшний день самой высокой из них является социальная (возможно, кто-то во Вселенной знает и являет собой что-то более совершенное). Рассматривая Вселенную не застывшей на физической ступени организации материи, а видя её в прогрессивном движении, в смене форм материальной организации, мы неминуемо приходим к выводу, что диктовать порядок устройства мира в будущем будет не физический субстрат, а нечто несравненно более высокоорганизованное. И это произойдёт намного раньше, чем Вселенная, рассматриваемая с физической точки зрения, превратится в мёртвую пустыню.

Это значит, что «наша» история Вселенной намного короче той, которая вырисовывается при игнорировании вселенского прогресса. Я уж не говорю о том, что «наша» — прогрессивная — история больше импонирует человеческим чувствам. Вот такую историю мы и будем исследовать. В истории вселенского прогресса (в прогрессивной смене форм вселенской организации) мы будем искать место социума. А для этого нам потребуется выработать периодизацию истории Вселенной, что невозможно без опоры на один из важнейших принципов членения истории.

Для выведения этого принципа мы немного пофантазируем по поводу... мемуаристики.

Скажите, пожалуйста, уважаемый читатель, что бы вы подумали о человеке, который, оглядываясь на прожитую жизнь, включил бы на равных в свои мемуары воспоминания о школьных и университетских годах, о найденном в подземном переходе грязном гривеннике, о сделанном им крупном научном открытии, о полёте на космическом корабле, об обнаружении в почтовом ящике очередной рекламной листовки, о потере дешёвой шариковой ручки?.. Наверное, вы решили бы, что данному субъекту на старости лет отказала способность различать вещи по их значимости, а будь вы моим коллегой-психиатром, то, без всякого сомнения, диагностировали бы у него бредовый синдром.

Какое отношение моя гротескная зарисовка имеет к периодизации истории Вселенной? Самое непосредственное. Дело в том,

что любая периодизация должна основываться на принципе соответствия друг другу частей целого (периодов) по их значимости. В противном случае получится не более чем подобие вышеприведённого жизнеописания. К сожалению, именно такую биографию Вселенной нам предлагает так называемое философское сообщество, ставя на равных, в одну шеренгу механическую, физическую, химическую, биологическую и социальную форму движения материи. При этом социальная форма бодро объявляется «последней и бесконечно совершенствующейся». Редкий философ не вторит этому хору.

Почему так происходит? Ответ прост: не привыкшие задумываться приверженцы подобных последовательностей (зачастую вообще не подозревающие, что дело идёт о вселенском процессе) абсолютно игнорируют главное — ту основу, только на которой и возможно вычленение и постановка в исторический ряд качественно отличных одна от другой форм организации материи. Этой прописанной во всех учебниках основой служат количественные изменения, результатом которых является конституирование нового качества. Причём, и это, пожалуй, важнейший момент, используемые для создания периодизации количественные переменные, во-первых, должны пронизывать весь расчленяемый процесс, от его начала до завершения, и, во-вторых, должны быть ключевыми, основополагающими.

Опираясь на данный закон диалектики (сокращённо именуемый законом перехода количества в качество), имея ограниченную во времени развивающуюся Вселенную и следуя принципу соответствия частей целого по их значимости, мы, наконец-то, можем приступить к позитивной работе. Нашим следующим рубежом является создание научно выдержанной, отвечающей требованиям действительности периодизации вселенского процесса развития.

Что мы используем в качестве базовых количественных переменных? Как я уже подчеркнул, они должны быть основополагающими. Последнее означает, что без таких переменных наш мир не может существовать. Следовательно, речь идёт, если можно так выразиться, о гарантах вселенского бытия. Несомненно, что на эту роль просятся температурные и пространственные условия существования той или иной вселенской формы. Не надо доказывать, насколько высок статус температурной (энергетической) и пространственной составляющих нашего мира.

Таким образом, проследив изменение температурных и пространственных условий во времени, я предполагаю рано или поздно обнаружить, как говорят философы, перерывы постепенности и... стать обладателем хронологической структуры Вселенной, т.е. её периодизации. Точнее, аргументированной периодизации в отличие от упоминавшейся эмпирической последовательности разнокалиберных материальных форм. При этом будем иметь в виду, что качественно отличаться друг от друга, а это является обязательным требованием к периодизации, могут только противоположности по основополагающим признакам.

Ну а теперь, за дело.

Вселенная, расширяясь, остывает. Чем ниже становится температура, тем более усложняется материя. Вслед за унифицированными первочастицами появляется набор частиц, затем формируются ядра, потом — атомы, ещё позже — неорганические и органические молекулы, наконец, зарождается жизнь. По мере усложнения материи всё в большей степени сужается температурный диапазон, в котором могут существовать её наиболее продвинутые проявления. Например, частицы прекрасно себя «чувствуют» в условиях, при которых существуют молекулы. Однако молекулы прекращают существование, как только выходят из своего диапазона и оказываются в условиях, вполне комфортных для частиц. Соедините в пару два любых члена из прогрессивного вселенского ряда и вы легко убедитесь, что принцип, согласно которому температурный диапазон менее сложного включает в себя диапазон более сложного, работает абсолютно безотказно. Из сказанного следуют два вывода. Во-первых, прогресс идёт рука об руку с уменьшением температурного диапазона. Во-вторых, эта поступь реализуется как закон.

Другим спутником прогресса является уменьшение пространственной ниши. Чем более сложными становятся объекты, тем уже в пространственном смысле оказывается их «пристанище». Достаточно пройти по прогрессивному ряду, чтобы убедиться в этом. Таким образом, пространственно-диапазонный аспект прогресса подчинён той же логике, что и температурно-диапазонный. Здесь закон соотношения членов прогрессивного ряда совершенно аналогичен сформулированному ранее: пространственный диапазон менее сложного включает в себя диапазон более сложного. В этой «матрёшке» из всего перечисленного самым маленьким объёмом располагает живое. Если частицы носятся по космосу, проделывая

концы в миллиарды световых лет, то биологические особи снуют в объёме, близком к нулю.

Таким образом, на прогресс «работает» сужение температурно-пространственного диапазона. Тогда возникает вопрос: а что же дальше? А дальше, выходит, буквально некуда. Ведь дело идёт к обнулению диапазонов. Разве не к такому финалу ведёт закон сужения, действующий вот уже почти 14 млрд лет?

Нет. Не всё так просто. Во-первых, мы имеем дело с законом развития или, иначе, законом диалектики. А диалектические законы вовсе не обязательно прямолинейны. Забегая чуть-чуть вперёд, замечу, что закон сужения представляет собой лишь одну — «нисходящую» — ветвь более широкого по своему временному охвату закона. Во-вторых, у нас в руках есть практическое подтверждение продления линии развития. Этим подтверждением является наше собственное существование.

Человеческое общество, по сравнению с биологической формой, изначально существует в более широком температурно-пространственном диапазоне. И перелом в действии закона прогрессивного изменения температурно-пространственного диапазона (именно так, по всей видимости, следует называть найденный нами закон) наступил значительно раньше, чем появилось человечество.

Что же произошло? Отступив практически до предела, сконцентрировавшись в сверхузких температурных и пространственных рамках, новое, передовое перешло в наступление (разумеется, не оставаясь при этом неизменным). В определённой точке своего исторического пути (эта точка лежит в пределах биологической фазы) прогресс расстался со своими старыми спутниками и обзавёлся новыми. Теперь ими стали расширение температурного диапазона и увеличение пространственной ниши. Скажу ещё раз, мы — тому реальное подтверждение.

Человеческое общество с первых же своих шагов характеризуется диапазоном температур, исчисляемым сотнями градусов. Я имею в виду, конечно же, добывание и использование огня. Любопытно, что животный предок человека ещё за миллион с лишним лет до появления *Homo sapiens* уже, благодаря инстинкту, умел поддерживать огонь и, надо думать, извлекал из этого немалую выгоду¹. А ведь, кроме выгоды, это ещё была заявка на рост. Приращение

¹ См.: Древнейшие костры//Наука и жизнь, 1982, № 6, стр. 83; Самый первый костёр//В мире науки, 1983, № 6, стр. 44.

температурного диапазона на тысячи градусов обеспечила металлургия, на миллионы и более — высвобождение энергии в ядерных и термоядерных реакциях. Параллельно с продвижением в «горячую» сторону шло и успешно развивается в настоящее время наступление в направлении абсолютного нуля. В результате человечество настолько расширило свой стартовый температурный диапазон, причём расширило с колоссальной пользой для себя, в интересах прогресса, что о расширении как о случайности не приходится и говорить. Словом, социум всерьёз закрепился на «восходящей» ветви обнаруженного нами закона.

Здесь, думаю, уместно предложить вам, уважаемый читатель, одно разъяснение. Говоря о социуме, который существует в температурных условиях, несоизмеримых с теми, что характеризуют биологическую ступень, я имею в виду вполне определённую часть материального носителя социальной формы организации материи. Речь идёт о том компоненте материального носителя, который Маркс назвал неорганическим телом общества и который включает в себя всё то, что общественный человек произвёл и производит в процессе производства. Именно этот, удовлетворяющий нуждам «человеческой органики», компонент требует новых температурных условий и успешно в них развивается. Несомненно, перед ним открываются самые широкие перспективы.

Вместе с температурной экспансией человечество осуществляет и «территориальную». Не перечисляя её вех, остановлюсь, пожалуй, на самом многообещающем. Я имею в виду начавшееся освоение космоса, уже достаточно основательное и результативное вблизи Земли и пока ещё не столь массивное и не так экономически эффективное в пределах Солнечной системы. Но ведь это только начало. Несомненно, на космическом пути открываются самые фантастические перспективы. Вернее, пока фантастические. Совершенно новая среда не может не породить соответствующей себе и не укладывающейся в наши обыденные представления вселенской формы.

На этой пафосной ноте, читатель, мы вынуждены приостановиться. Ведь мы вплотную приблизились к черте, отделяющей прошлое от будущего. Здесь надо осмотреться, подумать о целесообразности дальнейших построений. Одно дело — говорить о прошлом, опираться на реальное историческое основание, совсем другое — создавать идеальные конструкции несуществующего грядущего. Для проектирования будущего нужна аргументация.

Имеется ли она у нас? Полагаю, имеется. И если так, мы можем продолжить наш путь.

Итак, нам требуется доказать, что в будущем прогресс и сопутствующие ему количественные изменения не будут остановлены. В противном случае не имело бы никакого смысла всматриваться в исторический горизонт, создавать периодизацию Вселенной, искать историческое место социального и выяснять объективный смысл и функцию психической формы. Всё это возможно только при условии упорядоченности процесса.

Я вам напомнил наши цели, уважаемый читатель, опасаясь, что они несколько подзабылись за расчисткой авгиевых конюшен философии. Извините, если это не так.

Вопрос, который требует положительного ответа, может быть сформулирован следующим образом: будет ли и впредь продолжаться расширение температурно-пространственного диапазона, в котором существует и движется вперёд наиболее сложное и продвинутое проявление материи? Без всякого сомнения, да. Ибо важнейший и вполне достаточный для такого утверждения аргумент представляет собой не только и не столько плод мысли, сколько неоспоримый, имеющийся в наличии факт. Таким аргументом является интеллект (сознание). Пусть по космическим меркам он молод, несовершенен, пусть он отягощён ошибками, иллюзиями, переживаниями. Не в этом его суть. Развиваясь и освобождаясь от недостатков, связанных в общем-то с его животным, биологическим происхождением, интеллект покажет и уже показывает себя в деле основанного на экспансии переустройства мира. У него большие задачи и огромные возможности.

Материальная форма, основанная на очищенном от биологических примесей интеллекте, на своём отрезке вселенской истории, не отменяя физического и биологического, а подчиняя и вбирая их в себя, продемонстрирует точно ту же силу и выполнит точно ту же функцию, что и, например, биологическое на своём историческом участке. На мой взгляд, огромной ошибкой является безусловный и механический перенос действия физических законов в тот мир и в то время, где и когда определяющими будут законы более высокой формы организации материи.

Наконец, интеллект в своей преобразовательной, экспансионистской, «расширительной» деятельности в принципе не имеет ограничений. Кроме одного — объективно существующего устройства

нашего мира. Сознание по своему определению не способно замахнуться на объективную данность. Напротив, только опора на законы природы может помочь ему довести экспансию материального авангарда нашего мира до предела, т.е. охватить всю Вселенную. Тогда откроются надвселенские перспективы...

Но мы не будем ими заниматься, а удовлетворившись тем, что наши базовые количественные переменные отслежены в их историческом движении от самого начала до самого конца вселенского прогресса, перейдём к созданию периодизации развития Вселенной. После проделанной работы это не потребует особых усилий и не займёт много места. В сущности, периодизация уже у нас в руках.

В истории Вселенной явственно вырисовываются три периода, три грандиозных шага. Два крайних периода отличаются огромной, вселенской, предельной шириной температурно-пространственного диапазона, средний — мизерной, узколокальной, практически нулевой (занимаясь качественным анализом, мы обязаны абстрагироваться от внутрипериодных плавных изменений). По своим характеристикам второй период являет собой противоположность первого, а третий — второго. В то же время третий период воспроизводит на более высоком уровне развития первый. История Вселенной полностью подпадает под действие закона отрицания отрицания. Хотя правильнее было бы сказать, что из прогрессивной истории нашего мира может быть выведен закон отрицания отрицания. Как известно, «поставщиком» законов является материальный мир.

Вселенная в своём развитии делает не просто три шага, а три одинаково значимых шага. Равная значимость вселенских периодов вытекает из объективной диалектики отрицания. В нашем мире отрицанию подлежит только равное себе по значимости.

Количество вселенских периодов не может быть меньшим, хотя бы потому, что «восходящая» ветвь закона прогрессивного изменения температурно-пространственного диапазона лежит не в будущем, не в области гипотез, а является уже отчасти осуществлённой практикой. Иначе говоря, третий период открывается на наших глазах. Вместе с тем третий период является последним в истории Вселенной, т.к. по его окончании разум, в известном смысле упорядочив Вселенную, превратив её в единое «неорганическое тело» и тем самым исчерпав ресурс своего

развития, должен будет, чтобы продолжить линию прогресса, выйти за вселенские рамки, разумеется, претерпев при этом радикальные, качественные изменения. Ту, надвселенскую историю надо мерить по другим меркам. Таким образом, наша периодизация выдержана не только в диалектическом плане, но и с точки зрения численного состава своих членов. Впрочем, это две стороны одной медали.

Как нам назвать вселенские периоды? Понятно, что порядковые числительные не отражают их существа. У вас есть предложения, читатель? Может быть, где это возможно, нам использовать привычные слова? В самом деле, суть первого периода исчерпывающе выражает термин «физико-химический», второго — «биологический»... А вот третий период, учитывая выдающуюся роль интеллекта на данном отрезке истории, можно было бы назвать логическим. Кстати, этот термин я употреблял в других работах. Договорились? Тогда вселенская триада выглядит следующим образом: физико-химический — биологический — логический период.

А где же социальный, ради которого мы и затеяли весь сыр-бор? Сейчас мы и ему подыщем место.

Ещё античные мудрецы, пытаясь кратко и ёмко выразить суть человека, называли его разумным животным. С тех пор утекло много воды, но формула, пройдя проверку временем, работает и поныне. Разве что логическая составляющая несколько потеснила животную, иррациональную, инстинктивную. Переведём эту эмпирическую формулу в историко-философскую плоскость. Как в таком случае нам следует расценивать социум? Несомненно, как двухкомпонентное, буферное, переходное, революционное явление. Такой буфер просто обязан быть на стыке противоположных одно другому исторических образований. Переход более или менее сложной системы в иное качество всегда осуществляется не мгновенно и не по мановению волшебной палочки, а только посредством революции и в течение революции (разумеется, это слово я употребляю не в политическом, а в философском смысле). Таким образом, социальное есть не более чем связующее звено между биологической и логической вселенскими формами, переход (переходный период) от животного к разумному.

Вот такая нам выпала участь. Как говорится, со всеми вытекающими последствиями. О них мы поговорим после необходимого дополнения.

Заполнив вакуум на стыке биологического и логического, мы должны сделать то же самое и в месте другого, аналогичного по значимости, вселенского сопряжения. В противном случае вселенская панорама не будет полной. Речь идёт о буфере, соединяющем (и разъединяющем) физико-химическую и биологическую форму. Будем считать, что в общих чертах мы имеем представление о характере физико-химических процессов. С биологией дело обстоит сложнее. О философии жизни надо писать книгу. Но так как мы ограничены одним абзацем, продекларирую лишь две необходимые нам в данном случае черты биологического движения. Соединённые вместе, они звучат как размножение с изменениями. Думаю, не надо доказывать важность как первого, так и второго. Без размножения нет смены поколений (линии жизни как таковой), а без изменений (мутационного процесса) — приспособления к среде и развития (конкретной линии жизни). Занимающая нас сейчас буферная форма должна была привести и привела неживое к качеству жизни. Следовательно, её интервалом является путь от самых примитивных, простых, зачаточных форм дублирования молекул до их относительно стабильного копирования с определённой и зависящей от внешних условий мерой изменений. Ясно, что такое возможно только на основе достаточно сложного материального субстрата. Поэтому мы смело можем первую вселенскую стыковую форму назвать органо-химической.

Теперь, когда главные «действующие лица» вселенской прогрессивной «лестницы» определены (разбивка вселенской истории на три периода не только не отменяет, а, более того, позволяет «вычислить» и внутрипериодные исторические образования), когда они названы и их названия аргументированы, неплохо было бы перевести словесное изображение истории нашего мира в графическое. Не удивляйтесь, уважаемый читатель, что мой рисунок не будет симметричным. Это объясняется тем, что развитие есть процесс ускоряющийся. История Вселенной симметрична не во времени, а по содержанию. Ось содержательной симметрии я обозначу пунктиром [рис. 1].

Вернёмся на нашу основную дорогу. Нам предстоит расшифровать последствия нашей, как я выразился, социальной участи, а, если серьёзно, взглянуть на социальное с исторической, философской и, конечно же, психологической точки зрения. Сконцентрируем наш экспресс-анализ в четырёх пунктах.

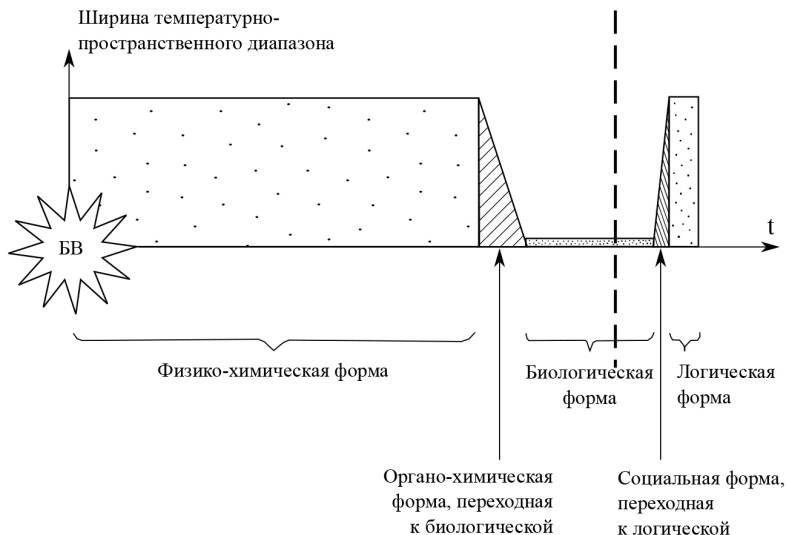

Рис. 1

Во-первых, и об этом уже было сказано, человеческое общество представляет собой переходное от биологического к логическому и посему революционное в строгом смысле этого слова историческое образование. Как революционная форма социальное исключительно динамично, особенно под конец своей истории. Дело в том, что процесс развития человечества так же, как и вселенский, подпадает под действие закона ускорения истории. Повышенный динамизм финиширующего социума представляет для нас не только лишь академический интерес. Я полагаю, что человечество уже выработало значительно больше 90 % своего временного ресурса. В порядок дня поставлено непосредственное вхождение в логический период. Черты будущего становятся всё более осязаемыми (о будущем психики речь пойдёт в конце книги). Этот факт, как и нынешняя быстрота социальных перемен, накладывает свой отпечаток на все стороны жизни человека и общества, в том числе и на психическую. Психолог не может не учитывать в своей работе этого обстоятельства. К слову, психику вообще нельзя изучать вне истории.

Во-вторых, функционально, по своей роли в процессе развития, социальное является своеобразным «передаточным механизмом».

Его миссия исключительно важна и ответственна — перевести прогресс на следующую, более высокую ступень. Понятно, что без подобных «механизмов» движение и существование мира было бы невозможно. Так что действительно, роль общества и психики неизмеримо солиднее габаритов социума и того, что на первый взгляд может показаться бурей в стакане воды.

Здесь (и не только здесь — воспринимайте слова в контексте, уважаемый читатель) я говорю об обществе и психике как таковых, а не об их конкретном, земном проявлении. Закономерность, как известно, прекрасно действуя на широкой арене, не застрахована от сбоев в отдельных случаях. Теоретически, местом сбоя может оказаться Земля. Как ни печально, в силу каких-либо внутренних или внешних обстоятельств человечество может быть уничтожено. Что же тогда станет с «передаточной функцией», логическими перспективами, прогрессом? Думаю, колоссальные размеры Вселенной дают на этот вопрос совершенно определённый ответ.

В-третьих, из исторического места социального (места буфера) вытекает его природа. Как уже было отмечено, общественное по своему устройству двухкомпонентно. Иной и не может быть переходная форма. Социум представляет собой во всех отношениях органический синтез биологического и логического. Их диалектическое взаимодействие даёт совершенно своеобразное качество социального. Для нас, занимающихся психологией, не видеть в психике «разумного животного» соединения, переплетения, сплава старого и нового, биологических и логических черт, инстинкта и разума буквально смерти подобно. Двойственность человеческой психики будет проходить красной нитью через всю книгу.

В-четвёртых, что, наверное, огорчит чувственного субъекта, при всей своей огромной вселенско-исторической роли психике (и социальности) не суждено оставить реального следа в истории. Дело в том, что психика не имеет собственного, отдельного от биологического и логического, качества. У психики, разумеется, качество есть, но, как мы выяснили, оно является сборным, если можно так сказать, взятым на время взаймы у её самодостаточных исторических соседей. А в истории в виде некой подкладки сохраняется и продолжает функционировать только сугубо собственное, исконное качество, то, которое присуще эволюционным (но не революционным!) формам. Так, биологическое имеет своей подкладкой

физико-химическое. Логическое, в свою очередь, вберёт в свой состав как первое, так и второе. Психическая же форма канет в лету. Утешает лишь то, что психическая форма уйдёт не одна, а последует за буферным образованием, сыгравшем столь же значительную роль на другом повороте истории, при преобразовании неживого в живое. Как известно, на Земле сколько не ищут, не могут найти жизни на стадии её зарождения.

Отсутствие психического не станет трагедией для будущих — бесчувственных — логических существ. Само понятие трагедии им будет непонятно. Они абсолютно не будут нуждаться в эмоциях, радостях, мечтах, любви, дружбе, эстетическом наслаждении, словом, во всём том, что составляет сущность и смысл нашего — человеческого — бытия.

Этой «бесчувственной» темы мы обязательно коснёмся в дальнейшем. А сейчас не будем отклоняться от нашего плана. В следующей главе, вслед за двойственностью, мы познакомимся ещё с одним основополагающим, неотъемлемым свойством психики.

Но сначала подытожим сделанное.

1. Взавшись за исследование психики, я сразу же заявил о своём намерении рассматривать её в максимально широком историческом контексте.

Прежде всего нам потребовалось найти тот исторический отрезок, для которого психическое является естественным и необходимым. Таковым оказался исторический путь общества. Социальную форму, взятую в соответствующем характеру нашей работы ракурсе, я предложил именовать психической. Связав психическое с социальным, мы отправились на поиски исторического места, роли и сущности социального, а, следовательно, и психического.

2. Для этого нам пришлось, разгребая философские завалы, создавать периодизацию вселенского прогресса. Как выяснилось, прогрессивная история Вселенной состоит из физико-химического, биологического и логического периодов. У нас есть все основания считать, что данная нами периодизация в полной мере удовлетворяет требованиям самого строгого судьи — диалектики реального исторического процесса.

3. Одним из инструментов, использованных при создании периодизации, явился обнаруженный нами закон прогрессивного изменения температурно-пространственного диапазона.

На базе описываемых данным законом процессов формируется вселенское отрицание отрицания.

4. Что касается социальной формы, она оказалась далеко не такой «престижной», какой её часто представляют. Вместо «самого высокого, последнего и безгранично совершенствующегося» перед нами предстало прозаическое буферное образование на стыке биологического и логического этапа вселенской истории. Таково историческое место социальной формы. «Стыковой» статус социального (психического) не позволяет поставить его на одну доску с физико-химическим, биологическим и логическим.

5. «Непрестижность» исторического места социума и психики с лихвой компенсируется их ролью (функцией) во вселенском процессе. Без подобных «передаточных механизмов» прогресс был бы неосуществим. Общественная форма не является ошибкой природы. Она есть историческая необходимость в самом широком — вселенском — смысле.

6. Из стыкового, переходного характера социального вытекает его двойственность. Особенно ярко она проявляется в психике.

Психика в принципе непознаваема без учёта этого важнейшего обстоятельства, вне выявления в человеке животного и логического.

Тема двойственности психики будет одной из ведущих в книге.

ГЛАВА II

«ВИБРАЦИЯ» ПСИХИКИ

Позади осталась насыщенная философией и потому, как мне представляется, не самая простая в усвоении глава. Дальше дело пойдёт полегче. Не вините меня, читатель, за доставленные вам неудобства. Такое начало работы было обусловлено, если можно так выразиться, производственной необходимостью. Согласитесь, что без философии вряд ли можно было серьёзно говорить о двойственной, биолого-логической природе психики, для выявления которой (природы) потребовалось выяснить переходную сущность социального, что, в свою очередь, оказалось возможным только в контексте полной и цельной вселенской исторической цепи. Без использования философского инструментария у нас ничего бы не получилось.

Как я уже отметил, двойственности психики в дальнейшем будет уделено самое пристальное внимание. Сейчас же мы удовлетворимся лишь тем, что констатируем нашу осведомлённость о наличии этого свойства. Зарезервировав его разработку на недалёкую перспективу, в настоящей главе мы займёмся исследованием другого, не менее значительного атрибута психики.

Атрибутом, как известно, называют неотъемлемое свойство. А раз так, носителя атрибутивного свойства нам вообще не придётся искать. Любой человек сгодится в качестве подопытного кролика. Но всё же, люди так отличаются один от другого. На ком нам остановить свой выбор? На мужчине, на женщине? А может быть, независимо от пола, на среднем, типичном, не имеющем комплексов человеке? Или, может быть, напротив, на акцентуированной личности?..

Не будем гадать. Поступим-ка мы лучше следующим образом: возьмём для исследования не абстрактное безымянное существо, а конкретную личность, более того, человека, которого вы знаете, и знаете притом лучше, чем кого бы то ни было ещё. Такой выбор наверняка окажется наиболее эффективным.

Что это за человек? Кто у вас постоянно находится на виду? Чьи переживания, мечты и даже тайные помыслы вам досконально известны? Нисколько не сомневаюсь, что у вас уже готов ответ на эти вопросы. Да, уважаемый читатель, на должность кролика назначены вы. Это совершенно безопасно. Вы готовы отвечать на мои вопросы?

Тогда припомните своё обычное, среднестатистическое психическое состояние. Возможно и даже весьма вероятно, что именно в таком состоянии вы пребываете сейчас. Полагаю, что моя книга вас не слишком сильно раздражает. Скажите, пожалуйста, у вас бывает настроение выше среднего? Думаю, что бывает. А ниже среднего? Конечно. А одолевает ли вас когда-либо повышенное относительно вашего центра стремление к деятельности? Да, бывает и такое. А случается ли вам оказаться в плену ничегонеделания? Да, случается. Замечаете ли вы, что временами ваш интеллект работает особенно эффективно? Да. А иногда голова, как говорится, совсем не варит? Да. А бываете ли вы в какой-то момент более терпимы к недостаткам окружающих, а в какой-то — менее? Разумеется, да. А бываете ли вы сверх обычного встревожены или, напротив, беспечны? Улыбчивы и угрюмы? Замкнуты и открыты? Покладисты и неуступчивы? Мечтательны и прагматичны? Скупы и щедры? Опасливы и бесстрашны? Стыдливы и, скажем, не очень? Да, да, да...

Ранее я уже говорил об огромном числе присущих человеку психических черт. Видимо, настала пора назвать их количество. Оказывается, более или менее явных психических черт можно насчитать порядка тысячи. Бóльшая часть из них имеет названия — их вы можете найти в словаре. Какая-то часть психических черт для своего обозначения требует нескольких слов. Наряду с явными есть ещё, так сказать, черты-полутона, являющиеся их градациями, а также «гибриды», совмещающие в себе признаки разных черт. Обнаружить их в психике человека помогает интуиция, обстановка, ситуация. Многие из них невозможно уловить вне контекста и интонации.

Вот эту массу нам предстоит разложить по «теоретическим полочкам», систематизируя психику. Однако это замечание я делаю здесь между прочим. О количестве черт я заговорил по другой причине.

Дело в том, что, несмотря на колоссальное разнообразие и обилие психических черт, для выяснения интересующего нас свойства психики мне не пришлось бы задавать вам ни тысячи, ни двухсот, ни даже двадцати подобных вопросов. Для того, чтобы понять, что

психике свойственны перепады, достаточно нескольких пробных шаров. Впрочем, для стопроцентной уверенности вы можете перебрать и всю тысячу. Вы можете, и, наверное, есть смысл это сделать, на предмет перепадов проверить своих друзей и знакомых. Видимо, их наберётся не один десяток. А это — солидная база для исследований и заключений. Я, со своей стороны, готов предвосхитить результат: ваши знакомые по данному признаку продемонстрируют полное сходство с вами. Даже отчаянный ригорист, пусть с меньшими, но перепадами не выпадет из общей обоймы.

Вот какое интересное свойство психики мы обнаружили. Хотя, это, видимо слишком громко сказано. Наверняка психические колебания не являются для вас секретом. Только, смею предположить, у вас не было нужды эту в общем-то обыденную данность анализировать и упаковывать в строгие и чёткие научные формулировки. А может быть, и была. В любом случае мы проделаем эту работу. Посмотрим, что можно выжать из нашего опыта психической жизни. И какие при этом открываются исследовательские перспективы. Приступим?

Во-первых, и это мы уже проработали в форме вопросов и ответов, психике свойственно колебаться вокруг определённого, у каждого человека своего, центра, причём колебаться по каждой черте. Ниже под это самое общее эмпирическое заключение мы подведём соответствующую теоретическую базу.

Во-вторых, причина перемены нашего психического состояния, может, что называется, лежать на поверхности, но может быть для нас и полной загадкой. Порой, вставая утром в мрачном расположении духа и нервной дрожи или, напротив, начиная день на подъёме, собранными и уверенными в себе, мы не можем понять, что же изменилось вокруг. Задатки «беспричинных» перемен, оказывается, находятся весьма и весьма глубоко, в природе социальной, психической формы. Нам придётся ещё раз выйти на вселенские просторы, чтобы докопаться до первоосновы психических колебаний.

В-третьих, как показывает практика, психические колебания осуществляются не по законам физики и не могут быть описаны математическими формулами. Психика одного и того же человека может колебаться, в зависимости от массы обстоятельств, в различных ситуациях с разной амплитудой и разной частотой. Одно плечо колебательного цикла не обязательно должно быть зеркальным

отражением другого. Не надо и говорить, что разным людям присущи самые разнообразные колебательные вариации. Почему так устроен «психический маятник»? Видимо, потому что человек и среда его обитания намного сложнее, чем грузик, раскачивающийся под колпаком, из которого выкачан воздух.

В-четвёртых, интервал между крайними и взаимно противоположными психическими состояниями не представляет собой пусто-го пространства. Ваши гнев, печаль, радость, отвращение, извините, лицемерие, лживость, злобность и все остальные психические черты-состояния могут быть в той или иной степени слабее своего самого сильного проявления. Другими словами, психика по любой своей черте, а, следовательно, и психика как таковая, спектрирована. Мы зачастую не перепрыгиваем, а переходим, даже лучше сказать, переливаемся из одного состояния в другое. Возьмите хотя бы вход и выход из депрессии, нарастание тревоги, накручивание иллюзий, накатывание волн веселья, настройку на трудовой лад после отдыха...

Почему психика спектрирована (градуирована)? Представьте себе, что было бы, если бы на разные раздражители, например, на потерю носового платка и, скажем, тяжёлую болезнь близкого человека, мы реагировали с одинаковой «мощностью»? Градуировка обеспечивает адекватность реагирования, правда, лишь в конечном счёте. Отдельно взятый человек, тем более, единичный психический акт, вполне может быть неадекватен ситуации. Адекватность психического реагирования по сути своей есть общественное явление. Она, как цена на рынке, формируется и устанавливается через частные отклонения. Таким образом, уважаемый читатель, мы вышли на «психический рынок», на стихийный поиск психической формой своего оптимума. Видимо, и здесь нам не обойтись без помощи теории. Однако продолжим демонстрацию наших житейских психологических знаний.

В-пятых, каждая психическая черта имеет своего антипода. Это относится не только к самым крайним проявлениям, но и к любым иным, находящимся в составе спектра. Другими словами, психика поляризована и симметрична.

Любое крайнее психическое состояние, т.е. любая болезнь психики имеет свою противоположность. Для нас это исключительно важно. Зная, к примеру, что существует некая эпилепсия гМ, мы можем спроектировать, а затем найти в психической действи-

тельности её по какой-то причине неулавливаемую психиатрической теорией (и практикой) противоположность — эпилепсию гФ (кстати, обозначенные данными буквенными шифрами эпилепсии на самом деле существуют, и когда придёт время, мы будем говорить о них подробно).

Опора на принцип поляризации и симметрии психики позволяет надеяться, что психологическая концепция, за создание которой мы взялись, будет исчерпывающе полной.

В-шестых, любой человек в принципе является носителем всех психических черт. В противном случае люди не находили бы точек соприкосновения, а их совокупность не была бы обществом. Психические черты, как слова языка, обеспечивают общение. Вообразите, что ваш лексикон состоит, скажем, из слов «вода», «дерево» и «тетрадь», а вашего визави — из слов «лампа», «ножницы» и «очки». Попробуйте договориться...

Такого, разумеется, не бывает. Каждый человек владеет определённым общеизвестным набором слов. Но в одной ситуации он извлекает из своего запаса одни слова, в другой — другие. Аналогичным образом дело обстоит и с «запасом черт». В одной обстановке мы вольно или невольно выпячиваем одну черту, в другой — другую. Последнюю фразу можно понимать буквально. Чаще всего именно одна черта (реже — две, ещё реже — три) выделяется на общем достаточно ровном фоне, выступает как доминирующая и определяющая наше психическое состояние. Это наблюдение нам особенно пригодится, когда мы будем говорить о психической акцентуации и аномальных психических состояниях. Забегая вперёд, замечу, что психические отклонения, как правило, представляют собой не такой уж богатый букет гипертрофированных психических черт.

Так что психологию изучать не труднее, чем... разговаривать. Надо лишь понимать значение «слов».

В-седьмых, перебрав, пожалуй, все основные моменты маятникового движения психики, мы должны вернуться к тому, с чего начали наше знакомство с данным феноменом. Дело в том, что генеральная идея главы пока была лишь декларирована. Вы помните, что колебательные движения я квалифицировал как атрибут психики. А это значит, что психика не только может, но и должна колебаться. Напомню, что атрибут представляет собой необходимое свойство. Мы же до сих пор, наблюдая психику, всё своё внимание

уделяли её способности, но никак не обязанности колебаться. Обязательность психических колебаний, будучи провозглашённой, не была мною аргументирована. Можно ли это сделать? Да, такая возможность имеется, и, как всегда, в наших руках — два рычага: теоретический и практический. Теория, к которой мы вскоре обратимся, укажет на обязательность психических колебаний как на историческую необходимость. Что касается практики, то она, совершенно не противореча теории, снабжает нас, со своей стороны, массой эмпирического материала. Я ограничусь одним, на мой взгляд, весьма показательным и оригинальным примером.

Как вы полагаете, читатель, что объединяет Фредерика Шопена, Чарльза Дарвина, Льва Толстого, Альфреда Нобеля, Карла Маркса, Эдгара По, Вирджинию Вульф? Этот список может быть продолжен. Но вы уже, несомненно, уловили, что все представленные здесь знаменитости снискали себе славу на ниве творческого и интеллектуального труда. Однако объединяет их не только слава и выдающиеся творческие и научные результаты. Всем этим людям свойственны определённые психические черты: целеустремлённость, находчивость, живость ума, жажда деятельности, собранность, умение сдерживать эмоции, самокритичность, сила воли... Творческий успех не приходит автоматически. На него может рассчитывать только человек особого склада, только целеустремлённая и не дающая себе поблажек натура.

Интеллектуальный, творческий труд — один из самых тяжёлых. Может быть, трудно поверить, но каменотёс, лесоруб или землекоп затрачивает в течение рабочего дня меньше энергии, чем сидящий за письменным столом пытливый учёный или колдующий над клавиатурой талантливый композитор.

После работы необходима релаксация. Каменотёс, начисто забыв о своём занятии, вполне успешно может релаксироваться каким-либо зрелищем, возлиянием, на худой конец, ничегонеделанием. Другое дело, интеллектуал-трудоголик. Его орудие и предмет труда всегда с ним. Здесь же и творческое горение. Он, возможно, и хотел бы отдохнуть, т.е. деинтеллектуализироваться, но не может. Не каждый ведь обладает способностями литературной героини, которая говорила себе: «Не буду думать об этом сегодня, подумаю завтра». Интеллектуал продолжает творить. Он не думает об отдыхе. Вернее, для этого понятия в его голове просто нет места. И тут...

Да, я забыл сказать, что перечисленные мной психические черты в литературе именуются «мигреновыми»¹ и что все знаменитости из моего списка страдали мигренью.

И тут... маятник его психики, дойдя до максимально допустимой интеллектуальной нагрузки, внезапно даёт обратный ход. Нестерпимая разламывающая голову боль на несколько часов, а то и дней, заставляет творческую личность забыть о какой бы то ни было продуктивной работе. Релаксация, за невозможностью реализоваться в иной форме, принимает такое безобразное, жестокое обличье. Но это форма. А что же содержание процесса? С ним всё в порядке. Психика выполнила свою обязанность. Маятник, должный колебаться по определению, вывел её из опасного состояния, обезопасил от катастрофической перегрузки.

Необходимость колебаний представляет собой жизненно важный момент психического движения.

К слову замечу, что не каждый обладатель «творческого набора» психических черт страдает мигренью, как и обратно, не каждый страдающий мигренью представляет собой творческую личность. Однако связь обозначенных явлений не вызывает никаких сомнений. Среди лесорубов, строителей, крестьян больных мигренью намного меньше, чем среди представителей творческих профессий (здесь я не говорю о специфической женской мигрени).

Психика колеблется по любой черте, и везде её колебания носят объективный, обязательный характер. Она не спрашивает нашего согласия и не склонна считаться с нашими пожеланиями. Формы отката маятника могут весьма существенно отличаться одна от другой. Но самого отката избежать невозможно. Лишь бы одно плечо колебательного цикла по своему эффекту более или менее уравнивало другое.

В своём маятниковом движении под влиянием массы внутренних и внешних факторов от перегрузки мы, переваливая через оптимум, переходим к недогрузке. Устав от недогрузки и отталкиваясь от неё, мы направляемся в обратную сторону. Цикл завершается, меняются обстоятельства, изменяемся мы, проходит какое-то время, на авансцену, выходит новая черта-доминанта... Начинается новый цикл, со своей амплитудой, темпом, другими особенностями.

¹ См.: Даймонд С. Головные боли. М., 1997, стр. 55–56.

Психика «вибрирует». В постоянном сравнении своих реакций она ищет их наиболее эффективный, оптимальный вариант. Это её работа.

Ну а наша, наверное, требует подведения промежуточных итогов главы. Мы с вами неплохо поработали, читатель. Психические колебания предстали перед нами как исключительно многогранное явление. А какие перспективные исследовательские направления выявились в ходе рассмотрения этого, казалось бы, узкого вопроса.

Что же нам удалось сделать? Мы обнаружили, что колебания психики, будучи обязательными, достаточно вариабельны, и при этом не всегда чётко очерчены. Нами установлено, что в процессе перепадов психики на авансцену, как правило, выступает весьма ограниченный набор психических черт, часто — всего одна черта. Психические колебания позволили нам разглядеть градуировку на «шкалах» психических черт и выявить такие свойства психики, как поляризация и симметрия.

Таким образом, мы получили представление о колебаниях психики человека, существа по сути своей общественного. На какую мысль наводит вас последнее слово? Да, вырисовывается наша следующая задача. Теперь мы должны рассмотреть колебания общественной психики. Но прежде, несколько слов о терминах.

Как вы заметили, для обозначения одного и того же явления я употреблял термины «перепады психики», «психические колебания», «маятниковое движение» и один раз, — «вибрация». Все они так или иначе отражают суть описанных нами циклических изменений психики. Однако термин «вибрация», который я приберёг, что называется, на закуску, мне представляется более предпочтительным. Что, впрочем, не препятствует использованию и других слов. На преимущества «вибрации» я укажу, обрисовав движение общественного психического маятника.

Перепады общественной психики не остаются незамеченными наблюдательным человеком. Вот только вопрос: насколько они в целом и по своей фактуре походят на колебания индивидуальной психики? Переберём, сравнивая общественные психические колебания с индивидуальными, известные нам моменты маятниковобразного движения человеческой психики.

Как и индивиду, психическому сообществу присущи маятниковые циклы. Как и в индивидуальной психике, на общественной арене мы находим вариабельность колебаний и доминирование той

или иной черты. Так же, как и на индивидуальном, на общественном уровне имеют место спектрирование состояний, их поляризация и симметрия.

В принципе общественные колебания по своим проявлениям не отличаются от индивидуальных. Зачастую они принимают грандиозный размах. Революционные подъёмы сменяются спадами и реакцией, электоральные циклы, как правило, сопровождаются притоком избирателей к той или иной политической силе и последующим разочарованием и оттоком, вспыхивает и угасает мода, возникает и рассеивается интерес к каким-то видам деятельности, событиям, персонам, авторам, литературным и музыкальным произведениям, «спасительным» лекарственным средствам... Словом, у нас есть все основания узаконить общественную «вибрацию».

Представьте себе, читатель, что вы наблюдаете психическое общество в целом. Заметите ли вы индивидуальную «вибрацию»? Думаю, нет. Она теряется на фоне поражающих воображение подвижек общественной психики. Мы ведь не обращаем внимания на отдельные незначительные всплески воды, наблюдая за морским приливом и отливом. Однако индивидуальная «вибрация» никуда не исчезла, и мы, занимаясь психологией, не можем её не замечать.

Окажись в ваших руках, читатель, какой-нибудь чудесный «бинокль» с очень большой разрешающей способностью (а в придачу к нему и дар наблюдать одновременно как макро-, так и микрообъекты), вы увидите тогда и «вибрацию» индивидов. А ведь у нас есть такой «бинокль». Это — наш исследовательский интерес и наши исследовательские возможности. Мы просто обязаны видеть и макро- и микродвижения психики, и общественные и индивидуальные волны. Как вы, видя то и другое, одним словом назовёте открывшуюся вашему взору колышущуюся и дрожащую массу? Скорее всего, при взгляде «сверху», «вибрирующей». А собственно движение? Полагаю, «вибрацией». Вот то слово, которое, по моему мнению, лучше других и к тому же достаточно деликатно (сравните: «копшение», «мельтешение» и т.п.) отражает специфику нашей психической жизни. Видимо, не надо объяснять, что закавычивать его приходится постольку, поскольку мы имеем дело не с механикой.

Итак, наблюдая индивида и общество, мы обнаружили, что совершенно естественно, подобие их психического движения. И человеку и психическому сообществу свойственна «вибрация».

А что, если нам теперь рассмотреть и того и другое в статике. Будут ли они по-прежнему подобны? Или, может быть, в пределах интересующего нас круга явлений выявятся какие-либо полезные для нашего исследования различия?

Посмотрим на «фотографии». На индивидуальной мы видим лишь определённое фиксированное состояние психики, в то время как «фильм» о человеке способен продемонстрировать весь спектр его состояний. На групповой (общественной) «фотографии» иначе. Она одаривает нас спектром психических состояний, и чем группа больше, тем спектр состояний богаче. Люди ведь такие разные. Если мы «сфотографируем» всё психическое сообщество, в нашем распоряжении окажется полный, максимально возможный спектр психических состояний и наибольший разброс психик, от одного крайнего, аномального состояния по той или иной черте до другого, ему противоположного. Это настоящее монументальное полотно! Статичный спектр психик своим абсолютным богатством перекрывает динамический спектр любой индивидуальной психики.

Что из этого следует? «Сфотографировав» общество, мы получили превосходную модель психики как таковой, психики как явления во всём богатстве всех её сторон. Более полной модели не существует. Но это не единственное её достоинство. Работа с данной моделью открывает возможность на каждом исследовательском рубеже поражать одним выстрелом сразу две мишени — общественную и индивидуальную. Другими словами, мы получили возможность одновременно систематизировать и общественную и индивидуальную психику. Первую, абстрагируясь от её маятниковых движений на широкой арене (но обязательно рассматривая их, когда возникнет такая необходимость), вторую — абстрагируясь от её постоянной индивидуальной «вибрации».

Вы заметили, уважаемый читатель, что индивидуальное и общественное в моём изложении поменялись местами. Думаю, вы согласитесь, что подступиться к «вибрации» было проще, обратившись прежде всего к индивиду. Теперь, когда дело сделано, на первый план выходит общественное. Далее в своём исследовании психики мы будем отталкиваться от него. Почему? Потому что психика — явление по сути своей социальное. Её общественная ипостась первична. Она должна быть поставлена во главу угла. Что является более продуктивным, если не единственно приемлемым: опора на первичное, общее, максимально богатое или на производное, ча-

стичное, относительно бедное да ещё представленное массой вариантов? Видимо, нет необходимости отвечать на этот вопрос.

Как только что я констатировал, дело сделано. Да, но сделано только в той своей части, которая касается описания «вибрации» и выявления её характеристик. Я в долгу перед вами, читатель. За мной — теоретическое подкрепление «вибрации». Это первый из двух вопросов, которые требуется проработать, чтобы глава была доведена до конца. А второй вопрос должны поставить, если ещё не поставили, вы, мой уважаемый критик. Вас ведь уже давно подмывает уколоть автора, возводящего «вибрацию» в абсолют и упорно не желающего видеть очевидное. Вам наверняка известно о людях, психика которых почти или даже совершенно неподвижна.

Мне тоже об этом известно. Более того, мне приходилось наблюдать людей с «невибрирующей» психикой. Надо сказать, с ними трудно общаться. В любой ситуации они ведут себя одинаково: в отношении эмоций, оценок, других реакций. Да, не могу с вами не согласиться. Такие люди есть. Вы спрашиваете: как совместить факт их существования с атрибутивностью «вибрации»? Что ж, придётся этим заняться. Но сначала дадим теоретическое обоснование «вибрации».

Сделать это несложно, поскольку мы располагаем периодизацией прогрессивной истории Вселенной, знаем место и своеобразие трёх грандиозных вселенских материальных форм. Их качественное отличие, как вы помните, мы определили, опираясь на изменение температурно-пространственного диапазона, в котором существует и развивается вселенский материальный авангард. Ту же самую процедуру нарезки вселенского исторического процесса, и точно с тем же результатом, можно провести, взяв в качестве базовых количественных переменных амплитуду «вибрации» заступающих на место авангарда объектов (проточастиц, частиц, ядер, атомов, молекул, биологических особей, людей, субъектов логического периода истории) и их, так сказать, общественный спектр. Не будем дважды проводить по сути одну и ту же работу. Сразу оглашу её «качественный результат». Вы можете проверить его правильность, если проследите за более или менее плавным увеличением амплитуды «вибрации» и шириной «общественного» спектра до содержательной середины вселенской истории и их уменьшением после этого во всех отношениях знаменательного перевала.

Картина вселенской истории, нарезанной на основе «вибрационных» изменений, выглядит следующим образом. Первая, физико-химическая форма, имеет по сравнению со следующей столь мизерные «вибрацию» и спектр, что, характеризуя её качество, мы просто обязаны этим мизером пренебречь. Физико-химическая форма является «невибрирующей». Её аналогом в этом смысле служит логическая форма. Абсолютно другое дело, биологическая форма организации материи. Биологические особи постоянно «вибрируют» в своих жизненных проявлениях. Их реакции в широких пределах варьируют в зависимости от изменений среды. Генотип в потенции содержит практически неограниченное число фенотипических реализаций. Колоссальный «общественный» спектр составляют живые уникальные особи. Если бы в науке было принято употреблять пышные эпитеты, биологическую форму следовало бы назвать бурно «вибрирующей».

Для наглядности переведем сказанное в графику. Понятно, что полученное изображение вселенского процесса будет и аналогом и антиподом предыдущего. Количественные переменные, взятые в первой главе, шли сначала на уменьшение, а затем — на увеличение. «Вибрация» и спектр ведут себя на вселенской арене «с точностью до наоборот». Почему? Ответ на этот вопрос вам поможет получить следующий абзац [рис. 2].

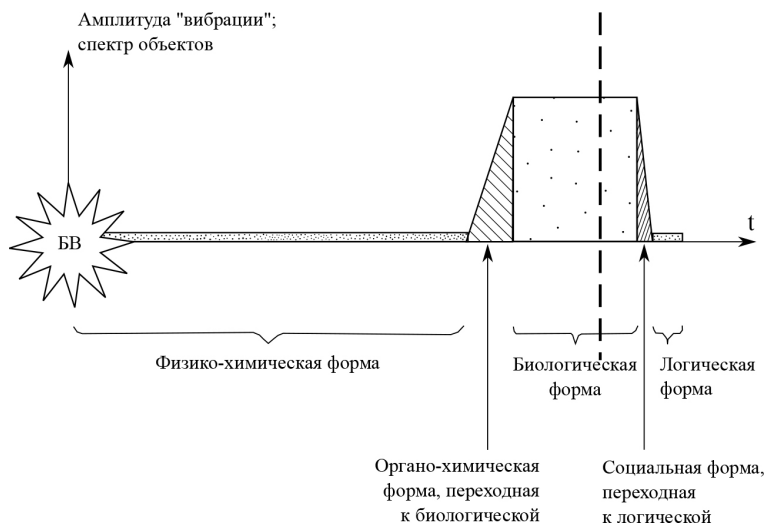

Рис. 2

Почему живое «вибрирует»? Для сложного и хрупкого материального носителя, привязанного к сверхузкой нише обитания, параметры которой (не только температурные, но и касающиеся химического состава атмосферы, давления, кислотности воды, влажности, радиационного фона и т.д.) непрерывно изменяются, «вибрация» является единственным способом существования. Этот способ состоит в безостановочном стихийном, слепом, осуществляющемся через множество проб поиске оптимума. Представьте себя занимающимся каким-либо тонким делом в постоянно изменяющихся условиях. Чтобы довести работу до конца, вы должны всё время прибегать к различным уловкам, приспосабливаться, искать новые решения, словом, вертеться. Перефразируя применительно к биологической форме известную поговорку, можно сказать: хочешь жить, умей «вибрировать». Таким образом, пластичность (способность «вибрировать») и спектрирование в рамках популяции, вида, семейства, наконец, всего живого представляет собой, соответственно, страховку от наличных, действительных и возможных в будущем, потенциальных неблагоприятных изменений среды. И то, и другое является гарантией существования жизни. Посредством «вибрации» поиск своего оптимума осуществляет особь, посредством спектрирования — вид и живое в целом.

Биологическая форма расточительна. Она безжалостно расстаётся с теми, кто не сдал экзамен на пригодность. Особь, слепо размещённая в той части спектра, которая не соответствует требованиям изменяющейся среды, обречена на выбраковку, на гибель. Линию жизни продолжают лишь единицы.

Вы приняли моё объяснение биологического спектрирования и биологической «вибрации», читатель? И, наверное, подумали: это же похоже на мир людей. Разе что особа с косой не так самозабвенно выкашивает у нас не нашедшие согласия со средой пробы.

Правда, люди погибают в другом — социальном — смысле. Не сдавший сессию и отчисленный из вуза молодой человек погибает как студент. Не выдержавший конкуренции и разорившийся предприниматель погибает в этом качестве. Ушедшая с головой в науку и не реализующая себя по своему природному назначению женщина убивает в себе мать...

Не могу не согласиться с вами, уважаемый читатель. Только с одной поправкой. Не биологический мир походит на мир людей, а, наоборот, люди в этом плане походят на животных. Не надо

на это обижаться. Так и должно быть. Мы ведь представляем собой переход от биологического к логическому. Мы с необходимостью несём на себе печать той формы, порождением которой являемся. Только все её черты у нас находятся в соединении с новым, грядущим. Сплав старого и нового, биологического и логического даёт социальное качество. Смерть, кстати, как и рождение, сохраняясь как биологическое явление, приобретает у нас, у людей, на что мы только что обратили внимание, и социальное измерение.

Социализируются и спектрирование с «вибрацией». В социуме, продолжая существовать на биологическом уровне, они неизбежно обогащаются психическим компонентом. Это естественно. Мы знаем, что социальная форма есть форма психическая. Таким образом, наша, человеческая, психическая «вибрация» является естественным порождением и продолжением биологической «вибрации». Столь же естественно и общественное психическое спектрирование.

Таково теоретическое и историческое обоснование вынесенного в название настоящей главы неотъемлемого свойства психики. Вместе с обоснованием психической «вибрации» мы получаем возможность объяснить и все её ранее отмеченные мною проявления. Вы помните, что, характеризуя ту или иную грань «вибрации», я в ряде случаев предлагал вам подождать с разъяснением до подведения теоретической базы. Сейчас эта работа произведена. Обладая теоретическим видением проблемы, вы легко придадите моим скудным ремаркам вполне законченный вид. Оставляю это интересное, но не являющееся для нас необходимым занятие вам, читатель, и делаю очередной шаг в нашем исследовании.

«Вибрация», как и всё прочее, доставшееся нашей переходной форме от старого, биологического, представляет собой сходящее с исторической сцены, угасающее явление. Это несомненное, с точки зрения теории, положение полностью согласуется с общественной исторической практикой. Народы, отставшие в своём развитии, имеют амплитуду психической «вибрации», значительно превышающую таковую у развитых народов. Можно ли из этого теоретического вывода и подтверждающего его практического обстоятельства извлечь какую-либо выгоду? Мне представляется, можно. Более того, такой возможностью ни в коем случае нельзя пренебрегать.

Хорошо известно, что в процессе внутриутробного развития человеческого эмбрион в ускоренном порядке претерпевает в принципе те же изменения, что и живое в ходе своей эволюции. Аналогичным

образом дело обстоит и с психикой человека. Только, во-первых, её развитие начинается не с момента слияния двух половых клеток, а после рождения и, во-вторых, воспроизводит в основных чертах те ступени, которые в своём психическом развитии общество прошло с начала человеческой истории. А раз амплитуда «вибрации» с ходом истории уменьшается, по идее то же самое мы должны наблюдать и в процессе взросления человека. Так ли это? Да, действительно, психика ребёнка раскачивается сильнее, чем психика подростка, психика подростка — сильнее, чем психика юноши, психика юноши — сильнее, чем психика взрослого человека.

Понятно, что я не открываю Америку. Это эмпирическое заключение известно или, по крайней мере, ощущается многими психологами и психотерапевтами. Я вижу свою задачу в том, чтобы поставить данное наблюдение на прочное историко-философское основание, что, в свою очередь, и это, наверное, для практики намного важнее, открывает самые широкие перспективы и снимает всякие ограничения на использование материалов и наработок исторической психологии в интересах психологии возрастной.

Однако не будем отвлекаться на практику. Мы ведём теоретическое исследование и, выполняя свой план, приближаемся к завершению главы, посвящённой психической «вибрации». Без ответа остался лишь вопрос, поставленный вами, мой уважаемый читатель.

Вы спросили, как можно совместить иногда встречающуюся в жизни неподвижность психики с атрибутивностью, т.е. необходимостью и обязательностью «вибрации»? Пока я отвечу вам, хотя вас вряд ли устроит такой ответ, одной фразой: до сих пор речь шла у нас только о здоровой, нормальной психике. О больной, в том числе и по части «вибрации», мы будем говорить в дальнейшем. Неподвижная психика, как и другие психические аномалии, не останется без своего места в системе. А сейчас, благо представился такой случай, мы лучше поговорим о психической болезни как таковой и о целесообразности включения «болезненной темы» в наше исследование. Это будет и заделом ответа по существу на ваш вопрос.

Болезни, в том числе и психические, являются, мягко говоря, малоприятным компонентом нашего бытия. Обязателен ли этот компонент? Как ни печально об этом слышать, да. Без болезней немислимо существование ни одного биологического вида. Ведь болезнь есть не что иное, как реакция на среду той слепо произведённой

природой пробы (а за пробой стоит реальная особь), которая по воле случая оказалась из-за своего состояния в крайне неблагоприятных для себя условиях. При слепом спектрировании это неизбежно. Как неизбежен, и при этом позитивен и даже спасителен для вида, отсев не находящих гармонии со средой особей.

Но болезнь не только браковщик, она ещё и внедренец. При существенном изменении среды какие-либо из бесперспективных в прежних условиях особей могут продлить и в действительности продлевают линию существования вида.

У болезни имеется ещё одна, третья, «специальность». Кроме отбраковки тупиковых проб и внедрения новаций, она ещё тренирует иммунитет, в том числе и психический. Психотерапевту полезно знать, что дозированные трудности закаляют и в определённой мере нормализуют нуждающуюся в коррекции психику.

Болезнь, как видим, представляет собой необходимый компонент не только биологического существования, но и развития¹.

Понятно, что человек, будучи и биологическим существом, не может быть свободен от атрибута биологической формы — болезни. Отличие разумного животного от всех остальных состоит только в том, что ему свойственны ещё и болезни психики.

Разве можем мы после сказанного о болезни отказаться от включения столь жизненно важной темы в нашу работу? Разумеется нет. Но заняться болезнями, точнее, болезнями психики, нас заставляет не только это.

Считаю, что игнорирование темы болезни не только обеднит и ослабит работу, но и существеннейшим образом затруднит достижение поставленной мною цели, если вообще не перечеркнёт её. Чем я могу аргументировать столь резкое суждение?

Прежде всего, тем, что исследование любой вещи, любого явления продуктивно только тогда, когда в оборот берётся весь предмет, все его составляющие, за исключением, может быть, не делающих погоды необязательных довесков, каковым, как мы выяснили, болезнь ни в коем случае не является. Психическая болезнь представляет собой неотъемлемую часть цельного общественного психического спектра (а в потенции — индивидуального спектра здорового человека). Почему тогда мы должны расчленять целое и, соблюдая некую традицию, ощупывать какую-то его часть?

¹ Более детально болезнь разбирается в уже названной мною работе (См.: Искрин В. И. Новая психология. СПб., 2001, стр. 34–36).

Далее, всё, как известно, познаётся в сравнении. Разве можно составить представление о здоровой психике, не сравнивая её с больной, не отталкиваясь от психических аномалий, как, впрочем, и обратно? При изолированном изучении болезнь повисает в воздухе, а норма выступает в виде абстрактной категории.

Наконец, болезнь вырастает из нормы. Стартуя от её центра, от узкой психической нормы в виде незначительного отклонения и двигаясь к периферии, она, будучи ещё лишь в потенции болезнью, шаг за шагом, от одной градации психического спектра к другой всё более приближается к своим законченным формам, чтобы, перейдя границу, отделяющую норму от аномалии, превратиться в болезнь в строгом смысле этого слова. Не зная этого маршрута, нельзя напасть на след притаившейся в пределах нормы будущей болезни. Я уж не говорю о том, что между психической нормой и болезнью проходит не чётко обозначенная, а размытая граница. Причинами её размытости, как нетрудно понять, являются атомарные масштабы различий между людьми и «вибрация» их психик.

Такова моя аргументация необходимости исследования психики во всём её объёме, от узкой нормы («самого нормального состояния») до крайних, предельно аномальных состояний. Вы видите, уважаемый читатель, ваш вопрос оборачивается новым качеством всей нашей работы. Но это, как говорится, задача на потом. А сейчас займёмся подведением очередных итогов.

1. В настоящей главе в центре нашего внимания оказались психические колебания. Это повсеместно наблюдаемое свойство психики мы назвали «вибрацией».

Не удовлетворяясь констатацией факта, мы выявили место «вибрации» во вселенском процессе, обосновали её теоретически, указали на её необходимость для социальной, психической формы, являющейся, как мы знаем, переходом от биологического к логическому. «Вибрация» предстала перед нами как фундаментальное, обязательное свойство психики.

2. Мы увидели, что «вибрация» не является свойством только лишь индивидуальной психики. Она «работает» и в рамках психического сообщества. Так же, как и индивидуальная «вибрация», общественная может быть предметом научного исследования.

3. Благодаря «вибрации», мы получили представление о психике как о спектрированном по любой черте явлении.

Статичный общественный спектр признан нами в качестве удовлетворяющей самым взыскательным требованиям исследовательской модели. На основе данной модели я рассчитываю систематизировать психику.

4. Другими, не менее важными продуктами «вибрации» являются поляризация и симметрия психики. Как и спектрированию, поляризации и симметрии подвержена каждая психическая черта.

Как и на спектрирование, на поляризацию и симметрию мы будем опираться в деле систематизации психики.

5. Мы обратили внимание на историческую эволюцию психической «вибрации». Несомненно, что «вибрация» угасает в ходе человеческой истории. Это обстоятельство позволило нам подвести историко-философскую базу под один из постулатов возрастной психологии, согласно которому в процессе взросления уменьшается «раскачка» и относительно стабилизируется психика человека.

6. Наконец, затронув тему болезни, я высказал в связи с этим свою программную установку. Мы будем работать в пределах всего психического пространства: в зоне нормы, на границе нормы и болезни и в зоне болезни, вплоть до самых её окраин. Только такой охват, по моему мнению, может стать залогом успеха.

Таким образом, уважаемый читатель, настраивайтесь не только на психологическую, но и на психотерапевтическую и психиатрическую волну.

ГЛАВА III

ГЕНЕТИКА И СРЕДА

За свою жизнь, уважаемый читатель, вы наблюдали немалое количество людей. С кем-то вы общались ранее, с кем-то более или менее постоянно вы общаетесь сейчас. Возьмите хотя бы ваших детских и нынешних друзей, соседей, товарищей по учёбе, работе, по проведению досуга. О ком-то вы слышали, о ком-то, включая литературных героев, читали, кого-то вы знаете по телевизионным передачам. Словом, у вас солидная, если можно так выразиться, общественно-наблюдательная практика.

Наблюдая людей, вы, наверное, не раз приходили к выводу, что на их характер, привычки, мировоззрение, на всё то, что составляет психический облик человека, оказывают влияние различные и зачастую случайные обстоятельства. Вы видели, как в психическом плане люди меняются, попав в иное окружение, занявшись другим делом, поверив в новые идеалы. А вы сами, оглядываясь назад, разве не думали, что могли бы во многом стать другим человеком, если бы когда-то поступили не так, как поступили в действительности, если бы на каком-то жизненном перепутье выбрали иную дорогу, если бы рядом с вами оказались другие люди, если бы не та, а другая случайность определила вашу дальнейшую жизнь?..

Вы согласны, что психика подвластна влиянию, что она формируется с обязательным участием неких внешних, находящихся за пределами человека сил? Тогда нам надо определиться с терминами. Договоримся, что всё то, что находится вне человека и оказывает (и может оказать) влияние на его психику, мы будем именовать средой. То же, что в известном смысле противостоит внешнему изнутри, что является, если можно так сказать, исконным, изначально заданным, мы условимся называть генетикой. Думаю, не надо объяснять, что изначально заданным может быть только то, что биологически наследуется нами от родителей.

Понятно, что мы не можем строить теорию на основе только лишь личных наблюдений. Чтобы удостовериться в наличии

средового воздействия на психику людей, нужны сторонние факты. Имеются ли они? Да, их более чем достаточно. Приведу, как мне представляется, самые яркие и интересные.

Как вы думаете, читатель, способно ли какое-нибудь внешнее воздействие не просто повлиять на психику, а радикально изменить её, буквально перевернуть, сделать человека совершенно другим? Оказывается, способно. Так, например, американские психологи, обследовав людей, выживших в авиакатастрофах, пришли к неожиданному выводу: такие люди на всю оставшуюся жизнь становятся оптимистами. По сравнению с представителями контрольной группы, составленной из людей, часто пользующихся услугами авиалиний, но никогда не попадавших в подобные передраги, прошедшие через катастрофу более спокойны, уравновешены, менее напряжены, менее раздражительны, у них повышен уровень самоуважения, они лучше относятся к людям и к жизни в целом. Подобные же результаты дало и исследование, проведённое на выживших при кораблекрушении¹.

Остаётся предполагать, что прошедшие через катастрофу или иное смертельно опасное испытание проживут не только приносящую удовлетворение, но и к тому же долгую жизнь. Не так давно выяснилось, что оптимисты живут в среднем на семь с половиной лет больше, чем менее жизнерадостные люди². Видимо, это относится не только к врождённому, но и к приобретённому оптимизму.

На увеличение продолжительности жизни влияет самооощение человека. Учёные из Центра наук о здоровье в Торонто (Канада) обнаружили, что киноактёры, получившие Оскара, живут в среднем на четыре года дольше, чем те, кто не выдвигался на эту премию или выдвигался, но не получил её. Той же группе в результате другого исследования, объектом которого стало британское чиновничество, удалось установить, что, чем более высокое место занимает человек на карьерной лестнице, тем больше у него шансов дожить до глубокой старости. По-видимому, и в том и в другом случае человек чувствует себя менее зависимым от других людей и обстоятельств, ощущает себя в той или иной мере победителем. А это, согласитесь, вселяет оптимизм³.

¹ См.: Верный способ стать оптимистом//Наука и жизнь, 1999, № 12, стр. 112.

² См.: Рощак Т. Старость должна быть в радость//Ломоносов, 2003, № 5, стр. 49; Победители живут дольше//Наука и жизнь, 2001, № 11, стр. 94; Жизненно важный тренажёр//Здоровье, 1999, № 4, стр. 19.

³ См.: Победители живут дольше//Наука и жизнь, 2001, № 11, стр. 93.

На Оскара или иную престижную премию могут рассчитывать лишь единицы. Высших чиновников также много не требуется. А приобщаться к оптимизму через какую-нибудь катастрофу слишком рискованно. Что же делать обычному человеку? Существуют ли общедоступные средства для достижения тех же целей? Пожалуйста. Шведские учёные из университета города Умеа выяснили, что долголетию способствует активная культурная жизнь. У тех, кто много читает, посещает музеи, театры, концерты, сам музицирует, продолжительность жизни значительно выше, чем у тех, кто не склонен заниматься повышением своего культурного уровня¹.

Хорошим антидепрессантом является забота, участие, деятельность. Выяснено, например, что люди, имеющие внуков, меньше болеют, а если заболевают, быстрее выздоравливают. Такие люди более оптимистичны, интеллектуальны, они дольше живут. Между прочим, солидной составляющей женского долголетия, а женщины, как известно, значительно превосходят мужчин по продолжительности жизни, является их востребованность в преклонном возрасте.

Интересно, что объектом заботы не обязательно должен быть человек. В исследовании, проведённом в 1980 году в Филадельфии, было показано, что люди, перенёсшие инфаркт, реже становятся жертвами второго инфаркта, если имеют дома собаку или кошку. Оказалось, что роль домашних животных в выздоровлении даже выше, чем роль любящей семьи больного². Это объяснимо. Зачастую пожилой человек, ранее имевший достижения и уважаемый и ценимый на работе, выйдя на пенсию и оказавшись не у дел, неосознанно начинает компенсировать утраченный статус. Он афиширует свою болезнь, требует повышенного внимания, суеты вокруг собственной персоны, окрашенного пессимизмом пиетета окружающих. Медики называют данный синдром уходом в болезнь. А болезнь под давлением психики имеет свойство усугубляться. Как, впрочем, и отступать. Животное способствует благоприятному развитию событий. Собаки, кошки, другие домашние животные не поддаются никаким ипохондрическим домогательствам. Напротив, они сами требуют внимания и заботы и ценят только статус заботливого, доброго и оптимистично настроенного по отношению к ним хозяина. А забота и оптимизм обладают великой целительной силой.

¹ См.: Наука и жизнь, 1998, № 6, стр. 97.

² См.: С собакой спокойнее // Наука и жизнь, 1992, № 2, стр. 84.

Терапия, основной составной частью которой является забота о питомце, способна благотворно воздействовать даже на больных аутической шизофренией. К такому выводу пришёл доктор Корсон из психиатрической клиники университета штата Огайо (США). В качестве последнего средства в борьбе с суровым недугом он решил использовать собаку. Каждому из двадцати считавшихся безнадёжными пациентов доктор Корсон подарил по щенку. Восемнадцать из них приняли подарок. Для неконтактных прежде больных собака стала нитью, связывающей их с окружающим миром. Мало-помалу забота о щенке и новые обязанности разрушали стену между психикой больного и миром здоровых людей. Проявление заботы о щенке стало первым шагом к выздоровлению¹.

Однако не всегда среда благоприятно воздействует на психику. Несколько расширив сферу действия одного в общем-то психотерапевтического принципа, ставшего пословицей, можно сказать: среда лечит, среда ранит. Порой очень сильно. Я говорил о средовом воздействии, увеличивающем продолжительность жизни. Влияние среды, к сожалению, может быть ориентированным и в противоположную сторону. Сокращение продолжительности жизни на 12 лет и перманентный стресс — такова плата американских мужчин за обладание женой-красавицей. Психолог Эдгар Даблен из Йельского университета считает, что при такой жене муж живёт в вечных опасениях измены, и потому стресс подтачивает его здоровье. Да, опасения — черта явно не оптимистического толка².

Таким образом, среда, иницирующая оптимизм, способствует долголетию и здоровью, среда, провоцирующая пессимистические настроения, напротив, уменьшает продолжительность жизни.

Я только что привёл пример благотворного воздействия среды на больных шизофренией. А возможно ли воздействие среды, вызывающее шизофрению? Да, возможно. Шизофреноподобные состояния средового происхождения не являются такой уж редкостью. Сформировать шизофрению способна даже мать, если она доминирует в контактах с ребёнком, блокирует его самостоятельность и инициативу, контролирует каждый его шаг, принимает решения по всем, даже самым незначительным, вопросам. В психиатрии такую мать называют сверхопекающей или шизофреногенной.

¹ См.: Собака — лекарство от шизофрении//Наука и жизнь, 1975, № 2, стр. 103.

² См.: Наука и жизнь, 1999, № 12, стр. 102.

Как видим, среда не просто и не только придаёт определённый колорит психике. Наряду с этой в общем-то заурядной, каждодневно наблюдаемой нами «работой», она, если имеются соответствующие условия, способна в известном смысле наперекор генетике оказать мощное, зачастую революционное воздействие на психическое самочувствие и поведение человека.

Ранее я декларировал наличие внутренней, генетической психической субстанции и гипотетически связал её с наследственностью. Но существует ли такая основа психики в действительности? И если да, правомерно ли называть её генетикой? Нам не остаётся ничего другого, как перейти к рассмотрению этих вопросов. Между прочим, мой уважаемый читатель, вы обратили внимание, что, декларировав генетику, я не стал для укрепления собственной позиции апеллировать к вашему житейскому опыту? Роль внутреннего, скрытого от глаз зарегистрировать намного сложнее, чем влияние факторов, действующих извне. Обратимся поэтому к данным научных исследований.

Многие годы наиболее эффективным способом изучения природных задатков психики было исследование близнецов. Близнецы, как известно, бывают разнородные и однородные. Последние, развиваясь из одной зиготы, обладают практически идентичным набором генов. Следовательно, и задатки, в частности психические, у них должны быть одинаковы. Логично предположить, что, если генетическая основа психики существует, однородные близнецы должны демонстрировать больше психического сходства, чем разнородные. Что же показали наблюдения? Кстати, такие наблюдения имеют весьма солидную историю и охватывают число близнецовых пар, вполне достаточное для однозначных выводов. Так вот, в ходе подобных наблюдений выяснилось, что однородные близнецы по своим психическим характеристикам намного ближе друг другу, чем разнородные.

Возьмём в качестве иллюстрации такой психический показатель, как умственные способности. Видимо, их можно приблизительно оценить, ориентируясь на школьную успеваемость. О чём же свидетельствует классный журнал? Оказывается, по большинству предметов однородные близнецы, в отличие от разнородных, показывают удивительное сходство результатов. Немецкие учёные, сравнив школьные успехи 60 пар однородных и 41 пары разнородных близнецов, обнаружили, что по успеваемости однородные

близнецы различаются вдвое меньше, чем разнаяйцевые. Любители тестов, американцы, измеряя IQ школьников, также выявили большее сходство между однойцевыми близнецами и меньшее — между разнаяйцевыми¹.

Подарком для исследователей являются однойцевые близнецы, волей судьбы разлучённые друг с другом и оказавшиеся в различных условиях. Мониторинг таких пар осуществляется во многих странах мира. Интеллектуальные способности разлучённых близнецов, ввиду своей схожести, также заставляют считать генетические задатки психики неопровержимым фактом².

Об этом же свидетельствуют и наблюдения за детьми, выросшими в семьях приёмных родителей. Оказывается, усыновлённые дети по показателям своего умственного развития гораздо больше похожи на своих кровных родителей, чем на приёмных. Учёные также сравнивали приёмных детей с их кровными матерями, оставившими малышей сразу после рождения. И в этом случае сходство умственных способностей было поразительно высоким³.

Близнецовый метод изучения наследуемых психических признаков, будучи вполне доказательным, не мог объяснить механизма наследования и его материальной стороны. Такую возможность предоставила генетика. С конца прошлого столетия, всё нарастая, пошёл процесс идентификации конкретных психических признаков и их носителей, генов. Признаки были материализованы. Эта работа ещё очень далека от завершения. Мы только в начале пути. Но и те результаты, которые на сегодня имеются в распоряжении исследователей, впечатляют. Не имея возможности хотя бы только перечислить все достижения психогенетики, ограничусь несколькими примерами.

Вы не задумывались, уважаемый читатель, почему кто-то является «жаворонком», а кто-то «совой»? Неужели дело в привычке? Оказывается, не только в ней. Поздний отход ко сну и позднее пробуждение имеют генетическую природу: замена одного «кирпичика» ДНК, тимина на цитозин, делает человека «совой». Это открытие сделали американские учёные, проанализировав один из генов биологических часов человека⁴.

¹ См.: Полянская Е. Одинаково ли близнецы учатся в школе? // Наука и жизнь, 1997, № 12, стр. 115.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См.: Наука и жизнь, 1999, № 5, стр. 48.

Другая группа американских учёных, возглавляемая Дэном Хамером из Института национального здоровья, недавно нашла ген, обуславливающий гомосексуализм. А это ведь и психическое явление. Данный ген локализован в половой X-хромосоме. Интересно, что этот ген впервые был обнаружен у дрозофилы. Как известно, гомосексуальные наклонности имеют место и среди животных¹.

Надо сказать, что эксперименты на животных являются важнейшей составной частью психогенетических исследований. Генетическое кодирование признаков человека в принципе не отличается от такового у животных. Поэтому обнаружение связи какого-либо признака с определённым геном, например, у мышей или крыс, вполне может стать отправной точкой в деле локализации ответственного за аналогичный признак гена у человека. Исключительно перспективными в этом направлении мне представляются эксперименты, связанные с генетикой эмоций. Так, несколько лет назад группе американских генетиков удалось выяснить, что пугливость у мышей имеет генетическую природу. Исследователями был обозначен ответственный за этот признак участок первой мышинной хромосомы. На очереди — локализация мышинного «гена трусости»².

Ещё одной группе учёных, также экспериментирующей с мышами, удалось установить генетическую обусловленность агрессивности и беспокойства. Оказалось, что данные качества выходят за пределы нормы при выключении гена, названного *Pet-1* и ответственного за выработку серотонина. Известно, что нарушения продуцирования и действия серотонина у людей также связаны с агрессивностью, беспокойством и подверженностью депрессиям.

Множество открытий сделано в последнее время в ходе наблюдений за людьми с ненормальной психикой. Учёные из Германии, США, Ирландии, Исландии и других стран добились немалых успехов в локализации генов, определяющих шизофрению. Испанские исследователи обнаружили генетическую мутацию, обуславливающую страх и внезапное сильное волнение при столкновении с чем-то новым и необычным. Успешные работы ведутся в области генетики асоциального поведения, маниакальности, таких конкретных психических черт, как, например, общительность, застенчивость,

¹ См.: Корочкин Л. В лабиринтах генетики // Новый мир, 1999, № 4, стр. 117–118.

² См.: Ген трусости // Наука и жизнь, 1998, № 2, стр. 11.

робость...¹ Словом, психогенетика находится сегодня на подъёме, и без излишнего пафоса мы смело можем утверждать, что ей принадлежит будущее.

Однако моя цель не состоит в пиаре психогенетики. Она скромнее и прозаичнее. Я стремился лишь показать, что психика имеет генетические основания. По-видимому, по минимуму мне удалось решить эту задачу. Теперь нам предстоит от практики перейти к теории. Мы констатировали участие генетики и среды в работе психики. На каких правах они участвуют в этой работе? Какова роль генетики и среды в реализации того, что мы называем психикой? Ответить на эти вопросы способна только теория.

Часто спрашивают: на сколько процентов психика задаётся генетикой, а на сколько — средой? Не ждите, читатель, не только определённого, но и вообще ответа. Вопрос абсолютно некорректен. Он был бы уместен, если бы генетика и среда были взаимозаменяемы и в этом смысле на равных участвовали в конституировании психики. В действительности между генетикой и средой существует совершенно иная связь. Какая именно? Давайте выясним её суть на примере.

Допустим, у вас имеется фруктовый сад. Сколько процентов от общего числа деревьев в нём составляют яблони, груши, сливы? Не сомневаюсь, что с ответом у вас не возникнет никаких проблем. Прежде всего, вы поймёте вопрос и, как следствие, легко удовлетворите любопытство спрашивающего. А теперь попробуйте ответить на такую абракадабру: сколько процентов в вашем саду составляют выкашивание травы, яблони, груши и осенняя обрезка? В ответ на подобный вопрос можно лишь развести руками. Нельзя в один ряд ставить несопоставимое. Но ведь как-то соединить выкашивание травы и обрезку с яблонями, грушами, с садом, наверное, можно. Существует же какая-то связь между действием и предметом действия. В чём она состоит? Посредством обрезки, выкашивания травы и других мероприятий вы придаёте саду определённый вид, некое своеобразие, специфическую форму. В результате ваших действий сад вообще становится конкретным явлением.

Сад вообще, форма, явление... Вот те слова, которые помогают понять суть искомой связи. С помощью перечисленных мер сад как абстрактная сущность является перед нами в конкретном обличьи.

¹ См., например: Обнаружен ген любви к телевидению//Наука и жизнь, 1991, № 8, стр. 11; Открыт ген общительности//Здоровье, 2003, № 11, стр. 11.

Содержание, обозначаемое словом «сад», приобретает определённую форму. Сад как таковой и результат вашего труда соотносятся как сущность и явление, как содержание и форма.

В такой же связи находятся, к примеру, лес и результат влияния на него внешних — природных и социальных — факторов. Точно так же связаны металлическая заготовка и итог действий кузнеца, изготовившего из неё подкову, поверхность Луны и её рельеф, феодализм и его, скажем французская разновидность. Подобных примеров можно привести столько, сколько в мире существует вещей и явлений. А их — колоссальное количество. Нетрудно понять, что содержание как нечто внутреннее, исконное, постоянное может быть оформлено внешним, переменным, привнесённым по-разному, может быть представлено во множестве вариантов. В противном случае мы не имели бы не только богатого и изменяющегося мира, но и мира как такового. Естественно, в действительности реализуется лишь один из вариантов.

Психика человека не является исключением из данного закона, справедливого для всего мироздания. Как у любой вещи, у любого явления, у неё есть содержательная сторона и формальная. Первая очерчена генетикой, вторая представляет собой продукт воздействия среды. Первая есть величина постоянная, вторая является переменной. Влияние среды может быть возбуждающим или растормаживающим, положительным или отрицательным, затрагивающим одну совокупность психических черт или другую... Так и должно быть. Как я только что указал, форма, приуроченная к какому-либо содержанию, может варьировать в определённых, часто весьма широких, пределах. Это известно не только из курса философии, но и из жизни. Таким образом, генетика представляет собой ту основу, на которой разворачиваются различные обусловленные средой модификации психики. Она является той «заготовкой», из которой среда, ввиду своего внутреннего многообразия и подвижности, может произвести весьма различные психические «изделия». Насколько различные, мы уже имели возможность убедиться.

Реальная психика создаётся на основе генетических задатков исключительно под таким — формообразующим — влиянием среды, но никак не представляет собой суммы врождённого и приобретённого, генетического и средового. Между генетикой и средой имеется не количественное соответствие, а определённое качество

соответствия. Такое вот соотношение. Так что проценты тут не при чём. Здесь «работает» не арифметика, а диалектика.

Впрочем, генетику и среду всё же можно поставить на одну доску: оба находящиеся в нерасторжимом диалектическом единстве фактора одинаково необходимы. К этому следует только добавить, что данная связка в то же время и достаточна для функционирования психики. Достаточна в том смысле, что, кроме порождаемых природой содержательного и оформляющего факторов, ничего потустороннего или сверхъестественного для работы психики не требуется.

Как видим, высчитывать «в составе психики» долю генетического и средового «слагаемых» совершенно бессмысленно. Но тем не менее высчитывают. На базе предпочтения одного или другого «слагаемого» возникают школы и направления. Сталкиваются «противоположные» взгляды, пишутся «теории». Конституционалисты, отводящие главную роль в формировании психики конституции человека, и инвайронменталисты, выводящие психику из окружающей среды, противостоят друг другу столько, сколько существует психология (в отечественной психологической литературе это противостояние обозначается терминологическими парами «биологическое или социальное» и «природа или воспитание». Но мы, читатель, не будем вмешиваться в их борьбу. Мы ведь договорились не злоупотреблять критикой. Укажу только на некоторые достаточно известные психологические фигуры. Так, к конституалистам я отнёс бы Фрейда, Маслоу, Рождерса... Инвайронменталистское направление, на мой взгляд, неплохо представляют Скиннер, Бандура, Келли... Примите это к сведению. Вдруг ваш преподаватель психологии окажется приверженцем какого-либо корифея из одного или другого стана. Будьте настороже. Правда, сейчас принято одновременно признавать и различные, в том числе и противоположные, точки зрения.

Отмечу, что среди известных авторов немало и таких, которые занимают «срединную» позицию, т.е. считают психику приблизительно поровну поделённой между генетикой и средой (в западной литературе данное направление именуется интеракционистским).

Но независимо от своей принадлежности к тому или иному направлению, к той или иной школе психологи далеки от понимания той связи, которая существует между генетикой и средой. А ведь для того, чтобы она была понята, требуются лишь элемен-

тарные навыки по части философского сопровождения естественных исследований. Без этого невозможно подняться выше «арифметического уровня», и, замечу кстати, не только по интересующему нас сейчас вопросу. Застрававшему на уровне «арифметики» не остаётся ничего другого, как только считать проценты. Исследователю, не чужающемуся философии, никогда не придёт в голову прикидывать, насколько форма больше или важнее содержания, насколько вклад среды в психику больше или меньше вклада генетики.

Другое дело, что мы можем сравнивать генетику одного человека с генетикой другого, одну среду с другой средой. Полагаю, этим сто́ит заняться. Тем более, что у нас есть, от чего оттолкнуться. Вы наверняка слышали, читатель, как иногда говорят о «сильной» или «слабой» генетике, о мощном или незначительном «давлении» среды. Правомерны ли подобные характеристики? Скрывается ли что-либо за этими словами? А если скрывается, почему одна генетика воспринимается более «сильной», чем другая, почему одна среда, по сравнению с другой, кажется оказывающей более мощное «давление» на психику человека? Скорее всего, дело не только в генетике и среде, взятых по отдельности. Раз генетика и среда дают психику в неразрывном единстве, то и выяснять, что такое «сила» и «слабость» той и другой необходимо, рассматривая генетику и среду не порознь, а только в их взаимодействии. Проведем эту работу. Она обещает дать неплохие плоды.

Чтобы существовать в изменяющемся мире, любой биологический вид посредством спектрирования осуществляет поиск оптимума. Поиск осуществляется вслепую, путём случайных проб. Какая-то часть особей наделяется генетикой, согласующейся с магистральными условиями существования вида, какая-то, напротив, — вступающей с ними в противоречие. Иными словами, одна часть особей имеет, с точки зрения существования и развития вида, нормальную генетику, другая — ненормальную (аномальную). Условия существования также спектрированы. Среда, с точки зрения существования и развития вида, как и генетика, тоже объективно подразделяются на нормальную и ненормальную (аномальную). Такая раскладка, как задатков, так и среды, на норму и ненорму справедлива не только для животных и растений, но и для человека. Только, рассуждая о человеке, надо иметь в виду наличие у него психики и, следовательно, психических генетических задатков.

Как может комбинироваться норма и ненорма генетики с нормой и ненормой среды? Теоретически мыслимы четыре комбинации. Все они подтверждаются практикой.

Прежде всего, общественная генетическая норма может сочетаться с общественной средовой нормой. Большинство психик формируется именно таким образом. Это — нормально функционирующие психики. Поскольку в этом случае генетика и среда находятся в целом в гармонии, о каком бы то ни было «давлении» с той или другой стороны не приходится и говорить. Такие психики, если абстрагироваться от индивидуальной «вибрации», т.е. если рассматривать психику в среднем, не характеризуются заметным выпиранием каких-либо психических черт и не испытывают сколько-нибудь серьёзного средового дискомфорта.

Далее, носители аномальных психических задатков могут оказаться и чаще всего оказываются в нормальной природной и социально-психической среде. В данном случае генетика вступает в дисгармоничные отношения со средой. Именно в такой ситуации генетику называют «сильной». Её «сила» проявляется в том, что среда зачастую не может «справиться» с той или иной совокупностью гипертрофированных психических черт, таких, как, например, асоциальное поведение, депрессивный синдром, склонность к психозам...

Такие психики, повторю, являются более или менее ненормальными. Для их нормализации на помощь среде приходит медицина (тоже среда). Но и с таким подкреплением общественная среда далеко не в состоянии полностью, а зачастую и хотя бы частично, нейтрализовать «сильную» генетику. Таким образом, «сильной» генетика представляется постольку, поскольку среда выказывает определённую «слабость» в деле её обуздания (нормализации). «Сила» генетики имеет своей оборотной стороной «слабость» среды.

Отличными от нормы могут быть и задатки положительного свойства, например, интеллект, сила воли, целеустремлённость, альтруизм... Такая генетика также вступает в дисгармоничные отношения с нормальной, средне-обычной общественной средой. Сочетание генетической позитивной ненормы со средовой нормой даёт, с общественной, обывательской в неругательном смысле этого слова точки зрения, ненормальную или не совсем нормальную психику. А раз так, встаёт вопрос о её нормализации. Столкнувшись с «сильной» генетикой такого рода, «сообщество нормальных людей» не призывает на помощь медицину. В борьбе с белыми воронами в ход идут

испытанные народные «психотерапевтические» приёмы: насмешка, издевательство, третирование, изоляция... Успешна ли эта борьба? Отнюдь. Исторический опыт свидетельствует, что и на этом фланге усмирения «сильной» генетики воздействие среды зачастую оказывается недостаточно эффективным. Будь по-другому, прогресс, наверное, был бы существенно заторможен. И здесь, как видим, «сила» генетики обусловлена «слабостью» среды, как, впрочем, и обратно.

Следующая, третья генетически-средовая комбинация противоположна предыдущей. На этот раз мы имеем носителей нормальных психических задатков в ненормальной среде. Теперь дисгармония, в отличие от предыдущего случая, характеризуется «силой» среды и «слабостью» генетики. Агрессивная среда «давит» на генетику, и та, не справляясь с навалившейся на неё «нагрузкой», оформляется в ненормальную психику. Среда, если её негативное «давление» значительно, способна навязать нормальному по своим задаткам человеку психоз, шизофрению, падение интеллекта... В дальнейшем мы ещё будем говорить об обусловленных средой психических аномалиях.

Наряду с негативным среда может оказывать и позитивное сверхнормативное «давление». Скажем, какой-то обычный, средний человек, попав в суперинтеллектуальное окружение, может, испытывая на себе его «давление», несколько продвинуться в направлении интеллектуализации. Правда, сверхнормативным интеллектуалом он вряд ли станет. Двигаться в эту сторону намного труднее, чем в противоположную.

Как бы то ни было, третий случай представляет собой перевёрнутый второй. Здесь генетика, в отличие от предыдущего случая, «отстывает», здесь «сила» среды оборачивается «слабостью» генетики, а «слабость» генетики — «силой» среды.

Наконец, четвёртая комбинация. В данном случае генетическая аномалия блокируется со средовой. Если, уважаемый читатель, в качестве результата здесь вам видится психическая болезнь, вы, несомненно, правы. Однако это не означает, что обязательным спутником болезни при таком сочетании генетики и среды окажется их дисгармония. Например, личность, отягощённая пантофобией¹, найдёт отклик и понимание в компании себе подобных,

¹ Пантофобия — острая боязнь всего, что имеет место и может произойти: событий, действий больного и окружающих, любых изменений, в том числе и изменений собственного физического и психического состояния.

но наверняка будет ощущать острейший дискомфорт в эйфорической или, скажем, маниакальной среде, которая, пытаясь оформить на свой лад чуждую ей генетику, обязательно вступит с ней в дисгармоничные отношения.

Таковы все мыслимые случаи сочетания природных психических задатков и окружающей человека среды. Мы окинули взглядом всю сферу генетико-средового взаимодействия. Но пока я воздержусь от выводов. Их я сделаю в итоговой части главы. А сейчас нам предстоит проделать ещё одну небольшую работу. В данном контексте она мне представляется вполне уместной.

Мы выяснили, что среда, вступая в контакт с генетикой, даёт в результате реальную психику. На языке философии исследуемое нами явление называется превращением возможного в действительное. Как происходит это превращение? То ли средовое воздействие непосредственно провоцирует определённые психические реакции, то ли между восприятием раздражителей и реакциями на них имеется некий посредник? Правильным является второе предположение. В подтверждение его приведу хорошо известный вам факт. Какие, скажем так, химические последствия влечёт за собой неожиданное известие, радостное событие, потенциальная или действительная опасность? Да, совершенно верно, в крови повышается содержание адреналина. И только после этого и на этой основе развиваются соответствующие психические и, как следствие, соматические и действенные реакции. Точно такая же цепочка, с обязательным наличием химического звена, протягивается от негативного и позитивного раздражителя, от возникшего на мгновение и от мозолящего глаза, от оформленного в какую-то мысль и аморфного в этом плане. Словом, «психическая фабрика» не производит продукцию, а это в конечном счёте наша, человеческая, деятельность, если не работает её «химический цех».

А что, если на «психическую фабрику» завезти химреактивы и ввести их в действие независимо от поступающих извне заявок, т.е. независимо от воздействия среды, от восприятия человеком мира? Что за этим последует? Действительно, читатель, что последует за введением вам в кровь адреналина без стрессового на вас внешнего воздействия или после поступления в желудочно-кишечный тракт серотонина (он содержится, например, в шоколаде) без восприятия вами положительного раздражителя? Не сомневайтесь, в первом случае вы возбудитесь, во втором, если не переберёте с до-

зой, — у вас поднимется настроение. Теоретически, химическим путём может быть спровоцирована или скорректирована любая психическая реакция.

В этом отношении показательны опыты, которые в течение многих лет проводил американский исследователь доктор Унгар. В ходе экспериментов у подопытных животных, в основном крыс, вырабатывалось качество, противоположное заложенному в них природой, — боязнь темноты. После того, как были достигнуты прочные результаты, из мозга обученных животных приготавлился экстракт, который вводился необученным крысам. В результате необученные крысы также стремились теперь избегать темноты. Активное вещество было исследовано (оно было названо «скотофобин» — в буквальном переводе «мракострах»), а затем — синтезировано. Синтетический скотофобин учёными другой группы вводился в организм золотых рыбок, и те, как и необученные крысы, также начинали опасаться темноты¹.

Следовательно, вмешиваясь в химизм психических процессов, мы можем изменять психику. Причём, изменять радикально. Используя два рычага воздействия — средовой и химический, в принципе возможно даже полностью здорового человека загнать в любое крайнее, аномальное психическое состояние. Разумеется, я говорю лишь о теоретической возможности. Массированное химическое воздействие (речь не идёт о чашечке кофе) на психику здорового человека, за мизерным исключением, преступно.

Как поступить, если «химический цех» нашей «психической фабрики» работает ненормально по внутренним причинам, из-за ущербной генетики? Можно ли наладить его работу? Да, в определённой степени это возможно, и возможно также посредством химического воздействия. Только в данном случае его лучше называть медикаментозным. Ранее я заметил: среда лечит, среда ранит. То же самое можно сказать и о химическом, тоже по сути дела средовом, воздействии: химия лечит, химия ранит. Лечит в том случае, когда с помощью медикаментов осуществляется выправление больной психики, ранит, если какие-либо вещества используются в корыстных, человеконенавистнических, попирающих мораль, этику и человеческое достоинство целях (думаю, сюда же мы

¹См.: Химическая передача заученного//Наука и жизнь, 1969, № 6, стр. 74; Впервые идентифицирована «молекула памяти»?//Природа, 1972, № 5, стр. 108; Молекулы памяти?//Природа, 1973, № 12, стр. 103.

отнесём и чрезмерное употребление алкоголя, никотина, а также употребление наркотических веществ).

Психиатрия широко использует медикаментозное воздействие. К сожалению, оно не всегда является высокоэффективным, ибо, как правило, подбор препаратов, их дозировка, определение продолжительности курса, другие мероприятия проводятся опытным путём, методом проб, а зачастую вдобавок к этому — и по сложившемуся стереотипу (я уж не говорю о недостатках диагностики, обусловленных отсутствием теории). Стереотипность мышления — явление субъективного порядка. Что же касается других негативных моментов, они объективны по своему происхождению. Дело в том, что на сегодняшний день, хотя такие исследования ведутся на протяжении многих десятилетий, всё ещё нет достаточно ясного и цельного представления о химизме психических отклонений, о том, какую именно химию обуславливает аномальная генетика. На этом пути, хотя определённые успехи достигнуты, предстоит ещё очень большая работа¹.

Тем временем наша работа идёт своим чередом. Рассмотрев в главном роль внутреннего, генетического и внешнего, средового фактора в конституировании психики, мы подошли к подведению итогов главы.

1. В этой главе мы выяснили, что психика формируется посредством воздействия природной и социальной среды на внутренние, наследуемые, генетически определённые задатки. Генетика и среда в равной степени необходимы и в то же время достаточны для существования психики.

Генетические задатки и средовое воздействие были нами соотнесены как содержательный и формообразующий факторы психики.

Диалектически подойдя к проблеме формирования психики, мы отвергли по сути своей механистический подход, в рамках которого «вес» внутреннего и внешнего принято вычислять в процентах.

2. Вы узнали, уважаемый читатель, что ваша психика в целом и её отдельные проявления, например, увлечения, привычки, пристрастия, интеллект, стереотипы и т.д., как и психика любого другого человека, является в извест-

¹ См., например: Чем же вызывается шизофрения?//Наука и жизнь, 1969, № 2, стр. 106; Химия эмоций//В мире науки, 1984, № 12, стр. 65–66.

ном смысле случайностью. Под иным влиянием среды на базе тех же задатков ваша психика сформировалась бы иначе. Психика, таким образом, представляет собой реализацию одной возможности из множества существующих. Форма, приуроченная к определённому содержанию, способна варьировать в достаточно широких пределах.

Генетическая основа, которую мы связываем с содержанием, в отличие от средового воздействия, практически постоянна и неизменна. Но только пока. Придёт время, и то, что является незыблемым сегодня, будет подвергнуто целенаправленным изменениям. Это — одна из основных характеристик логического — постсоциального и постпсихического — будущего.

3. В развитии единичного психического акта, который начинается с восприятия раздражителя и завершается реакцией на него, нами обнаружено химическое звено. Мы показали, что непосредственным, непсихическим (т.е. не осуществляющимся через каналы восприятия) воздействием на это звено могут быть вызваны самые различные, в том числе и весьма значительные психические изменения, как позитивного, так и негативного толка.

В дальнейшем, не злоупотребляя акцентированием вашего внимания на этом звене, мы всегда будем помнить о его наличии и роли.

4. Нам удалось выяснить, на основе каких генетико-средовых комбинаций возникают психические болезни. Мы увидели, что болезни психики могут быть обусловлены аномальной генетикой, ненормальной средой (включая химическое воздействие) и двумя этими факторами вместе взятыми.

Однако потенциал данного вывода намного более значителен, чем может показаться на первый взгляд. Зная, что градации внутри общественной психической нормы соотносятся между собой по существу так же, как соотносятся между собой норма и болезнь, мы получаем возможность распространить выявленные нами принципы взаимодействия генетики и среды на нормальную психику. Здесь, в составе общественной психической нормы, только в более мягком виде, мы обнаружим те же результаты генетико-средового взаимодействия, те же гармонию и «мягкую» (находящуюся в пределах нормы) дисгармонию генетики и среды.

5. Занимаясь проблемой взаимодействия генетики и среды, мы, насколько это возможно, попутно расшифровали в общем-то бытовые выражения «сильная генетика», «давление среды» и т.д. Выяснив, что за ними скрывается, а это в конечном счёте конфликт генетики и среды, я оставляю за собой право, когда это уместно, использовать данные выражения.

6. Наконец, мы можем констатировать, что в трёх прочитанных вами главах были охвачены те проблемы, решение которых, без всякой натяжки, является залогом успеха всего нашего начинания. Как вы вскоре увидите, сделанное нами будет использовано, где прямо, где косвенно, на каждом новом исследовательском рубеже. Таким образом, завершив рассмотрение общих, в значительной степени мировоззренческих вопросов психологии, мы переходим к решению нашей основной задачи. В следующей главе мы с вами, читатель, будем систематизировать психику.

ГЛАВА IV

СТРУКТУРА ПСИХИКИ

Наша цель, уважаемый читатель, — строительство теоретического здания психики. Об этом было заявлено в Предисловии. Там же мы выделили для подготовки «строительной площадки» три первые главы. Сейчас эта работа завершена. Мы выяснили, что человеческая психика, во-первых, двухкомпонентна, она с необходимостью сочетает в себе черты прошлого и будущего, биологическое, животное и логическое, рациональное. Во-вторых, психика человека подобна маятнику. Обязательное для здоровой психики свойство совершать колебательные движения мы назвали «вибрацией». Наконец, в-третьих, психика в том или ином конкретном обличьи может (и должна) формироваться только на основе генетических задатков под влиянием множества факторов социальной и природной среды.

Вместе с обоснованием этих — атрибутивных — свойств психики мы коснулись и целого ряда других, надеюсь, небесполезных для нашего предприятия вопросов. Думаю, что помимо затронутого нами ваш познавательный багаж содержит и немало прочих сведений, которые, возможно, помогут нам в деле структурирования психики. Наверняка вы интересуетесь не только психологией.

Таким образом, имея определённый запас психологических и иных знаний, мы можем приступить к разработке вынесенной в заголовок данной главы темы. Будьте внимательны, на мой взгляд, настоящая глава является центральной главой всей работы.

Как известно, любое явление, если оно рассматривается в движении, в своём теоретическом описании, в противовес статичному подходу, выступает более чётким, правдивым, адекватным действительности. Что касается психики, думаю, её вообще бессмысленно изучать в статике. Впрочем, такой подход и изучением можно назвать лишь с большой натяжкой. Поэтому, строя теоретическое здание психики, мы просто обязаны оттолкнуться от свойственного ей движения. Между прочим, такую отправную точку пока никто

ещё не использовал, хотя, вообще-то говоря, характер психического движения не составляет большого секрета.

Каков же характер психического движения? Куда нас психика влечёт по дороге жизни?

Уверен, вы без труда ответите на эти вопросы. Человек ставит определённые цели: большие и маленькие, далёкие и близкие, основные, так сказать, генеральные и промежуточные, вспомогательные. Человеку присуще целеполагание. Человеческое психическое движение есть движение целенаправленное, и в немалом количестве случаев — целедостигающее. Нетрудно понять, что в противном случае не было бы ни общества, ни человека.

Ну а чтобы не отрываться от реальной действительности и не плодить абстрактных построений, мы с вами, уважаемый читатель, структурируя психику, наметим сейчас какую-либо простую конкретную цель и постараемся, разумеется, на бумаге, её осуществить. Как вам нравится, например, путешествие из Петербурга во Владивосток? Конечно, не пешком. Вы полетите на самолёте, причём, в качестве пилота.

Итак, в вашем распоряжении несложный в управлении самолёт и настоятельная потребность долететь на нём до Владивостока. Пока вы не взлетели, скажу вам, что самолёт нам понадобился не для того, чтобы сэкономить время и определённое количество пар обуви, а как средство, которое поможет более рельефно увидеть функции вашей психики в ходе целенаправленного движения. К слову замечу, что большая часть наших психических позывов имеет действенное продолжение. Целенаправленное движение вне каких-либо действий в большинстве случаев неосуществимо.

Скажите, пожалуйста, какие функции должна осуществить ваша психика для того, чтобы цель была достигнута? Давайте сформируем функциональные задачи психики в самом общем виде. Подскажу, что таких — необходимых и достаточных — функций всего три.

Так как вы летите на самолёте, понятно, что без исправно работающего двигателя вы не только не доберётесь до пункта назначения, но и, возможно, вообще не сдвинетесь с места. Первой необходимой для осуществления целенаправленного движения функцией является наличие и ровная работа маршевого двигателя.

Но самолёт — лишь средство. В самолёте находитесь вы — обладатель психики. Решение лететь во Владивосток приняли вы,

а не самолёт. Что же в психике является функциональным аналогом двигателя? Может быть, интеллект? Если вы так считаете, вы правы, правда, отчасти. Видимо, вы судите по себе.

Дело в том, что маршевую функцию (сейчас я, конечно же, имею в виду не вас, читатель) может выполнять не только интеллект, но и его менее развитые функциональные психические аналоги: подсознание, интуиция, подсказки души и сердца, наконец, готовые к бездумному употреблению исторически сложившиеся и закреплённые в общественном сознании стандартные решения и догмы (ведь для достижения немалого количества целей достаточно знать, что «все так делают», «так заведено», «так положено», «так принято» и т.д.). Почему «психический двигатель» так исторически растянут? Эта его особенность является следствием двойственности психики и её спектрирования. Напомню, что полюсами психического спектра служат биологическое, инстинктивное и логическое, разумное.

Интересно, что в психике отдельного человека вполне могут уживаться все исторические подразделения «психического двигателя» (от самых допотопных и бездумных до блестяще отточенных в интеллектуальном плане), и каждое из них может выдвигаться в качестве маршевого двигателя тогда, когда использование этого подразделения обеспечивает достижение цели. Например, чтобы сосед открыл дверь, в высшей степени рафинированный интеллект должен всего-навсего бездумно нажать кнопку звонка.

Заметьте, что в повседневной жизни едва ли не большую часть своих действий мы совершаем абсолютно не напрягая интеллект, бездумно, по когда-то сформированному общественному или индивидуальному шаблону. Возьмите хотя бы чистку зубов и другие гигиенические процедуры, включение и выключение плиты или светильника, следование на работу и даже выполнение там каждодневных рутинных обязанностей и ещё многие десятки и сотни без искры интеллекта совершаемых действий.

Интеллект, вообще-то говоря, есть решение оригинальных, доселе нерешённых задач, если хотите, совершение открытий. К сожалению, на человеческую жизнь, и то не на каждую, приходится считанные единицы каких-нибудь мини-открытий. Желудочно-кишечный тракт человек использует на 100–140 %, дыхательную систему — на 80–100 %, мышечный аппарат — на 40–60 %, а интеллект — хорошо, если на 2–3 %. На языке информатики,

это означает, что средний современный человек является не составителем оригинальных, новаторских программ, а всего лишь пользователем объективно сформировавшегося программного обеспечения общества. Новаторства, как правило, хватает лишь на весьма незначительную корректировку уже существующей программы.

Однако есть люди, которые используют интеллект по максимуму, продумывают каждое своё действие и везде стремятся найти новое, зачастую, альтернативное, решение. Возможности человеческого мозга позволяют практически неограниченно искать, сопоставлять, выбирать, одним словом, думать.

Между прочим, мозг, как и любой другой орган, для эффективной работы нуждается в тренировке. Известно, что даже далёкие от идеала школьные занятия через две недели после каникул повышают интеллект учащихся примерно на 20 %.

Думать можно подучиться. К несчастью, устоявшееся бытие не является хорошим учителем. Худо-бедно научиться думать, как и овладеть иностранным языком, заставляют обстоятельства. Если вы знаете, что никогда не окажетесь в джунглях Новой Гвинеи, вам почему-то не будет даваться язык асматов или кукукуку.

Вернёмся, однако, к нашему путешествию во Владивосток.

Для краткости и простоты, уважаемый читатель, договоримся считать, что из всех подразделений «психического маршевого двигателя» вы используете только интеллект. Впрочем, и в дальнейшем, обязательно имея в виду всю историческую гамму «психического маршевого двигателя», видимо, имеет смысл также преимущественно оперировать лишь интеллектуальной составляющей.

Итак, первой необходимой для достижения цели функцией психики является наличие и использование «психического маршевого двигателя» — интеллекта. Второй необходимой функцией мои студенты, как правило, называют функцию ориентации. Они правы и в то же время неправы.

Правы постольку, поскольку без ориентации в пространстве вы не то что до Владивостока, до Вологды не долетите. А если шире, без ориентации в мире вы не осуществите никакого своего начинания.

А неправы они постольку, поскольку на самом деле второй функцией (в плане очерёдности) является не осуществление ориентации, а продвижение к цели. Включать двигатель и двигаться бессмысленно, пока не «включена» ориентация.

Пойдём дальше. Не случайно вы летите не в Вологду, а во Владивосток. Дальнее путешествие нам необходимо для того, чтобы оценить масштаб препятствий, которые могут вам встретиться в процессе осуществления ориентации (да, забыл сказать, что вы летите по старинке, без навигатора). До Вологды, выбрав хороший денёк, вы долетите засветло. Другое дело, путь на Дальний Восток. На лёгком тихоходном самолёте такое путешествие может продлиться не один день. На этом пути для ориентации (для сверки с полётной картой местности) непреодолимыми преградами могут стать туман, снежная пелена, ночная темнота... Конечно, для всепогодных лайнеров всё это — не помеха. Но вы-то летите на неоснащённом соответствующими приборами маленьком самолётике.

Если есть препятствующие осуществлению ориентации пространственные преграды, то, наверное, имеются и психические, может быть, даже лучше сказать, внутриспсихические? Да, это действительно так. В окружающем мире мешают ориентироваться прежде всего самые разноплановые иллюзии. Скажите, пожалуйста, читатель, ошибались ли вы когда-нибудь в людях, недооценивали ли или переоценивали трудности в каком-либо деле, всегда ли правильно распределяли время? Если да, то, попросту говоря, скрывающиеся за всем этим иллюзии мешали вам жить, а, поднявшись на ярус теоретического обобщения, мы должны заключить, что они, несомненно, мягко говоря, не способствовали ориентации в мире.

Непреодолимые преграды, читатель, вы не преодолевали. На то они и непреодолимые. Отсутствие видимости вы переживали, совершив посадку на ближайшем аэродроме. Если же туман был не очень интенсивным, а ночью путь освещала Луна, при таких помехах в деле ориентации вы вполне могли продолжать своё движение к цели.

Внутриспсихические препятствия тоже бывают преодолимыми и непреодолимыми. Первыми являются уже обговорённые нами иллюзии (они характерны для здоровой психики, и их преодоление лучше называть изживанием), вторыми являются, если можно так сказать, иллюзии в квадрате, галлюцинации (они представляют собой атрибут шизофрении, о разновидностях которой мы будем говорить в дальнейшем).

Если мы вернёмся к маршевой функции, то и там, как и в деле ориентации, мы без труда найдём внутриспсихические помехи. Если

интеллект мы сравнили с ровно работающим мощным мотором, то, скажем, интуиция, а тем более, догма, едва ли потянут на чихающий еле тянущий движок. Никогда не следует полагаться на интуицию или подсознание, если у вас есть возможность пораскинуть мозгами. Правда, такая возможность есть не всегда (не у всех). На пути маршевой функции тоже, бывает, встают непреодолимые преграды — болезни психики, резко снижающие интеллект.

Таким образом, у нас в активе уже две необходимые для осуществления целенаправленного движения функции и, соответственно, два блока психики — ориентационный, обеспечивающий при нормальной работе адекватное восприятие конструкции мира, и маршевый, который обеспечивает продвижение к цели (и который, учитывая ведущую роль интеллекта, мы с некоторым допущением можем назвать интеллектуальным).

Структура психики начинает вырисовываться. Осталось определиться с третьей функцией целенаправленного движения и обеспечивающим её осуществление блоком психики. Эта функция известна каждому сидящему за штурвалом.

Позволю себе предположить, читатель, что, сидя в пилотской кабине, вы не держали руки в карманах, а наверняка манипулировали штурвалом. Видимо, это приходилось делать, когда на вашем пути возникала свинцовая грозовая туча, когда на встречном курсе появлялся самолёт, когда вы рисковали столкнуться со стаей птиц... Тогда, внезапно встретив на своём пути преодолимые, не препятствующие ориентации преграды, вы вынуждены были корректировать своё движение. Коррекция! Вот третья функция целенаправленно осуществляющегося движения.

Что же в психике является аналогом грозовой тучи, встречного самолёта или стаи птиц? Какие препятствия мы преодолеваем, корректируя своё движение к цели? Такими препятствиями являются не выходящие за пределы нормы возбуждение и заторможенность.

Спутником возбуждения, как правило, бывают достаточно явно проявляющие себя эмоции. В отличие от иллюзий, которые мы изживаем, эмоции (а вместе с ними и возбуждение) подавляются нами. Не случайно в языке существуют соответствующие идиоматические выражения. Чтобы выйти из заторможенного состояния человека призывают (или он делает это сам) взбодриться, очнуться, «проснуться», «ожить».

Что же касается непреодолимых препятствий, то существуют и они. Естественно, такие возбуждение и заторможенность лежат за пределами нормы, в зоне болезни.

К слову замечу, что норма и ненорма эмоций и иллюзий, как и всё остальное в психике, представляют собой исторически обусловленные явления. Для каждой исторической эпохи (и для каждого возраста) характерна своя норма иллюзий и эмоций. Скажем, вера в потусторонний мир (и Деда Мороза) является вполне нормальной иллюзией для Средневековья (и четырёхлетнего ребёнка), но, несомненно, оказывается пережлёмом для современного человека (и подростка).

Правда, психика «вибрирует» в историческом плане, и временами человеческое мировосприятие откатывается на десятилетия, если не на века. Между прочим, сейчас наше общество как раз переживает такой откат. Прежнее и, по всей видимости, не такое масштабное, интеллектуальное отступление имело место после поражения революции 1905–1907 гг. В такие эпохи убеждения людей, утрачивая в качестве своей основы знания и мысль, находят опору в вере и слепом подражании. На какое-то время «возрождается» религия, людей пленяют суеверия, откуда-то вылезают астрологи, хироманты, нумерологи, разномастные маги, гадалки и прочие мракобесы. Общество переживает интеллектуальный кризис. Интеллектуальный потенциал человека (умение и стремление решать задачи) падает в несколько раз. По моим прикидкам, притом, что я далёк от идеализации хрущёвской оттепели, интеллектуальный уровень современного среднего человека раз в пять ниже, чем аналогичный показатель человека 60-х годов прошлого века.

Такое понижение эффективности «психической работы» имеет объективный характер. Но так же, как и отлив, объективен, и, в силу исторической «вибрации», неизбежен, и интеллектуальный прилив. Понятно, что он связан с определёнными социальными подвижками.

Однако не будем отвлекаться. Мы ведь занимаемся не теорией общественного развития, а теорией психики. На данный момент мы выяснили, что для осуществления свойственного человеку психического движения необходимо ориентироваться в мире, по возможности в качестве движущей силы использовать интеллект и в ходе движения к цели корректировать своё движение. «Психическое здание», таким образом, состоит из трёх блоков.

Первым (по порядку введения в действие) блоком психики является блок ориентации. Ему соответствует ориентационная функция психики. Впрочем, её можно назвать и по-другому. Предложу вам, уважаемый читатель, два «параллельных» названия.

Думаю, ориентационную функцию мы вправе называть и штурманской. Вы ведь на своём самолёте были не только пилотом, но и ответственным за ориентацию и прокладывание курса штурманом. Как известно, на лайнерах функции движения разделены между членами экипажа. На магистральных самолётах и больших судах за ориентацию отвечает штурман, за работу машины — борtmеханик или инженер, а за коррекционные действия — пилот или рулевой. В психике, как и на авиалайнере, мы выделим тройку, правда, неперсонифицированных «функционеров», — три блока.

«Содержимое» нашей психики в конечном счёте является слепком внешнего мира. Думаю, не надо объяснять, что психика нормальна и эффективна только в том случае, если этот слепок в принципе адекватен внешнему миру, если наши мыслительные конструкции и построения принципиально не отличаются от конструкций внешнего мира. Ориентироваться можно только тогда, когда психика содержит в себе конструкционную модель внешнего мира. Поэтому мы можем называть блок ориентации и конструкционным.

В русском языке принято разнообразить речь или текст близкими по смыслу словами и синонимами. В данном случае я предлагаю терминологическое разнообразие не ради литературного изящества. Например, последний из предложенных терминов окажется как нельзя кстати при анализе шизофрении, которая, вообще-то говоря, представляет собой болезнь искажения психикой конструкции мира. О болезнях неадекватного восприятия мировой конструкции мы поговорим позже.

Вторым блоком психики является блок интеллекта. Такое название вытекает из нашей договорённости оперировать при рассмотрении маршевой функции психики одним интеллектом, не забывая при этом и о других исторических компонентах маршевого блока психики.

Думаю, вы согласитесь, что данный блок вполне можно называть не только интеллектуальным и маршевым, но также и историческим, хотя бы потому, что интеллект в ходе истории всё более и более теснит своих менее развитых соседей по блоку. Зарезерви-

руем и эту тройку пригодных для обозначения данного блока терминов.

Я не говорил об этом раньше, но, надеюсь, вы понимаете, что интеллект играет ведущую роль не только в маршевом блоке. Точно в такой же степени он является и самым эффективным элементом в блоках ориентации и коррекции, если угодно, в двигателях ориентации и коррекции. Вы слышали, читатель, о таких двигателях, имеющих практически на каждом космическом аппарате?

Раз уж мы заговорили о двигателях ориентации и коррекции, замечу, что как психическая ориентация, так и психическая коррекция, не осуществляются сами собой, без усилий, как интеллектуальных, так и каких-либо иных.

Третий блок психики ответственен за коррекцию нашего движения к цели. Коррекционные усилия человек предпринимает только при необходимости, только тогда, когда на его пути возникают преодолимые (чаще всего — «обходимые») препятствия.

Понятно, что наряду с требующими корректировки, скажем так, отрицательными факторами среды на пути к цели могут встретиться и положительные факторы, на которые, что называется, можно опереться. Такие факторы тоже требуют корректировки курса.

Что касается названия третьего блока, его мы будем называть блоком коррекции или коррекционным блоком.

Полагаю, уважаемый читатель, вы согласитесь с тем, что для нормальной работы психики необходимы все три её блока. Причём вклад того или иного блока в работу психики не должен быть чрезмерным или недостаточным. Иными словами, работа психики лишь тогда может быть эффективной, когда её блоки представляют собой слаженный ансамбль.

Легко понять, что, например, для нормального (эффективного) ориентационного обзора мира коррекционные усилия не должны быть чрезмерно большими и излишне протяжёнными во времени. В противном случае для ориентационной работы не останется просветов, и произойдёт утрата ориентации.

И обратно, если ориентация будет поглощать всю энергию психики, произойдёт потеря коррекции.

Таким образом, для нормальной работы психики необходимо не просто выполнение ею маршевой, штурманской и коррекционной

функции, а гармоничное, взвешенное, а, следовательно, максимально эффективное выполнение.

С необходимостью, вроде бы, всё ясно. Повторю, все три функции и продуцирующие их блоки психики одинаково необходимы. Но возникает вопрос: а достаточны ли они для работы психики? На этот вопрос можно ответить одной фразой. Практически неограниченное число человеческого целеполагания и целедостижения показывает, что наличие наших трёх психических функций достаточно для целенаправленного движения, а если шире, — для нормального существования человека и общества.

Подводя черту под первой частью главы, мы смело можем сказать, что нами обнаружены достаточный и необходимый для работы психики набор её блоков и соответствующих этим блокам функций.

Образно говоря, мы возвели стены трёхблочного здания психики. Теперь нам следует поработать внутри блоков и разобраться с их структурой. Вторую часть главы мы начнём с выяснения того, как осуществляется ориентация.

Каждый обладатель здоровой психики живёт в двух в той или иной степени полноценных мирах — внешнем, реальном и внутреннем, идеальном. Причём внутренний мир человек создаёт только на основе воспринимаемой им поступающей извне информации. Важнейшим компонентом идеального (психического) наполнения человека (его внутреннего мира) является снятая и постоянно снимаемая копия мира реального. Эта копия представляет собой не беспорядочно складированные образы реальности, а увязанные в соответствующую мировым реалиям конструкцию. Иначе говоря, человек создаёт в голове своеобразную «карту мира», сверяя с которой мировую конструкцию, получает возможность ориентироваться «на местности».

Как человек конструирует идеальный мир? Как он создаёт и совершенствует психическую «карту мира»?

Человеческая психика работает, как сканер. Так отвечают на поставленные мною вопросы студенты. Я, правда, сказал бы иначе: сканер работает, как психика.

Как же работает сканирующая мир психика? Мы вычленим из мировой конструкции какой-то элемент (на языке психологии, раздражитель), его образ (идеальную копию) переносим в психику и размещаем в соответствующем месте идеальной конструкции

(психической «карты мира»). Затем наш незримый «челнок» возвращается в мир за следующим элементом мировой целостности, чтобы и его идеальную копию перенести и вставить в психическую «карту мира». После этого «челнок» вновь и вновь устремляется в огромный мир и обратно...

Предположим, мир отсканирован. Что же, «челнок» прекращает своё движение? Ни в коем случае. Сканирование продолжается непрерывно. Во-первых, изменяется мир. Во-вторых, меняется человек. Упущенное при предыдущем проходе по миру (плюс новинки) улавливается в следующий раз. Психика живёт сканированием мира. Переиначив известное латинское выражение, мы можем сказать: пока сканирую, существую.

Геометрическим выражением движения «психического челнока» является зигзаг. Движение «челнока» можно разложить на две составляющие — продольную (между реальным и идеальным миром) и, так сказать, поперечную, переборную (по ряду раздражителей внешнего мира и ряду их образов во внутреннем мире человека). В геометрии эти направления взаимно перпендикулярны.

Чтобы ориентироваться в мире, человек должен постоянно соотносить себя с миром (осуществляя межмировое курсирование «психического челнока») и соотносить элементы как внешнего, так и внутреннего мира, между собой (перебирая, сравнивая и в сравнении оценивая их).

Таким образом, функция ориентации распадается на две подфункции — межмирового курсирования и переборную.

Эти подфункции ориентации слиты в едином зигзагообразном движении. Однако специфика исследовательской работы требует их разделения и относительно изолированного изучения. Таковы «причуды» научного анализа. Так что исследовать две ориентационные подфункции (или параметры) психики мы будем порознь, чтобы потом соединить, синтезировать наши наработки.

Геометритизируя выясненное, мы можем сказать, что двухпараметральный ориентационный блок психики имеет два измерения. Чуть позже, уважаемый читатель, я предложу вам геометрический образ психики, которым мы будем пользоваться на протяжении всей работы и который, думаю, поможет нам лучше понять «поводыря», ведущего нас по дороге жизни.

Перейдём теперь в следующий блок нашего психического здания — интеллектуальный, исторический или маршевый. Здесь мы

долго не задержимся, т.к. в этом блоке нам не придётся возводить внутреннюю перегородку. Блок интеллекта имеет простое строение и характеризуется всего лишь одним параметром. Для геометрии «психического мотора» хватит одного измерения.

Если к выявленным двум ориентационным параметрам мы добавим один интеллектуальный (маршевый), психика предстанет перед нами пока как трёхпараметральное явление, а её геометрия окажется трёхмерной. Посмотрим, сколько измерений прибавит к нашей объёмной фигуре коррекция.

Для структурирования блока коррекции вам, уважаемый читатель, придётся воспользоваться своим лётным опытом. Припомните, пожалуйста, как вы преодолевали различные препятствия?

Так, обнаружив самолёт, идущий встречным курсом, вы, чтобы избежать опасного сближения, при помощи рулей высоты, меняли свой эшелон. Иначе говоря, вы корректировали своё движение по линии «верх — низ». А теряющуюся в высоте и практически лежащую на земле грозовую тучу вы обходили стороной. Для этого вы использовали хвостовое оперение самолёта и корректировали своё движение по линии «право — лево». Понятно, что, комбинируя эти два направления, вы могли совершать любые обходные манёвры. Таким образом, коррекция в пространстве двухпараметральна. Два параметра представляют собой необходимый и достаточный набор для коррекции пространственного движения.

Не удивительно, что и коррекция психического движения также характеризуется двумя параметрами. Возьмём в качестве оселка для структурирования блока коррекции эмоции человека, как правило, возникающие при столкновении с каким-либо возбуждающим его препятствием.

Логично предположить, что расклассифицировав эмоции, с которыми — через возбуждение — связана коррекция, мы определимся и со структурой самого коррекционного блока. Применяв такой приём, мы убьём сразу двух зайцев — выясним структуру блока коррекции и, уделив определённое внимание эмоциям, лучше узнаем эту — эмоциональную — сторону психики.

Как я уже отметил, психическая коррекция характеризуется двумя параметрами. А так как мы пытаемся определить структуру коррекции через эмоции, массив последних должен быть рассечён нами на две части. Причём каждая часть должна быть внутрен-

не поляризованной и спектрированной (если вы помните, о спектрированности и поляризованности психики речь шла во второй главе).

Возможно ли такое членение? Несомненно. Все эмоции делятся на сильные — слабые и положительные — отрицательные. И других (по накалу и по знаку) эмоций не существует. Вы легко можете проверить это голословное утверждение — надо всего лишь перебрать свойственные человеку эмоции.

Поскольку эмоции спектрируются по линии «сильные — слабые» и по линии «положительные — отрицательные», постольку точно так же должны спектрироваться и две составные части блока коррекции. Но сейчас нам нужны не спектры коррекционных усилий, а всего лишь констатация двухпараметральности блока коррекции.

Добавим два коррекционных параметра (нетрудно понять, что один из них соответствует модульному коррекционному восприятию, другой — знаковому) к трём ранее найденным нами. Сейчас, когда структурированы все блоки психики, мы можем подвести черту под второй частью главы.

Мы выяснили, что психика представляет собой пятипараметральное явление. Геометризированная психика имеет пять измерений. Это число (а за числом стоят вполне конкретные, если можно так сказать, действительные, функции) является необходимым и достаточным для функционирования психики, для осуществления целенаправленного психического движения.

Но мы нашли не только параметры и измерения психики. Мы обнаружили те «теоретические полочки», на которых можем расположить все (кроме немногочисленных «вибрационных») психические черты. Но так как их многие сотни, я не буду заниматься их «раскладкой». Если у вас будет желание и время, читатель, вы без труда управитесь с этой нетворческой работой сами.

Известно, что понятия, переведённые в графику, как правило, способствуют пониманию. Но вот незадача: как изобразить пятимерную фигуру? Возможно ли такое? Полагаю, возможно. Правда, это будет не фигура, а, скорее, модель. Для трёх измерений мы выделим трёхмерную фигуру, скажем, куб, а ещё для двух, например, ориентационных, — выносную плоскость. Сейчас мы сделаем набросок, который от главы к главе всё более и более будет детализироваться [рис. 3].

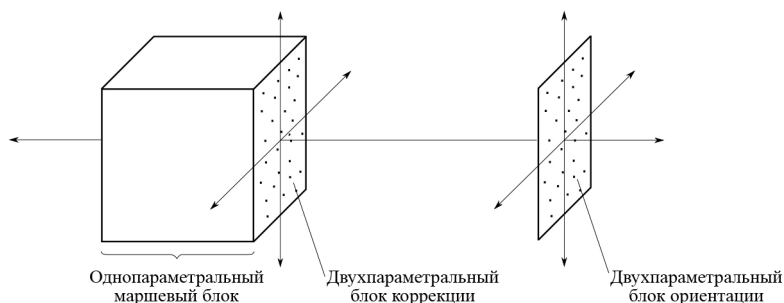

Рис. 3

Переходим к третьей части главы.

На моём рисунке представлена модель нормальной, здоровой психики. Крайние, болезненные (аномальные) проявления лежат за пределами нормы. Чтобы их изобразить, надо лишь «окантовать» норму. В своё время мы этим займёмся. А сейчас, структурировав здоровую психику, мы имеем возможность привести в систему (также структурировать) и массив психических болезней. Нетрудно понять, что этот массив распадается на три блока.

«Болезненным окаймлением» блока ориентации являются болезни нарушения конструкции мира. Совершенно не вдаваясь в детали, я пока лишь назову эти болезни. Аномалиями данного блока являются прежде всего различные шизофрении. Сюда же я отнесу дислексии и дисграфии, а также эпилепсии и ступорозные состояния. Замечу только, что в силу симметрии психики каждая болезнь имеет своего антипода. Впрочем, это касается и болезней двух других блоков.

За пределами нормы маршевого блока находятся болезни интеллекта. Непризнаваемой психиатрией болезнью психики является и обладание сверхвысоким интеллектом. Этой болезни и её возможным последствиям мы уделим немного внимания.

В третьем блоке психики за пределами нормы мы обнаружим препятствующие коррекции (и достижению цели) болезни. Такowymi окажутся полярные психозы и неврозы.

Третью часть главы я оставлю неразвёрнутой. В дальнейшем болезням психики будет уделено достаточно внимания. Как было сказано во второй главе, нашим исследовательским полем будет вся психика. Норму можно понять только в сравнении с болезнью.

В последующих главах психику, здоровую и больную, мы будем исследовать поблочно. Нам предстоит структурировать каждый параметр психики. А пока подведём итоги главы, в которой психика была подвергнута генеральному членению.

1. Важнейшим требованием научного познания является нахождение структуры исследуемого предмета или явления.

Для выявления структуры психики мы оттолкнулись от характера психического движения.

Целенаправленное движение ещё никогда не было отправной точкой исследования психики.

2. Предпринятый нами подход позволил легко обнаружить три функции целенаправленного психического движения.

Ими являются функция ориентации, маршевая функция и функция коррекции.

Все эти функции в равной степени необходимы для достижения цели, а их набор является для этого достаточным.

Для максимально эффективной работы психики требуется взвешенное, гармоничное сочетание её функций. «Выпирающие» любой функции вредит достижению цели.

3. Трёх функциям психики соответствуют три её блока. Исследуя психическое движение на блочном уровне, мы нашли подфункции психики.

Функция ориентации складывается из подфункции межмирового курсирования и подфункции перебора элементов внешнего и внутреннего мира (переборной подфункции).

Функция коррекции содержит в себе также две подфункции. Мы назвали их модульной (по линии «сильное — слабое») и знаковой (по линии «положительное — отрицательное»).

Что касается функции интеллекта (маршевой или исторической), её природа не допускает какого-либо внутреннего членения.

Такая — генеральная — структуризация психики заставляет считать её пятипараметральным явлением.

4. Переведя наши теоретические находки в геометрическую плоскость (слово «плоскость» здесь я употребляю в переносном значении), мы нашли способ изобразить пятимерную модель психики.

Не приходится сомневаться, что в дальнейшем эта модель окажет нам существенную помощь в деле исследования психики.

5. Обосновав структуру психики, мы нашли те «теоретические полочки», на которых можно разместить все (кроме немногочисленных «вибрационных») психические черты.

Таких «теоретических полочек» пять, и, следовательно масса психических черт может быть объединена в пять групп (или разрядов).

К слову замечу, что существующие весьма отличные одна от другой классификации психических черт авторы этих классификаций, в отличие от нашей — научной, доказательной — аргументации, «обосновывают», как правило, лишь своим взглядом.

6. Нашим исследовательским полем является всё «психическое пространство». Важно, что, структурировав здоровую (нормальную) психику, мы одновременно структурировали и больную (ненормальную).

Все болезни психики (кроме, скажем так, экзотических, какими являются, например, различные синестезии) мы разбили на три блока.

Психические болезни подразделяются на «поломки» конструкции мира, аномалии интеллекта и психозы и неврозы.

В дальнейшем болезням психики мы уделим самое пристальное внимание.

ГЛАВА V

ЗАКРЫТАЯ ПСИХИКА

В предыдущей главе, занимаясь структурированием психики, мы обнаружили в ней три блока и, соответственно, три необходимые и достаточные для её работы функции: ориентационную, маршрутную и коррекционную.

Этой главой мы открываем рассмотрение блока и функции ориентации. В следующих четырёх главах анализ психической ориентации будет продолжен. Почему ориентацию я собираюсь растянуть на пять глав? На это есть, как мне представляется, веские причины.

Во-первых, поскольку мы только разгоняемся, я не буду сжимать материал, что станет позволительным в дальнейшем. К тому же, думаю, имеет смысл, ввиду его важности для нашего исследования, ещё раз (а, может быть, и более) «прокрутить» способ освоения мира психикой человека. Это, разумеется, несколько «раздует» посвящённые ориентации главы. Но, повторяя «пройденное», мы не будем копировать написанное о способе освоения в четвёртой главе. Способ освоения мира мы попытаемся окинуть свежим взглядом и кое-чем дополним выясненное.

Во-вторых, «ориентационные главы» из-за обилия, как мне представляется, интересного, и что исключительно важно, имеющего несомненную практическую ценность материала обещают быть «утяжелёнными» рассмотрением весьма серьёзных болезней психики, возникающих на почве сбоев в осуществлении штурманской функции. Такими болезнями являются шизофрении, нагромождение которых, свойственное современной психиатрии, мы с вами, уважаемый читатель, приведём в систему.

В-третьих, наконец, памятуя о том, что психика по своему «историческому устройству» двойственна, мы уделим внимание не только «болезням ума» (так, и должен сказать, совершенно справедливо, называют шизофрении), но и болезням, более тяготеющим не к логическому, а к биологическому началу. Предметом

нашего рассмотрения явятся различные эпилепсии. Я покажу, что они также представляют собой существенные изъяны (аномалии) в работе блока ориентации. «Низкоуровневым» болезням, и не только, будет посвящена последняя «ориентационная глава».

Хочу спросить вас, читатель, не затруднил ли я вам чтение, назвав одну и ту же функцию ориентационной и штурманской? Если затруднил, держитесь. Я и дальше буду «злоупотреблять» синонимичными названиями. Если вы помните, начало таким «злоупотреблениям» было положено в предыдущей главе. Почему я так поступаю? Поверьте, не из вредности и не из-за того, что в тексте на русском употребление одних и тех же слов во фразе или даже абзаце считается плохим тоном, а исключительно ради развития ваших ориентационных потенциалов. Ведь вы знаете, что любой орган и любая функция человека в той или иной мере — посредством определённых упражнений — поддаются поддержанию, коррекции, совершенствованию. Хотелось бы, чтобы в психике вы ориентировались на отлично. А если серьёзно (только что сказанное тоже было не совсем шуткой), употребление различных терминов для обозначения одного и того же предмета зачастую позволяет заметить в нём что-то новое и важное, как и подчеркнуть какую-то его особенность (чтобы исключить всякое «терминологическое недопонимание», вы можете обратиться к таблице терминов¹).

В данной и следующей главе речь пойдёт о различных состояниях психики, обусловленных как нормальным, так в той или иной степени дефектным курсированием «челнока». Но прежде, чем приступить к рассмотрению этих состояний, мы с вами, как я выразился, ещё раз «прокрутим» способ психического освоения мира человеком.

Каждый обладатель психики живёт в двух неразрывно связанных и одинаково (жизненно) важных для него мирах — внешнем и внутреннем.

Внешний, реальный мир представляет собой вместилище всего сущего, природных объектов и явлений, человеческого общества, составляющих его людей, их отношений, интересов, опыта, побуждений. Внешний мир невообразимо огромен и разнообразен.

Внутренний, идеальный мир человека является отражением мира внешнего. Не удивительно, что, ввиду колоссальных масшта-

¹ См. оглавление имеющейся в электронной версии книги (www.iskrin.narod.ru).

бов реального мира, в психике субъекта отражается лишь мизерная часть мировой реальности. При этом содержимое психики одного человека может отличаться и действительно отличается, и часто, весьма значительно, от наполнения психики другого.

Одни люди имеют богатый внутренний мир, энциклопедические знания, являются мастерами избранного ими дела. Другие слышат невежественными и ограниченными. Одни постоянно пополняют свой идеальный багаж. Другие довольствуются ненаращиваемым минимумом. Одни, следуя по дороге жизни, ищут новое, смотрят вперёд. Другие постоянно оглядываются на окружающих, используют чужие идеальные и действенные накопления, олицетворяют собой даже не настоящее, а прошлое...

И эти столь различные люди (приплюсуем к ним и тех, кто занимается, так сказать, срединное положение) в психическом отношении совершенно нормальны, все они в своей совокупности составляют широкую психическую норму общества (узкую норму воплощает в себе средний по всем показателям человек). Разброс психик в рамках широкой психической нормы общества весьма и весьма велик. Часто, общаясь на работе, в учебном заведении или где-либо ещё с такими же «поселенцами» широкой нормы, каковыми являемся и мы сами, мы не представляем, насколько велики различия наших — нормальных — психик.

Впрочем, мы, кажется, отвлеклись от темы данной главы. Хотя, как знать. Замечание о «растяжке» нормы психики справедливо и для психических состояний, обусловленных не у всех одинаковым движением «челнока». Однако вернёмся к двум мирам человека.

Возникает вопрос: как отражается в голове человека внешний, реальный мир? Отражается ли он или, вернее, какая-то его часть, сразу полностью, в целом, подобно переносу на фотоплёнку изображения снимаемого фотографом объекта? Или же перенос осуществляется так, как это происходит при заполнении карты памяти современного цифрового фотоаппарата, т.е. поэлементно или, если можно так выразиться, попиксельно?

Верным является второе предположение. Человек, воспринимая какой-то элемент внешнего мира (иначе: раздражитель, которым может быть какая-либо деталь, объект, явление и т.д.), переносит по имеющимся у него каналам транспортировки информации (в основном посредством зрения и слуха) идеальную

копию этого элемента в своё «психическое хранилище». Затем следует новый экскурс в реальность, восприятие следующей частицы внешнего мира, транспортировка её идеального слепка и размещение его на определённом (не произвольном) месте в отражённой психикой и запечатлённой в психике идеальной картине мира. Таким же манером осуществляются все последующие операции копирования.

Человек, как сканер, копирует реальность (хотя правильнее было бы сказать, что сканер работает, как человек).

«Психический сканер» не знает остановок. За одним проходом по миру следует другой, третий, ... десятый, ... миллионный... Это необходимо постольку, поскольку мир не остаётся неизменным. Изменяется и человек. Он развивается (или деградирует), занимает иное, новое место в общественной системе, меняет пристрастия и привычки, подвергается влияющим на него воздействиям природной и социальной среды. Идеальная карта мира постоянно и непрерывно обновляется — психика функционирует. И в этом плане, как и в других своих проявлениях, она не является постоянной величиной.

Психическая картина мира представляет собой всего лишь копию, списанную с оригинала. Вы, конечно, не станете отрицать, читатель, что любая копия всегда уступает оригиналу. Что вытекает из этого лежащего на поверхности вывода? Только одно: совершенствование идеальной картины мира открывает перед субъектом новые горизонты познания. Впрочем, как и обратно.

Между внутренним и внешним миром нет зримого, материального средства сообщения. Но сообщение, несомненно, существует (в противном случае не было бы ни внутреннего мира, ни психики, ни наделённого ею субъекта). А поскольку оно существует, мы имеем все основания «назначить» на роль виртуального «снабженца» психики какое-нибудь простенькое, удобное для научного анализа и подходящее для переноса копий «транспортное средство».

На эту роль ещё в предыдущей главе я определил некий «виртуальный челнок». Ведь, действительно, в деле перманентного формирования идеальной картины мира осуществляется челночное движение (но если вам угодно, — подобие челночного движения) между внутренним миром и внешним. На этом челноке (в дальнейшем я не буду заключать слово «челнок» в кавычки и не всегда буду употреблять дополнение «виртуальный») из внутреннего

мира во внешний один за другим высылаются абстрактные познавательные запросы, в обратном направлении следуют частицы поставляемой внешним миром конкретной информации.

Образно говоря, вместе с челноком внутренний мир посылает внешнему запрос «что ты мне можешь дать?». На что внешний мир, отправляя очередную посылку, отвечает «бери, что имеется».

В конечном счёте из этого «что имеется» и складывается в психике идеальная картина мира.

Поступающее в его психику человек, используя интеллект, интуицию или догмы, сравнивает, сортирует на важное и второстепенное, выбирает необходимое и полезное для существования и, вооружившись в лучшем случае знаниями, а в худшем — смутными представлениями, выходит как действующий субъект на практическое освоение реального мира. Психика человека помогает ему более или менее эффективно существовать. Психика представляет собой не требующий внимания капризный придаток человека, а действенное средство его существования.

Поскольку наш воображаемый челнок движется, постольку мы можем поставить вопрос о времени его оборачиваемости. Оказывается, один ход челнока (единичный акт сканирования мира) занимает от 0,1 сек. до примерно 4 сек. Ясно, что больше времени требует снятие копии со значимого, нового, необычного, непростого раздражителя. Так же понятно, что у разных людей скорость сканирования различна. Обозначенный мною интервал является общественно-выверенной нормой продолжительности единичного акта сканирования.

Как видите, скорость работы над идеальным внутримировым полотном у «художников», находящихся на противоположных флангах нормы, может отличаться в 40 раз. Тем не менее даже при таком отличии выписываемая картина оказывается адекватной действительности.

Адекватность отображения мира, как и другие характеристики психики, спектрирована. Видимо, не надо объяснять, что у одних психически нормальных людей идеальная картина мира получается более адекватной действительности, у других — менее.

Сбои в работе челнока оборачиваются болезнью. Вас интересует, какой? Я уже указал на это. Шизофренией, точнее, её немногочисленными разновидностями. Они будут описаны в этой и трёх последующих главах.

Наблюдение за движением снующего между мирами челноком позволяет выйти на решение, пожалуй, важнейшей задачи психологической теории. Таковой является, на мой взгляд, определение так называемых психологических типов. Вряд ли стоит говорить о прикладном значении решения этой задачи.

Что же ещё, наряду со временем оборачиваемости, мы можем извлечь из движения челнока? Оказывается, челнок у многих принадлежащих норме людей имеет обыкновение притормаживать, у одних — во внутреннем мире, у других — во внешнем.

Вот этим притормаживанием мы и займёмся более или менее детально.

Рассмотрим сначала, чем чревато притормаживание челнока во внутреннем мире (к противоположной дислокации притормаживающего челнока мы обратимся в следующей главе).

«Владелец» притормаживающего во внутреннем мире (и сравнительно недолго пребывающего во внешнем) челнока получает извне меньше информации, чем человек, ход челнока которого равномерен, а пропорция миров, выработанная, вообще-то говоря, общественно-исторически, гармонична. Он знает о внешнем мире меньше, чем мог бы знать при нормальной — качественной — работе челнока. Внешний мир для него несколько урезан, а внутренний, напротив, — немного раздут. Словом, между реальностью и её отражением у такого субъекта объективно имеется некоторая (обусловленная массой недоснимаемого с внешнего мира «продукта») диспропорция (а количественные подвижки, как мы знаем, влияют на качество).

Может ли ущербная психика человека исправить такое положение? Оказывается, может, но лишь формально, по части количества, но не качества. В ситуации перекоса соотношения миров на помощь психике, для «исправительных работ», приходит закон, требующий ликвидации этого перекоса. Назову его законом двоимирия (это поначалу режущее слух название вскоре будет вами принято, читатель).

Этот закон заставляет психику привести пропорцию между мирами в соответствие. Как? Очень просто, и повторю, формально, но не по существу. Подчиняясь неумолимому диктату закона двоимирия, психика «владельца» задерживающегося во внутреннем мире челнока командирует во внешний мир избыток идеального «продукта» и размещает его там на правах реального. В резуль-

тате внешний мир нашего «владельца» оказывается состоящим не только из реалий, но и из его же («владельца») психической продукции.

Закон двоemiрия, делая свою работу, выравнивает пропорцию между мирами в количественном отношении, но при этом «загрязняет» внешний мир, разбавляя его идеальной психической продукцией. А идеальное всегда беднее, примитивнее, серее реального. Идеальное никогда не характеризуется стопроцентной правдивостью.

Но наш герой, «владелец» дефектного челнока, считает обозреваемый им внешний мир совершенно неподпорченным, принимает его же психикой командированную туда идеальную продукцию за чистую, простите, за реальную монету. А в определённой мере деформированная психика не может и не хочет указать своему «владельцу» на этот изъян.

Общаясь с «владельцами» исправных челноков, попавший в поле нашего внимания субъект, как и положено психическому существу, черпает свои умозаключения в конечном счёте из кладезя «реальности». Но видимая им «реальность» (видимая не только и не столько оптически, сколько, если можно так выразиться, психическим зрением) не является качественной (поэтому я и заключил слово «реальность» в кавычки). Вступая в контакт с окружающими, он делится с ними, наряду с адекватными бытию суждениями, и...

Какое слово надо поставить на место многоточия, уважаемый читатель? Какими суждениями из-за дефектной работы своего челнока склонен оперировать наш герой?

Попытаюсь ещё одним вопросом подвести вас к ответу на поставленные. Каким эпитетом снабжают, что называется, высосанные из пальца суждения? Правильно, такие суждения именуют бредовыми. Но бред лежит на поверхности. Он является лишь формой, в которой выплёскиваются иллюзии. Иллюзии, обусловленные в разбираемом случае задержкой во внутреннем мире челнока. Иллюзии представляют собой содержательную сторону и, одновременно, — маркер описываемого мною изъяна.

Вот чем чревато, казалось бы, безобидное притормаживание челнока во внутреннем мире: более или менее лёгкими иллюзиями и более или менее лёгким бредом. Заметьте, иллюзии и бред я называю лёгкими — мы ведь говорим о человеке, находящемся в пределах нормы. То ли будет, когда мы за эти пределы выйдем.

Описав психику, характеризующуюся притормаживанием человека во внутреннем мире, мы должны эту психику и свойственные ей иллюзии как-то назвать. Названия должны быть короткими (такими удобно будет оперировать в дальнейшем) и отражающими сущность именуемого.

Поскольку рассмотренная нами психика более «живёт» внутренним миром, нежели внешним, и тем самым от внешнего отгораживается, её, на мой взгляд, целесообразно назвать закрытой. Что же касается присущих ей иллюзий, так как они возникают из-за дефектного (разбавленного мыслительной продукцией) внешнего мира, более того, ведут от него своё происхождение, их, наверное, имеет смысл называть внешними.

Вы согласны с такими наименованиями, уважаемый читатель? Тогда зафиксируем следующее: закрытым психикам атрибутивно присущи внешние иллюзии.

Добавим ещё один штрих к описанию закрытой психики, и сделаем это, сравнив такую психику с той, челнок которой работает исправно.

Человек, челнок которого действует исправно, в общении с другими людьми выдаёт адекватную реальности мыслительную продукцию. А если ему в голову и приходят какие-то бредовые мысли, он, будучи самокритичным, контролируя себя и принимая во внимание восприятие собеседника, сразу же их отбрасывает (или же оставляет в запасниках памяти для более детальной критики). Такой человек рассчитывает и предполагает восприятие собеседника. Он общается с другими людьми в диалоговом режиме. И в том же диалоговом режиме мыслит, оставаясь наедине с самим собой. Субъект с исправно работающим челноком, размышляя в одиночестве, обязательно имеет рядом с собой незримого собеседника-критика или, если угодно, своё второе «я». «Владелец» исправного челнока всегда самокритичен, всегда общается и мыслит в диалоговом режиме.

Человек с закрытой психикой, напротив, свободен от самокритики. Он мыслит (и, естественно, общается с другими людьми) в монологическом режиме, бесконтрольно выплёскивая наружу в той или иной степени бредовую мыслительную продукцию.

Добавленный штрих позволяет нам дополнить зафиксированную ранее формулу. Теперь она звучит так: закрытой психике атрибутивно присущи внешние иллюзии и относительно свободное от самокритики в той или иной мере монологическое мышление и общение.

Я приведу пример такого мышления и общения.

Вы, конечно, смотрели «Покровские ворота» и наверняка помните, как вошедший в «монологовый раж» Савва Игнатьевич втюхивал рафинированным интеллигентам Орловичам что-то о спищтихелях, больштихелях, шаберах и рифлетках. Он выплёскивал на головы ошалевших гостей совершенно им незнакомое, непонятное и, главное, ненужное. Выплёскивал в абсолютно бездиалоговом режиме.

Вы скажете, что это — кинематографический гротеск. Но разве вам в жизни не встречались подобные Савве субъекты? Среди моих знакомых, например, есть такие персоны. А, может быть, читатель, присмотревшись к себе (т.е. подойдя к себе самокритично), вы и в своей психике обнаружите «монологовый вирус»?

Несколько ранее я анонсировал рассмотрение закрытой психики, находящейся за пределами нормы. Выполняю своё обещание. И сразу же скажу, что, рассматривая ненормальную (или крайне закрытую) психику (я буду называть её гиперзакрытой), чем-то принципиально новым я вас не пораду.

Гиперзакрытая психика, в отличие от закрытой, представляет собой не вариацию нормы, а аномалию или, иначе говоря, болезнь. Возникает вопрос: какую?

В начале главы, говоря о наполнении «ориентационной части книги», я назвал группу болезней, в которую, надо полагать, входит и недуг гиперзакрытости. Входит ли? Посмотрим, попытаемся определиться с диагнозом данного недуга.

Для этого поднимем «градус закрытости» на уровень, на котором изъян психики становится её болезнью. Разумеется, «поднимать градус» мы будем не посредством голых словесных манипуляций, а сверяя логику изложения с практикой, с психической действительностью (такая линия будет выдерживаться на протяжении всей работы).

Если у «владельца» закрытой психики челнок работает лишь с некоторым изъяном, притормаживает во внутреннем мире, то у человека с гиперзакрытой психикой челнок застревает там, как говорится, всерьёз и надолго.

Несколько упрощая, рассмотрению мы подвергнем абсолютно закрытую, крайне больную психику, такую, для которой объективно вообще нет реального мира. «Владельца» абсолютно оторванной от реальности психики мы должны назвать полным и законченным аутистом.

Правда, в действительности таких аутистов не бывает. Даже человек с самой закрытой психикой пусть редко, на короткое время и, так сказать, выборочно, но выводит (самостоятельно, с помощью других людей или по принуждению) свой челнок в реальность, хотя бы для удовлетворения основных жизненных потребностей, например, пищевой, и совершения каких-то необходимых процедур, к примеру, гигиенических.

Абсолютизация является исследовательским приёмом, который в большинстве случаев нисколько не мешает делу выяснения истины. Наш случай как раз относится к этому большинству.

Итак, предметом нашего внимания является абсолютно закрытая психика. А раз так, у её «владельца» вообще нет внешнего мира. Но его (внешнего мира) существования, а, следовательно, и существования двух миров (внешнего и внутреннего) требует закон, который я назвал законом двоemiрия (теперь вы понимаете, почему я выбрал такое название?). И больная психика, подчиняясь велению этого закона, создаёт внешний мир. Из чего? Только из продукции внутреннего мира больного, командиремой вовне, в создаваемый исключительно из субъективного материала внешний мир. Такой — состоящий из мыслительного «продукта» — внешний мир больной расценивает как реальный. Попытка указать на его неправоту всегда заканчивается неудачей (что скажете вы, здоровый человек, если кто-то увиденное вами за окном назовёт вашим вымыслом?).

Расставшись с абсолютизацией, мы увидим, что «больное двоemiрие» (как и слегка дефектное) способно включить ведущую к усугублению ситуации цепную (или, может быть, лучше сказать, циклическую) реакцию.

«Владелец» в той или иной мере закрытой психики может отобразить в своём внутреннем мире не имеющиеся в составе внешнего мира реалии, а им же размещённую там на правах реальной собственную мыслительную продукцию. Эти идеальные слепки с идеального опять могут отправиться во внешний мир, чтобы закрепиться там на правах реальных вещей и явлений. И опять, в виде слепков якобы с реальности, вернуться назад...

Теоретически, эта «игра в пинг-понг» может продолжаться бесконечно. Но если в спортивной игре шарик практически не изнашивается, то в «психическом перебрасывании идей» с каждой «сменой поля» они всё более искажаются и деградируют. Таким

образом, рассматриваемая нами болезнь (как и акцентуированное на внутреннем мире состояние), если имеет место описанная «игра», может усугубляться. Так раскручиваются иллюзии и более фантастическими становятся галлюцинации.

Закрытую психику мы связали с иллюзиями. Но и гиперзакрытая психика, поскольку она работает аналогичным образом, выходит, также продуцирует иллюзии. Да, это так. Но её иллюзии являются, если можно так сказать, иллюзиями в квадрате. Поэтому применительно к гиперзакрытой психике мы должны слово «иллюзия» (а за любым словом всегда стоит вполне определённый предмет или явление) заменить на какое-то другое. На какое? Подходящее слово мелькнуло в предыдущем абзаце. Да, «иллюзиями в квадрате» являются галлюцинации.

С терминами мы определились, и теперь сведём их в формулу. Формула гиперзакрытой психики выглядит следующим образом: гиперзакрытой психике атрибутивно присущи внешние галлюцинации и практически свободное от самокритики в высшей степени монологическое мышление (как вы заметили, читатель, в данной формуле, в отличие от формулы закрытой психики, я не употребил слово «общение», т.к. с общением у «владельцев» гиперзакрытых психик, как правило, возникают проблемы).

Нам осталось лишь поставить диагноз «владельцам» гиперзакрытых психик, и тогда глава о застревающем во внутреннем мире челноке будет доведена до конца, вернее, почти до конца. Дело в том, что в качестве бонуса я подскажу вам, читатель, как можно, если есть желание поэкспериментировать, «заболеть» характеризующейся внешними галлюцинациями психической «болезнью».

Но прежде — о диагнозе. Как же вы, уважаемый читатель, квалифицируете сопровождающуюся галлюцинациями болезнь чрезмерного урезания внешнего мира и такого же раздувания внутреннего? Я уже, правда, несколько завуалированно, высказался на этот счёт. Теперь, рассмотрев болезнь более или менее детально, мы со всей определённости можем сказать, что предметом нашего внимания была шизофрения, точнее, одна из немногих разновидностей этого психического недуга. Как назвать описанную нами разновидность? Думаю, у нас есть все основания именовать данную шизофрению аутической.

Вообще, разновидностей шизофрении не так уж и много, намного меньше, чем в арсенале питающейся иллюзиями современной

(да и старой) психиатрии. Психиатрия насчитывает десятки шизофрений и разных шизофреноподобных состояний. А могла бы и сотни. Такое немудрено при атеоретичном и совершенно бессистемном подходе к психике. Что тут скажешь? Например: сочувствую студентам, вынужденным перед экзаменом заучивать, выражусь прямо, бредовые описания, вынесенные на страницы учебников. Психические отклонения свойственны не только людям, но и формам общественного сознания, в частности, науке.

В заключение главы — обещанный бонус.

После одной из лекций кто-то из окруживших меня студентов спросил: как можно быть хорошим врачом, если ты не испытал той болезни, которой страдает твой пациент. В качестве ответа после занятий, благо моя пара была последней, мне пришлось прочитать ещё одну лекцию. С фрагментом, где речь шла об обсуждаемом нами в этой главе, я познакомлю и вас, читатель. Из сказанного я не буду делать никаких выводов и по возможности воздержусь от советов и рекомендаций. Решайте сами.

Предположим, у человека совершенно нет предрасположенности к аутической шизофрении. И вообще, в психическом плане он абсолютно здоров. Может ли такой человек «заболеть» шизофренией (или хотя бы оказаться вблизи неё)? Оказывается, может. Сейчас я покажу это, приведя некоторые факты. Но прежде хочу обратить ваше внимание на кавычки, в которые я заключил (сейчас и несколько ранее) слово «заболеть». Я это сделал постольку, поскольку речь у нас пойдёт не о хроническом психическом заболевании, а о временном и легко ликвидируемом шизофреническом синдроме. О синдроме, испытав который, можно без проблем и без последствий вернуться в норму. Думаю, кратковременного испытания для хорошего сострадательного врача вполне достаточно.

«Аутическую шизофрению» (кавычки я использую потому, что говорю не о болезни, а о «болезни»), как и какую-нибудь иную психическую аномалию можно «заработать» двумя путями — попав под медикаментозное воздействие или под средовое. Об этих двух рычагах воздействия на психику говорилось в третьей главе. Факты, которые я приведу, относятся к воздействию на психику здорового человека посредством давления, оказываемого специфической средой (о медикаментозном воздействии для достижения того же результата я очень советую даже не помышлять).

Ещё в 60-х годах прошлого столетия, когда появились способные долго находиться в воздухе высотные самолёты, американские исследователи, изучавшие поведение пилотов, летающих на одноместных машинах, обнаружили у своих подопечных, как они его называли, «чувство оторванности от Земли». Это «чувство» (у здоровых, отобранных и проверенных лётчиков!) подчас сопровождалось слуховыми и зрительными галлюцинациями¹.

В своё время, правда, не в одиночестве и ненадолго мне приходилось забираться на самолёте на высоту, где небо становится пронзительно синим, а солнце — пугающе ярким. Не знаю, к сожалению или к счастью, но меня не посещали галлюцинации. Однако «чувство оторванности от Земли» я, скорее всего, раза два или три всё же испытывал.

Что же касается американских лётчиков, их «чувство», сопровождавшееся галлюцинациями, было вызвано тремя факторами: большой высотой, продолжительностью полёта и одиночеством.

Эти же факторы заставляли галлюцинировать и многих советских и российских космонавтов. Однако публикации с «чистосердечными признаниями» действующих космонавтов, скорее, являются исключениями (какой космонавт из-за «видений» хочет быть отстранённым от полётов!). Наиболее полным сводом «космических причуд психики», на мой взгляд, является книга космонавта А. А. Леонова и медика В. И. Лебедева «Психологические проблемы межпланетного полёта».

Чтобы испытать шизофреноподобное состояние, совершенно не обязательно отрываться от Земли. И на её просторах можно встретиться с галлюцинацией. Для этого надо оказаться в необычных, особых условиях — в утомительном путешествии, иноязычной среде или, чего вам не желаю, читатель, в заключении или вражеском плену. Психиатрией достаточно давно описаны такие состояния под шапками «Ситуационный паранойд», «Железнодорожный паранойд», «Психоз путешествия», «Бред вражеского пленения» и т.д.

Галлюцинации могут пленить человека и в его квартире. Замечено, что в привычной среде склонны галлюцинировать в общем-то здоровые люди, у которых нарушены какие-то каналы чувственного восприятия мира: зрительный, слуховой и даже обонятельный.

¹ См.: Кузнецов О., Лебедев В. Одиночество // Наука и жизнь, 1966, № 5, стр. 111.

Думаю, не надо объяснять, почему «домашние галлюцинации» приходят со стороны утратившего способность видеть глаза, неслышащего уха, онемевшей или долго бывшей в неподвижности конечности...

Неплохими «перегородками» между внутренним миром и внешним, особенно, в сочетании с одиночеством, являются темнота и так называемое просоночное состояние (представляющее собой нечто промежуточное между сном и бодрствованием). Последнюю «перегородку» высоко ценил Сальвадор Дали. Многие шизофренические шедевры были написаны им на стадии неполного пробуждения, как утром, так и среди ночи. Впрочем, этому незаурядному живописцу (известны и его адекватно отражающие действительность работы) вряд ли стоило тревожить свой сон — он и так был помечен шизофренией¹.

Если просоночное состояние служит неплохой «перегородкой» между внутренним миром и внешним, то сон, без всякого сомнения, является отличной. Согласитесь, уважаемый читатель, что сновидения представляют собой, пожалуй, предельно ярко выраженные галлюцинации. Так что каждый человек, поскольку сон является нашей физиологической потребностью, знает не понаслышке, что такое гиперзакрытая психика, свойственные ей галлюцинации и аутическая шизофрения.

Сон и сновидения не обусловлены влиянием среды. Как я заметил, они являются физиологической потребностью человека и поэтому не входят в мой бонус, а служат, если можно так выразиться, небольшим довеском к нему. Вообще же для сна и сновидений одного абзаца явно недостаточно. Для выявления их сущности, физиологических и психических пружин и многого другого требуется специальная фундаментальная работа. Возможно, она будет написана.

Видимо, уважаемый читатель, шизофреноподобных состояний, вызываемых давлением среды, я назвал в объёме, достаточном для «хорошего врача». Так что, повторю, решайте сами.

Да, чуть не забыл сказать вам, что обусловленное средой приобретение «болезней» психики облегчается недоеданием, недосыпанием, переутомлением, каким-либо соматическим недугом...

Вот теперь, действительно, глава подошла к концу, и мы можем подвести её итоги.

¹ См.: Дали С. Дневник одного гения. М., 1991 (есть и более поздние издания).

1. Ввиду его особой значимости я взял на себя смелость повторить содержащийся в третьей главе материал о двух мирах наделённого психикой субъекта, о копировании внешнего мира и переносе его идеального отражения внутрь психики, о челноке как агенте этого переноса, о непрерывности осуществляемого челночным способом процесса психического сканирования мира... (вы, конечно, понимаете, уважаемый читатель, что челнок и челночный перенос не принадлежат к классу материальных вещей и явлений, а представляют собой лишь идеальную модель, на мой взгляд, неплохо помогающую разобраться в устройстве и функционировании психики).

Надеюсь, вы заметили, что наше повторение не было воспроизведением «пройденного», а включало в себя определённые дополнения, например, информацию о продолжительности единичного акта сканирования мира.

2. В подытоживаемой главе мы начали разрабатывать, как мне представляется, одну из важнейших, если не важнейшую, проблему психологии (и вообще науки о психике, как здоровой, так и больной). Такой проблемой я считаю определение психологических типов (наверное, правильнее было бы говорить не о психологических, а о психических типах).

Начало разработки «проблемы психотипов» было положено рассмотрением психики, перекошенной в сторону внутреннего мира, и наделением её названием (такую психику мы называли закрытой).

Последнее может показаться не суть как важным, ибо возможны варианты. Рассматриваемую в этой главе перекошенную психику я мог бы назвать и по-другому. Однако предпочёл и вынес в заголовок наименование «закрытая». Почему? Когда мы займёмся «составлением» психологических типов, каждому из них будет присвоен определённый буквенный код. Я предпочёл не столько слово «закрытая», сколько литеру «З».

Есть мелочи, которые имеют совсем не мелкое значение.

3. Двоемирие, свойственное психике, мы возвели в ранг закона.

Применительно к здоровой психике этот закон может быть сформулирован так: психическому существу атрибутивно присуще функционирование в двух находящихся в гармоничном соответствии (т.е. обеспечивающих эффективное

существование) мирах — внешнем, реальном и внутреннем, идеальном.

Перекошенную и крайне перекошенную в сторону внутреннего мира психику закон двоемирия гармонизирует (если вообще это слово здесь применимо) лишь формально, но не по существу. Если бы закон двоемирия был волшебником, перекошенных психик (как в одну, так и в другую сторону) вообще бы не существовало.

4. Главным итогом главы, несомненно, является характеристика закрытой и гиперзакрытой психики.

Эта характеристика в качестве основных элементов включает в себя: внешние иллюзии (для гиперзакрытой психики — внешние галлюцинации), бредовые идеи как форму реализации иллюзий (для гиперзакрытой психики — глубокий бред, являющийся формой, в которой реализуются галлюцинации), монологический режим мышления и общения (для гиперзакрытой психики — практически исключительно монологический режим), недостаток самокритики (для гиперзакрытой психики — практически отсутствие самокритики).

Также был показан механизм накручивания иллюзий и галлюцинаций.

Мы не ушли и от характеристики психики, челнок которой работает исправно.

Её основными моментами являются: адекватное отражение реальной действительности, диалоговый режим мышления и общения, самокритика.

5. Охарактеризовав гиперзакрытую психику, мы квалифицировали её закрытость как болезнь. Это — первая найденная и описанная нами разновидность шизофрении. Будем называть такую шизофрению аутической.

Как вы заметили, уважаемый читатель, я не смог удержаться от критики. Наш пока ещё анонсированный небольшой набор шизофрений я противопоставил огромному совершенно бессистемному скопищу «шизофрений официальных».

В дальнейшем нам встретятся и другие иллюзии психологии и психиатрии. Прочитав книгу, думаю, вы согласитесь, что психические отклонения свойственны не только людям, но и науке.

6. В центре нашего внимания оказались психическое отклонение и болезнь, обусловленные природой их «владельцев», или, как я её назвал в третьей главе, генетикой.

Наряду с внутренними причинами диспропорции миров имеются и внешние, средовые.

В качестве бонуса мною были продемонстрированы «шизофрении» (шизофреноподобные состояния), в основе которых лежит та или иная отгороженность человека от внешнего мира.

Я указал на возможность совершенно безопасного (надеюсь, в космос вы не полетите) экспериментаторства по этой части. Впрочем, может быть, вам уже приходилось, скорее всего, косвенно или случайно, оказаться в роли подопытного кролика.

ГЛАВА VI

ЭКСТРАВЕРТНАЯ ПСИХИКА

«Челнок у многих принадлежащих норме людей имеет обыкновение притормаживать, у одних — во внутреннем мире, у других — во внешнем».

Я привёл эту фразу из предыдущей главы, которая (фраза) явилась заявкой на рассмотрение последствий для психики притормаживания челнока. Эту заявку мы выполнили наполовину. В пятой главе нами было рассмотрено притормаживание и застревание челнока во внутреннем мире человека. В настоящей главе мы продвинемся дальше в намеченном направлении. Предметом нашего внимания будет челнок, «предпочитающий» внешний мир внутреннему, и, разумеется, следствия такого «предпочтения» — обусловленный притормаживанием во внешнем мире характер психики, её изъяны и, при чрезмерном притормаживании, какая-то психическая болезнь.

Психика не существует вне человека. Поэтому изучение психики всегда персонифицировано. Человек является обязательной фигурой любого психологического исследования. Как вы помните, уважаемый читатель, такую фигуру, представшую перед нами в пятой главе, а это был носитель закрытой и гиперзакрытой психики, я назвал её «владельцем».

В этой главе, надо полагать, перед нами развернётся другая психика, и вы, наверное, догадываетесь, какая. Её носителя я буду обозначать, единственно для того, чтобы избежать какой бы то ни было путаницы, иным словом, также взятым из «рыночного лексикона». Пусть носитель психики, тяготеющей к внешнему миру, будет у нас её «обладателем».

Не придавайте большого значения названиям персон, используемым в этой и пятой главе. Слова «владелец» и «обладатель» не являются сколько-нибудь значимыми для нашего предприятия. Это — чисто технические термины, и введены они мною, повторю, только во избежание путаницы.

Здесь в вводной части главы я поставлю точку, и мы с вами, читатель, начнём разрабатывать психику, специфика которой обусловлена притормаживанием челнока во внешнем мире.

«Обладатель» такой психики более «живёт» внешним миром, нежели внутренним. Внутренний мир такого субъекта более беден, чем мир человека с исправно работающим челноком. Гармония миров (общественно-исторически выверенная пропорция) у «обладателя» задерживающегося во внешнем мире челнока в определённой степени нарушена, и сам «обладатель» об этом зачастую даже не подозревает.

Таковы ключевые характеристики в той или иной мере «затянутой» во внешний мир (но при этом не выходящей за пределы нормы) психики.

Вы спросите: это всё, что о психике, несколько перекошенной в сторону внешнего мира, можно сказать? Нет. Психика, устремлённая во внешний мир, представляет собой своеобразный полигон, где без устали действует некая выравнивающая миры сила. Результатом её действия является устранение межмирового дисбаланса и «гармонизация» психики.

Что это за сила? Как она ликвидирует дисбаланс?

Вы, конечно, заметили, что слово «гармонизация» я заключил в кавычки. Я это сделал постольку, поскольку сила, о которой я говорю, способна лишь формально уравновесить миры человека и гармонизировать психику. По существу же она скорее навредит, чем исправит.

Не сомневаюсь, читатель, что вы знаете, какую силу я имею в виду. Да, я говорю о законе двоемирия, о его действии.

Подчиняясь требованию этого закона, относительно бедный внутренний мир нашего «обладателя» «обогащается». Чем? За счёт чего?

Единственным источником, использование которого способно ликвидировать «внутримировую недостаточность», может быть и в действительности является только внешний, реальный мир. Из него во внутренний мир бедного «обладателя» и перекачиваются реалии, вернее, их идеальные копии, которые по прибытии на место назначения расцениваются «обладателем» перекошенной психики не в качестве отпечатков реальности, а в качестве собственной мыслительной продукции.

Каким же элементам внешнего мира при такой перекачке отдаётся предпочтение?

Реальный мир состоит не только из материальных объектов и явлений. Его наполнением служат также суждения других людей, их взгляды, установки, решения, выводы, произведения...

Преимущественно на этот «продукт» и нацелен обиженный внутренним скудоумием «обладатель». В подавляющем большинстве случаев он, притягиваемый в силу своих интересов к той или иной из перечисленных мною «нематериальных реалий», именно её слепок переносит в свой внутренний мир и, поскольку в данной реалии он по сути дела растворился, начинает считать её неотъемлемой частью своей мыслительной продукции — собственным суждением, взглядом, установкой, оценкой, решением, выводом, произведением и т.д.

Хорошо, если наш герой присвоит взятую на стороне какую-нибудь обыденную установку или решение. Обыденность мышления свойственна многим, и потому «воровство» «обладателя» устремлённой вовне психики, скорее всего, сойдёт ему с рук. А если он присвоит стихотворение растворившего его в своём творчестве поэта, хит ставшего его идиологом музыканта, выкладки пленившего его учёного? В чём тогда его обвинят? Конечно, в плагиате.

Уважаемый читатель! Если вы творческий человек, и ваше творение кто-то присвоил, не рубите с плеча, не требуйте немедленно покарать воришку. Сначала разберитесь. Ибо возможны варианты. Плагиатор может оказаться жуликом, а может — и «обладателем» несколько перекошенной в сторону внешнего мира психики (и вашим почитателем!). Наказывают за вину, а не за беду, за воровство, а не за свойственные человеку иллюзии.

Такая вот интересная, кажущаяся вороватой психика. Конечно, так называть её мы не будем. Тем более, что «воровство поневоле» может так и остаться необнаруженным. Человек может всю жизнь считать себя автором «Евгения Онегина», но так в этом и не признаться. Я не говорю о присвоении обыденного.

Вообще, чужая душа — потёмки (это не я придумал, не обвиняйте меня в плагиате!), и спрятанные в ней — внутренние, я бы сказал, глубоколичностные — иллюзии (вы ведь согласитесь, что «плагиат поневоле» представляет собой бред, являющийся реализацией иллюзии) не так легко обнаружить, как внешние иллюзии «владельца» из предыдущей главы.

Вы заметили, читатель, что, описав психику «обладателя» притормаживающего во внешнем мире челнока, мы ненароком нашли и название характерных для такой психики иллюзий?

Иллюзии, которые являют собой составную часть самосознания «плагиатора поневоле» я назвал внутренними. Это название является не только точным словесным выражением сущности иллюзий нашего «обладателя», но и противоположностью названия иллюзий субъекта, чей челнок «предпочитает» внутренний мир внешнему.

Так и должно быть. Психика человека поляризована, и поэтому вполне естественным представляется наличие противоположностей, дислоцированных на её полюсах.

Нам осталось лишь снабдить соответствующим названием рассматриваемую в данной главе психику, и мы сможем составить, как делали это применительно к закрытой психике, формулу нашего теперешнего предмета внимания.

Думаю, мудрить с названием занимающей нас психики особенно не сто́ит. Назовём-ка мы такую психику, поскольку её «обладатель» склонен растворяться во внешнем мире, экстравертной.

Тогда формула такой психики будет выглядеть следующим образом: экстравертной психике атрибутивно присущи внутренние иллюзии, реализуемые, как правило, в форме плагиатоподобного бреда.

«Обладатель» экстравертной психики, как и «владелец» закрытой, склонен мыслить и общаться в бездиалоговом режиме. Но, что называется, раскусить его бред-монолог достаточно сложно. Это легко сделать лишь в том случае, если он бредит не на обыденные темы. Если же «обладатель» экстравертной психики совершенно искренне заявляет, что, например, нашёл новый способ хранения картошки, поди разбери, действительно ли это так или же он позаимствовал его где-то на стороне. Так что монологический образ мышления (впрочем, как и самокритичность) «обладателя» экстравертной психики не так очевиден, как такой же образ мышления «владельца» психики закрытой.

Неочевидность не есть отсутствие. Поэтому формулу экстравертной психики мы можем дополнить. Дополненная формула имеет такой вид: экстравертной психике атрибутивно присущи внутренние иллюзии, плагиатоподобный бред, в определённой мере монологический способ мышления и общения и его (монологического способа) в известном смысле обратная сторона — в той или иной степени пониженная самокритичность.

Занимаясь закрытой психикой, мы подняли «градус закрытости» на уровень, на котором изъян психики становится её болезнью.

С экстравертной психикой мы поступим точно так же. Однако описание гиперэкстравертной психики я пока придержу. Начну её рассмотрение с примера.

В начале 2000-х годов ничем не примечательный житель Владимирской области по фамилии Зайцев, благо его имя попало в печать, стал знаменитостью всероссийского масштаба. Благодаря чему? Оказывается, благодаря попытке прорваться на стареньких «Жигулях» в Боровицкие ворота Кремля.

Разумеется, охрана попыталась воспрепятствовать такому, как поначалу казалось, хулиганству. У водителя потребовали объяснений. Он некоторое время никак не реагировал, но потом снизошёл и с интонацией, требующей уважения, заявил: «Вы что, не видите? Я президент России».

Когда «президента» вытаскивали из машины, он упирался и даже пытался драться с сотрудниками охраны. Но силы были не равны, и возмутителя спокойствия доставили в ближайшее отделение милиции.

Надо отдать должное милиционерам. Они не стали «воспитывать» Зайцева, а вызвали скорую, которая отвезла «президента» в психиатрическую больницу.

В прессу не просочились сведения о предыстории случившегося. Но мы попытаемся смоделировать процесс вхождения в «президентство» (как и в любую другую аналогичную роль).

Иногда в литературе, зачастую юмористической, нам попадает сюжет, в котором фигурируют пребывающие в сумасшедшем доме Наполеоны, Цезари, Сталины и другие известные личности. Это — не всецело авторский вымысел. «Обладатели» гиперэкстравертных психик склонны, живя практически только внешним миром, не переносить в свой внутренний мир и присваивать что-то по мелочи (какие-то идеи, мнения или произведения, словом, если можно так выразиться, частичный мыслительный «продукт»), а брать по-крупному. «Добычей» гиперэкстравертов часто становится облик заставившего их раствориться в себе человека: его образ жизни, манера поведения, личностные качества, высказывания, произведения и т.д.

«Обладатель» гиперэкстравертной психики сначала подражает в поведении и мыслях своему идеалу (между прочим, это может быть не реальный человек, а, скажем, герой книги или фильма), потом, всё более и более впитывая в себя всё присущее этому челове-

ку, сливает своё «я» с его личностью и в конце концов сам начинает считать себя этим человеком.

Гиперэкстраверт, «специализирующийся» на присвоении имени, практически весь свой внутренний мир заполняет духовным обликом заставившего его раствориться в себе человека. Своё собственное небогатое «я» он подавляет и замещает, как он сам мог бы подумать, изученным вдоль и поперёк внутренним обликом своего идеала. Он становится другим человеком. Но такую реинкарнацию он в общем-то совершает довольно топорно. Мы знаем, что любая копия, а новый облик есть копия, снятая с оригинала, всегда беднее, серее, худосочнее подлинника.

Иллюзия присвоения имени, вернее, гипериллюзия или галлюцинация, как нечто внутреннее, вырывается наружу в виде бреда, которым является не только слово, но и соответствующее поведение.

Каждая эпоха выдвигает на авансцену своих кумиров. Я не выяснял, но думаю, что Наполеонов в психиатрических заведениях и в домашней тишине, если они вообще там есть, можно сосчитать по пальцам, а вот «президентов», «известных артистов» или «спортсменов» наверняка мы сможем отыскать в некотором множестве. Так что о Зайцеве, кроме того, что он гиперэкстраверт, можно ещё сказать, что он и сын своего времени.

«Добычей» гиперэкстраверта может оказаться не только реальная или вымышленная личность, но и какая-то вещь (и даже явление), в том числе и такая, с точки зрения стороннего наблюдателя, неудобная для гиперэкстравертного присвоения, как, например, Нева.

Слившись с Невой, разумеется, в переносном смысле, и переправив её идеальную копию в свой внутренний мир, гиперэкстраверт вполне может считать одетую в гранит реку не реальным объектом, а своим мыслительным «продуктом», а настоящую Неву, по набережным которой он регулярно прогуливается, — совершенно другой рекой.

Для сравнения, во внутреннем мире психически здорового человека тоже присутствуют подобные образы. Только человек с нормальной психикой сознаёт, что это — слепки с реалий (в том числе и нематериальных, каковой является, например, сказочная молочная река с кисельными берегами), но никак не его собственная мыслительная продукция.

Вернёмся к классике гиперэкстравертного присвоения. Внутренний мир «обладателя» перекошенной психики может оказаться заполненным до краёв не только образом героя его (или исторического) времени, но и обликом малоизвестного, но близкого большому человеку. Приведу вам, уважаемый читатель, пример такого заполнения, имевшего место почти триста лет назад.

О «президенте» Зайцеве вы, может быть, раньше и не слышали. А вот Ксения Григорьевна Петрова вам наверняка известна.

Жизнь Ксении, рождённой в достаточно знатной петербургской семье, текла своим чередом. Когда подошло время, Ксения была выдана замуж за дослужившегося до чина полковника придворного певчего Андрея Фёдоровича Петрова. Брак оказался удачным. Молодая жена души не чаяла в своём муже.

Видимо, не выходящее за рамки нормы (или несколько выходящее, но не бросающееся в глаза) растворение женщины в супруге могло продолжаться и дальше, если бы случившееся, когда Ксении было 26 лет, не вытолкнуло его (растворение) на уровень явной психической болезни.

Об этой болезни, о диагнозе растворения во внешнем, на время оставив Ксению на её жизненном переломе, мы и поговорим.

Болезнь растворения, о которой нам уже кое-что известно, мы ещё не наделили названием. Что ж, подыщем подходящее. Поскольку гиперэкстравертная психика продуцирует галлюцинации (это слово уже прозвучало, а Зайцев своим бредом показал нам всю глубину растворенческой галлюцинации), болезнью гиперэкстравертов является шизофрения (галлюцинация и оформляющий её бред представляют собой неотъемлемое свойство любой шизофрении).

Возникает вопрос: какая нам попалась шизофрения, какая из разновидностей этого психического недуга является предметом нашего внимания?

Описывая перекос психики в сторону внешнего мира, я неоднократно употреблял слово «растворение». Рассматриваемый нами недуг неразрывно связан с растворением личности во внешнем мире. Поэтому назвать его, видимо, следует, используя связку слов «шизофрения» и «растворение». Напрашивается два варианта: «шизофрения растворения во внешнем (мире)» и «растворенческая шизофрения». Второе наименование менее благозвучно, чем первое. Но зато оно короче. Предлагаю в качестве диагноза

вставшего на нашем пути недуга узаконить именно его (что не мешает использовать и первый вариант).

Используем отвлечение от Ксении по максимуму и приплюсуем к сказанному об оказавшейся в центре нашего внимания разновидности психики формулу её гиперэкстравертной градации.

Такая формула имеет следующий вид: гиперэкстравертной психике атрибутивно присущи внутренние галлюцинации и глубокий бред, в высшей степени монологический и крайне несамокритичный режим мышления, поведения и общения.

Итак, занимаясь межмировым курсированием челнока, мы нашли две разновидности шизофрении — аутическую и растворенческую. Своим пристанищем в психическом сообществе они имеют его противоположные фланги. Так и должно быть. Психика поляризована. Любому психическому состоянию, в том числе и аномальному, как и любой психической черте, всегда противостоит его зеркальное отражение, его антипод и, одновременно, аналог. Такова эстетика устройства психики (не подумайте, читатель, что я намекаю на существование какого-то эстета, сотворившего психику; я говорю об объективном строении психики, субъективно воспринимаемом как эстетичное). Таким образом, нами обнаружены две противоположные разновидности шизофрении (думаю, понятно, что и нормальные закрытые и экстравертные психики также являются собой противоположности).

Я не закончил повествование о житии Ксении. Продолжу.

Жизнь Ксении и её психику перевернула скоропостижная смерть её супруга. Что же случилось с внутренним миром молодой женщины? В день похорон 26-летняя вдова облачилась в одежду почившего, присвоила его имя (и в дальнейшем отзывалась только на него) и заявила, что Андрей Фёдорович жив («вот он — перед вами»), а Ксения умерла.

Вы, конечно, догадались, что речь идёт о почитаемой церковью в качестве святой Ксении Петербургской, которой на основании светской версии её жизни мы должны однозначно поставить диагноз «растворенческая шизофрения».

Церковная версия, отрицающая «умопомрачение», трактует произошедшую с Ксенией метаморфозу как волевой поступок психически нормального человека, как «решение казаться безумною».

Нетрудно найти мотивы такой трактовки. Не секрет, что церковь (неважно, какая) издревле достаточно методично эксплуатирует

психические аномалии, приписывая их носителям подвижничество и святость. Но мы не будем копать в этих мотивах.

Психологу интересны не столько мотивы, которыми руководствуются церковные иерархи при канонизации психически ненормальных людей, сколько восприятие иллюзий, навязываемых мирянам священнослужителями.

Ранее я заметил, что каждая эпоха характеризуется своей нормой иллюзий. Сейчас нам представилась возможность расширить и конкретизировать этот вывод. Какая-то иллюзия, будучи в определённую эпоху нормой для всего общества, на более высоком уровне развития оказывается способной существовать лишь в масштабах не отличающегося высокими интеллектуальными показателями и сравнительно узкого общественного слоя. Но так как обществу, наряду с поступательным движением, свойственно претерпевать и откаты, атрибутом которых всегда является падение уровня интеллекта его членов, иллюзии, казалось бы, оставленные в прошлом, в такие времена опять возрождаются и снова опутывают психику немалого количества людей.

Метками общественного (и интеллектуального) отката, применительно к нашему времени, являются вылезающие из всех щелей астрологи, хироманты, нумерологи, гадалки, прочие мракобесы и, конечно, так называемая возрождающаяся церковь. Именно это мы наблюдаем в современной России.

Вы требуете доказательств, читатель? Включите телевизор, выйдите в Интернет, обратитесь к той прессе, которая ещё не успела окончательно пожелтеть...

Слегка коснувшись проблемы зависимости психики от истории, мы, в общем-то, залезли в главу, которую вам ещё предстоит прочитать. Не будем отвлекаться. Продолжим нашу работу.

В предыдущей главе и в этой мы охарактеризовали три нормальные, т.е. находящиеся в составе нормы (и в своей совокупности составляющие широкую норму подфункции межмирового курсирования) разновидности психики. Две из них, являющиеся краевыми, были названы. Это — закрытая и экстравертная психика. Срединная же разновидность осталась у нас без названия. Что ж, восполним пробел, и, поскольку срединная психика характеризуется исправной работой челнока, думаю, по имени этого «транспортного средства» мы её и назовём. Пусть психика, занимающая центральное положение на оси межмирового курсирования, именуется челночной.

Теперь, уважаемый читатель, наш анализ, а это анализ триады психик, мы переведем в графику. Это будет следующим, и последним в данной главе, шагом нашего исследования.

Вы помните рисунок в четвертой главе, на котором была изображена модель психики? Сейчас, в качестве поля для «графических упражнений», мы возьмем изображенную на этом рисунке моделирующую блок ориентации плоскость и продедаем с ней и на ней ряд операций.

Во-первых, мы эту плоскость для удобства работы развернем «лицом» к нам и увеличим.

Во-вторых, одну из принадлежащих плоскости осей мы «назначим» осью межмирового курсирования. Пусть это будет горизонтальная ось. На одном её фланге (слева) мы разместим закрытые психики, на противоположном — экстравертные, а посередине — челночные.

В-третьих, при изображении названных психик, а за ними стоят их носители, люди, мы по возможности учтем их (психик и людей) реальное соотношение (оказывается, большинство составляют носители срединных, челночных психик, носителей же каждой из краевых психик в психическом сообществе в несколько раз меньше).

В-четвертых, за границами нормы (справа и слева) мы разместим аномальные психики — гиперзакрытую и гиперэкстравертную (явных носителей таких психик, т.е. людей, страдающих той или другой шизофренией, в психическом сообществе совсем незначительное количество).

В-пятых, наконец, фигурирующие на рисунке нормальные и аномальные психики мы обозначим соответствующими буквенными кодами (не сомневаюсь, что эти коды будут вам понятны).

Вот что у нас получится (слева изображена моделирующая блок ориентации плоскость до разворота, увеличения и последующих операций) [рис. 4].

Думаю, понятно, что границы между найденными разновидностями психик являются размытыми. Это обусловлено как атомарным строением психического сообщества, так и индивидуальной «вибрацией» его членов.

Должен заметить, что предложенная вам диаграмма отражает, как их можно назвать, среднестатистические условия. В условиях же дестабилизации более или менее плавного исторического процесса границы между разновидностями психик (и группами их носителей) могут смещаться, а соотношение психик — изменяться.

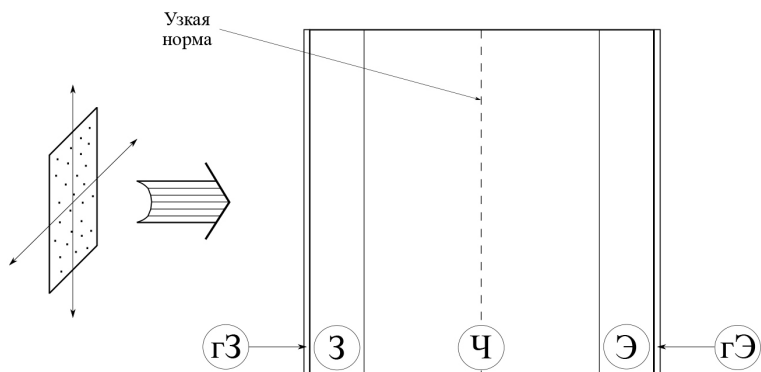

Рис. 4

Однако эти вопросы, несомненно, интересные, но представляющие собой лишь ответвление от нашего в общем-то краткого курса теории психики, я опускаю. А вот обязанность по подведению итогов главы, конечно же, выполняю.

Посмотрим, что нам удалось добыть на этот раз.

1. В этой главе объектом нашего внимания стала принадлежащая широкой норме психика, специфика которой обусловлена притормаживанием во внешнем мире челнока.

Такую психику, являющуюся противоположностью закрытой, мы называли экстравертной.

Основными чертами экстравертной психики являются: внутренние иллюзии, бредовые идеи, чаще всего выступающие в форме, как я его назвал, плагиата поневоле, монологический режим мышления и общения, недостаток самокритики.

Теперь нам известны все разновидности нормальных психик, обязанные своим существованием трём мыслимым вариациям «поведения» челнока. Это — закрытая, челночная (данное название «срединная» психика получила в настоящей главе) и экстравертная психика.

2. Подняв «градус экстравертированности», мы обнаружили «на кончике пера» (и это находится в полном согласии с психиатрической практикой) аномальную, больную психику.

Эта психика и свойственная ей болезнь были названы, соответственно, гиперэкстравертной психикой и растворенческой шизофренией.

Гиперэкстравертная психика и атрибутивно присущая ей болезнь характеризуются: внутренними галлюцинациями, глубоким бредом, содержанием которого нередко является присвоение имени и личности какого-то человека, как реального, так и вымышленного, исключительно монологическим режимом мышления и общения, полным отсутствием самокритики.

3. Немаловажным итогом главы надо считать и положение, хотя в тексте оно было загнано в скобки, констатирующее неразрывную связь любой шизофрении с галлюцинациями и бредом.

Учёт этого обстоятельства является залогом успеха при диагностике шизофрении.

4. На данном этапе нашего исследования, занимаясь блоком ориентации, мы выявили две полярные разновидности шизофрении — аутическую и растворенческую.

Можно ли найти ещё какие-то ломающие конструкцию мира (вы помните, читатель, что в четвёртой главе я предложил называть блок ориентации и конструкционным?) психические болезни?

Полагаю, да. На такую мысль наводит структура блока ориентации. Ещё одну пару шизофрений мы поищем в следующих двух главах.

5. Объясняя сущность экстравертной и гиперэкстравертной психики, мы ещё раз обратились к закону двоемирия.

Придётся ли нам в дальнейшем опереться на этот закон?

Нет. Он «обслуживает» только межмировое курсирование. «Поперечное» движение челнока должно находиться в компетенции другого, не менее важного закона функционирования психики.

Вы не догадываетесь, какого, читатель?

6. Накопления двух «ориентационных» глав были переведены в графику. Этим было положено начало детализации предложенной в четвёртой главе наглядной модели психики.

Первым шагом в этом направлении стало размещение в определённом порядке на оси межмирового курсирования полос определённой ширины, являющихся графической интерпретацией различных, нормальных и аномальных, обусловленных «поведением» курсирующего между мирами челнока разновидностей психики.

Пока мы детализировали один параметр психики из пяти ей присущих.

ГЛАВА VII

МАНИАКАЛЬНАЯ ПСИХИКА

Представьте, уважаемый читатель, что вы — художник, и вам предстоит изобразить на холсте открывающуюся перед вами панораму. Как вы будете действовать? Видимо, пробежав взглядом по панораме, вы выберете какие-то её ключевые элементы и в определённой последовательности перенесёте их (если быть точным, изображения этих элементов) на холст. Затем, когда эскиз картины будет таким образом размечен, вы сможете приступить, тоже к поэлементному, наполнению своего произведения мазками, являющимися более или менее адекватными копиями «кусочков» реальной панорамы.

Но вы — не только художник, вы ещё и психолог. Что вы, психолог, находящий отдохновение в художественном творчестве, скажете о способе написания своих живописных работ? Наверное, что их создание принципиально ничем не отличается от формирования внутриспсихической картины реального мира.

Иначе и не может быть. Художник, будучи психическим существом, в своей работе действует так и только так, как позволяет ему и требует от него его психика. Художник способом своей, так сказать, ручной деятельности в принципе ничем не отличается от любого другого человека, таким же манером воспроизводящего на своём незримом полотне (читайте: во внутреннем мире) картины окружающего его реального мира.

Вы спросите: зачем мне понадобилось выяснять алгоритм творения живописного полотна? Только с одной целью. Простым примером из жизни я хотел проиллюстрировать ранее достаточно абстрактно рассмотренную работу нашей виртуальной модели — челнока.

В двух предшествующих главах наше внимание было сосредоточено на ходе челнока из внутреннего мира во внешний и обратно. Сейчас мы рассмотрим «поведение» челнока внутри миров человека.

Чем же характеризуется, как внутри реального мира, так и идеального, «деятельность» нашего познавательного инструмента?

Челнок — в определённом смысле универсал. Он выполняет функции сразу двух инструментов художника — глаза и кисти. Подобно глазу художника он, перебирая элементы внешнего мира, выбирает самый подходящий для данной ситуации, а как кисть, — оставляет его отпечаток на определённом месте во внутреннем мире. Челнок, «гуляя» по внешнему миру, осуществляет поиск, как я его назвал подходящего элемента (можно было сказать: нужного, необходимого, приемлемого), а не выхватывает первый попавшийся. Так же и во внутреннем мире, прежде чем закрепить идеальную копию найденного им элемента, он ведёт поиск подходящего для этого места. Таким образом, челнок является не только «транспортным средством», но и поисковиком, подобным тому, который позволяет нам в сотые и даже тысячные доли секунды найти нужную информацию в океане Интернета (правильнее было бы говорить, что поисковые системы Интернета подобны той, которой располагает наша психика).

Разложим теперь поисковую работу челнока на составляющие. Эта работа состоит из перебора раздражителей, их сравнения, оценки и выбора (думаю, понятно, что все операции и каждая из них в отдельности сопряжены с межмировым курсированием). Исходной и необходимой для осуществления остальных операций является перебор.

В дальнейшем, говоря о поисковой работе челнока, чтобы избежать тяжеловесности изложения, я буду, имея в виду всю цепочку (перебор — сравнение — оценка — выбор), называть только её исходное звено — перебор. Впрочем, так я уже поступил, когда в четвёртой главе одной из подфункций ориентации дал название переборной.

Кстати, в той же четвёртой главе было положено начало графической интерпретации психики. Эту практику мы продолжили в шестой главе. Черчением нам предстоит заниматься и дальше. Накопления данной главы, приплюсовав к ним накопления следующей, мы также переведём в графику. Восьмая глава будет достаточно богатой на рисунки.

Но вы, читатель, можете заняться черчением и пораньше. Проинструктирую вас на этот счёт.

Если мирам человека мы припишем некое пространственное расположение, нам придётся считать, что челнок, перебирая

раздражители (и их идеальные копии), движется по линии, перпендикулярной направлению межмирового курсирования. Следовательно, по мере разработки переборного параметра психики (в данной и следующей главе) вы можете найденные нами её (психики) новые разновидности, вернее, их графические интерпретации, размещать на плоскости, изображённой на рис. 4 в шестой главе, перпендикулярно полосам гЗ, З, Ч, Э и гЭ. Нагрузив себя этой работой, вы будете иметь возможность сравнить свою структуру блока ориентации психики с моей.

Занимаясь психиками, обусловленными межмировым курсированием, мы оттолкнулись от изъянов в движении связывающего миры человека челнока. Как вы помните, мы обнаружили, что челноку, наряду с общественно-выверенным ритмичным движением, свойственно притормаживать, вплоть до застревания, как во внутреннем мире, так и во внешнем. Рассматривая переборное движение, мы тоже попытаемся найти определённые разновидности психики, формирующиеся на базе каких-то изъянов, но не в курсировании челнока, а в переборе им элементов как внешнего, так и внутреннего мира (вряд ли сто́ит объяснять, что какое-либо нарушение в переборе элементов внешнего мира имеет своим отражением аналогичное и, так сказать, в том же месте нарушение перебора идеальных копий этих элементов во внутреннем мире).

Какие нарушения (или изъяны) возможны в работе «переборного механизма»? Их два: челнок (а за ним стоит «имеющий его в своей голове» человек) может заикливаться на каком-то раздражителе и его отражении (в дальнейшем, краткости ради, связку «раздражитель — его отражение», когда это окажется уместным, я позволю себе урезать, выбросив из неё (но не из своих рассуждений!) отражение раздражителя), а может и, что называется, скакать по раздражителям галопом.

Пожалуй, я начну с заикливания. Некоторое заикливание или, если хотите, застревание челнока на каком-то раздражителе не является «грехом», если элемент, притягивающий к себе «психический взор», необычен, важен, нов, опасен, значим... Это совершенно естественно, разумеется, при условии, что остальные элементы внутреннего и внешнего мира не вытесняются из поля того же «психического зрения».

Если же предметом заикливания служит раздражитель, который является помехой более или менее длительного действия при

восприятии других раздражителей, психика в какой-то степени деформируется (чем-то похожие помехи кратковременного действия мы будем рассматривать, когда доберёмся до блока коррекции).

Каким же образом деформируется психика при не очень значительном (в пределах общественной нормы) заикливании? Чтобы описать эту деформацию, мы должны вызвать на сцену не менее важный закон функционирования психики, чем закон двоемрия. Впрочем, и без нашего вызова он готов вступить в действие, как только обнаруживается хотя бы небольшое заикливание.

Но прежде, чем назвать анонсированный закон, мы с вами назовём название психике, характеризующейся заикливанием на каком-то раздражителе.

Такую психику можно было бы назвать заикливающейся. Однако такое наименование, на мой взгляд, несколько режет слух. Да и буква «З» уже занята «закрытой психикой» (по той же причине не подходит и слово «застойная»). Как же быть?

Я предлагаю назвать психику, характерной чертой которой является «залипание» челнока на раздражителе, маниакальной. Несмотря на то, что этому слову в психиатрии придаётся иной смысл. Как вы, наверное, знаете, читатель, маниакальной принято считать, во-первых, позитивную и даже радостную для носителя мании (в бытующем понимании этого слова), но никак не отрицательную, навязчивость и, во-вторых, навязчивость запредельную, болезненную. У нас словом «мания» будет обозначаться любая не выходящая за границы общественной нормы навязчивость, как положительная для её носителя, так нейтральная и отрицательная.

Другими словами, любую более или менее длительную заикленность психически нормального человека мы будем называть манией (для заикленности психически больного человека мы подберём другое название, и вы, думаю, догадываетесь, какое), а психика, меткой которой является мания, будет именоваться у нас маниакальной.

Что касается носителя мании, для его наименования, и, как и раньше, во избежание путаницы, мы вновь обратимся к рыночной терминологии. Пусть субъект, имеющий маниакальную психику, будет у нас её «собственником». Впрочем, мы можем называть его и маньяком, памятуя о том, что наш маньяк является обитателем нормы, а не «ненормальной заграницы».

О терминах мы договорились. Теперь поговорим о законе, по своей, так сказать, солидности не уступающем закону двоемирия.

Психика требует для человека наличия не просто двух миров (внешнего и внутреннего), а миров дифференцированных, рельефных, контрастных, миров, состоящих из немалого количества адекватных их значимости раздражителей (а значимость возбуждающих нас раздражителей, вы это знаете, читатель, весьма и весьма различна).

При маниакальном перекосе дифференциация нарушается в угоду раздражителю, на котором заиклен «собственник» маниакальной психики. Как нарушается? Очень просто. Прочие раздражители задвигаются куда-то подальше, отходят на второй, третий, десятый и т.д. план, а порой и полностью вытесняются из поля зрения (я имею в виду поле «психического зрения») «собственника» так искажённой психики (не забывайте, что пока мы говорим о маниакальной психике, находящейся в составе нормы, а не о гиперманиакальной, которая является аномальной и о которой речь пойдёт далее). Миры обедняются. И тут, чтобы их обогатить, чтобы восстановить их объём и рельеф, в дело вступает закон, который, на мой взгляд, имеет смысл называть законом дифференциации.

Однако закон дифференциации, как и закон двоемирия, — большой формалист. Дифференциацию миров он восстанавливает лишь формально. Дифференцируемые им миры оказываются окрашенными в цвета предмета мании. С «лёгкой» руки закона дифференциации (она ведь у него действительно лёгкая, если можно так сказать, по своему характеру поверхностная) миры нашего «собственника» вновь обретают рельеф, но все элементы этого рельефа (раздражители) оказываются зависимыми от главного элемента — предмета мании.

Таков процесс, если можно так выразиться, оманьячивания психики. В своём описании, ибо иной способ вряд ли возможен, я вынужден был разложить его на последовательные шаги. В действительности же эти шаги связаны не столько хронологически, сколько логически и потому для человека, как «собственника», так и наблюдателя, они неотделимы один от другого во времени.

Понятно, что при описанном раскладе психики маниакальный субъект имеет не адекватные представления о мире (впрочем, и о себе тоже), а искажённые, иллюзорные. Иначе говоря, им вла-

деют замешанные на предмете его страсти (отвращения, боязни или чего-то ещё), а этот предмет в принципе может быть любым, иллюзии.

Мы знаем, что иллюзии выходят наружу в виде бреда. Лёгкий бред (ещё раз напомню, что мы говорим о маньяке, принадлежащем норме) «собственника» маниакальной психики реализуется прежде всего в его общении с другими людьми, в его словотворчестве и в его поведении. Думаю, не надо пояснять, что к данным формам и прочим составляющим маниакального бреда дорожка идёт от предмета заикливания.

Маниакальные иллюзии овладевают человеком, как правило, на довольно продолжительное время, а порой — и на всю жизнь. Поэтому и название для них следует подобрать в соответствии с этой их особенностью. Я предлагаю маниакальные иллюзии называть застойными (такое название, будучи неподходящим — из-за своей начальной буквы — для рассматриваемой нами разновидности психики, вполне годится для свойственных ей иллюзий).

Такое название должно устроить нас и по другой причине. Когда мы обнаружим разновидность психики, противоположную маниакальной, а мы обязательно — ведь психика поляризована! — её обнаружим, и нам придётся подбирать название для её иллюзий, нам нетрудно будет найти антоним слова «застойные».

Предполагаю, уважаемый читатель, что, будучи утомлённым общими рассуждениями о маниакальной психике, вы хотели бы получить какой-либо её пример из жизни. Пожалуйста, и этот пример, видимо, будет из вашей жизни.

Помните, мы говорили о враче, который, чтобы понять своего пациента, должен сам по возможности прочувствовать его ощущения? Человеку, не связанному с медициной, тоже, по всей видимости, неплохо иметь не только книжные, но и, так сказать, натуральные представления о той или иной болезни или же о каком-то отличном от средне-нормального состоянии (мы сейчас как раз говорим о таком).

Осмелюсь предположить, читатель, что вы испытывали, и, возможно, не один раз, а, может быть, испытываете и сейчас самую настоящую манию. Какую? Весьма распространённую — любовную. Именно как манию квалифицирует любовь психиатрия. Интересно, что химизм любви (мы знаем, что любое психическое проявление имеет под собой химическую основу) ничем не отличается

от химизма рьяного коллекционирования, истовой веры или какого-либо иного «маниакального пленения».

Ну а если вы испытали любовную манию и знаете о ней не меньше меня, я могу считать себя свободным от описания присущего ей возвышения и идеализации предмета любви, сконцентрированных на объекте любви помыслах, свойственных ей нарушениях ритма жизни, сопровождающем любовь попустительстве по части исполнения служебных обязанностей и прочих её иллюзорно-бредовых атрибутов. Согласитесь, что в своём перечислении я не погрешил истиной. Недаром говорят, что у влюблённого человека сносит голову (между прочим, мужскую чаще, чем женскую).

Как, уважаемый читатель, посмотрели на себя со стороны?

Теперь, следуя сложившейся у нас традиции, наверное, надо составить формулу маниакальной психики. Но чтобы формула была полной, я сначала вкратце опишу психику, занимающую срединное положение в плане работы «переборного механизма», т.е. отличающуюся в лучшую сторону как от закликивающейся разновидности, так и от разновидности, галопирующей по раздражителям внутреннего и внешнего мира.

Носителя срединной психики отличает адекватное общественно-выверенной значимости восприятие вещей и явлений реального мира. Поэтому реальность в его психике отражается в максимально возможном богатстве её черт, как рельефная и диалектичная целостность. Перебирая раздражители, оценку и выбор необходимого ему для какой-то деятельности носитель средне-нормальной психики обязательно производит на альтернативной основе, в сравнении. При этом каждому раздражителю он уделяет такой объём внимания, который, во-первых, пропорционален общественно-выверенной значимости раздражителя и, во-вторых, соответствует целям носителя.

Сбалансированное внимание, пожалуй, является результирующей психической характеристикой такого субъекта. Поэтому срединную разновидность «переборной психики» я предлагаю именовать внимательной психикой (тем более, что буква «В» у нас ещё не задействована).

Сравнивая внимательную и маниакальную разновидности психики, мы легко можем составить формулу последней. Она имеет следующий вид: маниакальной психике атрибутивно присущи более или менее застойные иллюзии, определённый недостаток

внимания к объектам, не входящим в круг маниакальной привязанности и в той или иной мере безальтернативный способ мышления и поведения.

Рядом с маниакальными психиками, но уже за пределами нормы, находятся гиперманиакальные.

Такие психики, по сравнению с маниакальными, характеризуются, если можно так сказать, на порядок более прочным, болезненным заикливанием на каком-то раздражителе. Этот раздражитель становится едва ли не единственным предметом внимания больной психики. За ним уходят вдаль, затемняются и порой полностью выпадают из поля «психического зрения» практически все остальные раздражители. Оставшиеся же приобретают окраску предмета гиперманиакальной привязанности.

В такой ситуации выходящий на арену своего действия закон дифференциации оказывается способным создать лишь подчинённый болезненной привязанности «собственника» гиперманиакальной психики суррогат того и другого мира, бедный и фальшивый.

Естественно, что такая «мировая почва» заставляет психику продуцировать застойные галлюцинации, а язык и тело — соответствующие вербальные и деятельные бреды. Что касается мышления гиперманьяка, за неимением альтернативных выдвинутому им предмету раздражителей, оно становится практически всецело безальтернативным.

Таково в главном описание функционирования гиперманиакальной психики. Ещё более краткой, своеобразной выжимкой из данного мною описания, является формула крайне перекошенной в плане заикливания психики.

Вот она: гиперманиакальной психике атрибутивно присущи застойные галлюцинации, практически полное отсутствие внимания к объектам, на связанным с гиперманиакальной привязанностью, и крайне безальтернативный способ мышления и действия.

Чтобы картина гиперманиакальности была полной, нам надлежит лишь поставить диагноз гиперманьяку. Это совсем просто. Поскольку гиперманиакальной психике присущи галлюцинации, её «собственник» страдает шизофренией. Возникает вопрос: как назвать данную разновидность шизофрении? Думаю, лучшего названия, чем «маниакальная», мы не найдём. Вы не против, читатель? Тогда это название мы и узаконим.

Наверное, я опять вас утомил изрядной долей общих рассуждений, и вы хотите, чтобы я привёл какой-нибудь пример реальной маниакальной шизофрении. Охотно это сделаю. Но только предварю описание имевшего место случая (пока ещё не знаю, какого) воспоминаниями о первых шагах своей преподавательской работы.

Начав читать лекции, чтобы сделать преподносимый студентам материал более доступным, привлекательным и приближённым к жизни, я стал собирать где только можно различные факты и случаи из психологической и психиатрической практики. Найденное я переносил на карточки и группировал по темам. Количество карточек всё прибавлялось, счёт шёл уже на сотни, и тут я заметил, что быстрее остальных разбухает тема «Мании».

Вы спросите, почему? Потому что человек с рассматриваемым нами перекосом психики может заикнуться буквально на всём: на боязни стеклянных предметов и безотчётной любви к ним, на страхе подняться и (или) спуститься по лестнице, на восторге при виде цифры «3» и ужасе (сопровожаемом залезанием под стол) при упоминании числа «11», на вожделии при созерцании лубочной картинки над своей кроватью и восхищении, сопровождаемом многочасовым стоянием в музее, чарующей глубиной (с его точки зрения) чёрного «шедевра» Малевича... Этот список можно растянуть на многие страницы.

Не подумайте, что названные «причуды» я взял с потолка. Все собранные мною случаи гиперманиакальности (как и других «перекосов») обнаружены в окружающей нас действительности или в литературе.

Сейчас в одной руке я держу ручку, а в другой — наугад вытянутую из моей картотеки карточку. Посмотрим, о какой гипермании она нам расскажет.

Оказывается, о патологическом собирательстве. Что ж, это интересное, с точки зрения человека, изучающего психику, «увлечение» (надо думать, оно интересно и патособирателю). Чем же оно интересно?

Во-первых, это — более или менее нейтральная гипермания. Ни особой любви, ни какого бы то ни было неприятия (за редким исключением) найденное и складированное, как правило, у собирателя не вызывает. Разве что сам процесс собирания расценивается «коллекционером» как в общем-то позитивный.

В качестве, надеюсь, небесполезной информации добавлю к этому пункту небольшое замечание: спрятанная в сознании человека «шкала», полюсами которой являются «крайне положительное» и «крайне отрицательное», градуирована, и, следовательно, любая мания или гипермания может иметь тот или иной, как положительный, так нейтральный и отрицательный, «накал».

Во-вторых, при патологическом собирательстве предметом гипермании является не столько найденное барахло (оно представляет собой, скорее, средство), сколько личность самого собирателя, который зачастую расценивает себя в качестве спасателя «нужных» вещей, выброшенных «глупыми» людьми.

Так что патологическое собирательство, наряду с грандоманией, мессианизмом, микроманией, патологическим нищенством и другими аномалиями этого ряда, может быть отнесено к болезням самовосприятия, которые, вообще-то говоря, по сути своей являются формами маниакальной шизофрении, в которых в качестве выделяемого объекта фигурирует сам больной (в скобках отмечу, что неадекватное самовосприятие, как и любой другой «перекос», может и не выходить за рамки нормы).

Наконец, в-третьих, патологическое собирательство наглядно демонстрирует масштаб гипермании, в то время как другие маниакальные шизофрении так явно свой размах на показ не выставляют.

Впрочем, смотрите сами.

Не так давно внимание санитарных служб привлекла одна пожилая жительница Гонконга. Из её квартир (у неё были две смежные квартиры) по дому разносился, мягко говоря, не совсем приятный аромат. Когда проверяющие открыли двери, оказалось, что в «жилище» можно разве что вползти по возвышающейся почти до потолка груде всякого хлама. Среди собранного за десяток с лишним лет были сломанные холодильники и отходы строительных материалов, сотни зонтиков и тысячи различных пластиковых упаковок, разлагающиеся трупы кошек и собак... Общий вес «сокровищ» китаянки составлял примерно 30 тонн.

Это, конечно, — крайний случай. Вряд ли «коллекционерка» (кстати, помещённая в психиатрическую больницу) как-то мотивировала своё собирательство. Скорее всего она занималась им бездумно, что называется, на автомате. Можно предположить, что раньше, будучи в самом начале своего пути в болезнь, ещё принадлежа норме, она была немало акцентуирована по части

бережливости. Позже стала собирать выброшенное и потерянное с какой-то установкой (например, «вдруг пригодится»), и в конце концов её в определённой мере рациональное увлечение превратилось в неосмысленное собирательство ради собирательства. Скатывание в болезнь часто начинается в норме.

Вы представили масштаб гипертимии собирательницы из Китая? Кто-то подсчитал, что, если выложить всё собранное жительницей Гонконга в один слой, то можно будет покрыть три футбольных поля.

Россия, конечно, оставила Китай далеко позади. Чтобы вывезти мусор, собранный рыбинским «коллекционером» Иваном Мельником, потребовалось 150 машин, и надо полагать, не трёхтонок.

Примеры, несомненно, — вещь привлекательная. Их можно плодить, плодить и плодить. Но нас ждёт более полезная и занимательная — исследовательская — работа. Подведя итог главы, мы вновь окунёмся в мир не таких уж и хитрых сплетений психики.

1. Взяв на прицел переборную сторону психики (её анализ будет продолжен в следующей главе), мы, как и в предыдущей паре глав, где объектом рассмотрения у нас была сторона межмирового курсирования, вновь воспользовались нашим испытанным и неплохо себя зарекомендовавшим исследовательским инструментом — виртуальным челноком, с помощью которого была смоделирована связь внешнего, реального мира с внутренним миром человека и уже были найдены три нормальные разновидности психики и две аномальные.

В данной главе наш исследовательский интерес был сосредоточен, если геометризировать психику, не на продольном — между мирами — движении челнока, а на перпендикулярном ему, переборном.

Использование виртуальной модели принесло плоды и на этот раз.

2. Предположив, что при переборе раздражителей, как и при межмировом курсировании, движение челнока может отличаться от правильного, общественно-выверенного, эффективного, мы пришли к выводу, что возможны только два нарушения в переборе раздражителей (как внешнего, так и внутреннего мира).

Одно нарушение представляет собой заикливание челнока на каком-то раздражителе (а за челноком мы видим его «состественника» — наделённого психикой субъекта), другое, как я выразился, — скачку челнока по раздражителям галопом.

В настоящей главе было рассмотрено одно из двух «зол» — заикливание (в следующей мы займёмся скачкой челнока).

3. Психика, строй которой определяет не выходящее за рамки нормы заикливание челнока, получила у нас наименование маниакальной (мы договорились, что словом «мания» у нас будет обозначаться любая не превышающая норму застойность, независимо от её окраски, т.е. положительная, нейтральная и отрицательная).

Такая психика характеризуется более или менее долговременными иллюзиями, определённым недостатком внимания к объектам и явлениям, не входящим в круг маниакальной привязанности, в той или иной мере безальтернативным способом мышления и действия.

4. Подняв «градус маниакальности», мы описали гиперманиакальную, находящуюся за пределами нормы, психику.

Характерными чертами такой психики являются застойные галлюцинации и соответствующие им бреды, практически полное отсутствие внимания к объектам, не связанным с гиперманиакальной привязанностью, крайне безальтернативный образ мысли и жизнедеятельности.

Гиперманиакальность является болезнью, которую мы определили как маниакальную шизофрению.

5. Занимаясь деформированной вследствие заикливания челнока психикой, мы выявили закон, претендующий на ликвидацию деформации.

Но претензии не всегда влекут за собой их реализацию. Закон, который был назван законом дифференциации, как и закон двоемирия, оказался способным лишь формально, поверхностно, а не по существу устранить недостатки.

Если закон дифференциации не помогает деформированной психике (не только в случае заикливания, но и галопирования челнока, о чём речь пойдёт в следующей главе), то исследователю психики он своим существованием оказывает неоценимую услугу. Вне понимания действия этого закона (и закона двоемирия) невозможно описать и объяснить психику.

6. Наряду с несколько перекошенной (маниакальной) и крайне перекошенной (гиперманиакальной) была описана и психика, при переборе раздражителей работающая без недостатков. Мы назвали эту разновидность внимательной.

Носитель такой психики видит окружающий его мир как богатую, рельефную, диалектичную целостность. Такой мир отражается и в его психике.

Перебирая раздражители, носитель внимательной психики сравнивает, оценивает и выбирает необходимое для его деятельности на альтернативной основе.

ГЛАВА VIII

ФЛУКТУИРУЮЩАЯ ПСИХИКА

Поработав на маниакальном фланге переборной оси, мы отправляемся туда, где челнок «ведёт себя» противоположным образом, т.е. не закичивается на каком-то раздражителе, а галопирует по их ряду.

Что при таком перекосе происходит с необходимой человеку дифференциацией: с рельефом миров, с неодинаковой значимостью раздражителей, с их восприятием? Вы можете узнать об этом буквально сию секунду, читатель. Покрутите туда-сюда головой (разумеется, так, чтобы не сломать себе позвоночник), а потом попытайтесь сравнить и оценить по значимости мелькавшие перед вами предметы. Конечно, в вашей комнате вам всё хорошо знакомо, и промелькнувшее вы сможете охарактеризовать и оценить по памяти. Давайте, ради чистоты эксперимента, условимся «отключить память». Что в таком случае вы скажете по поводу предметов, лишь на мизерные доли секунды появившиеся перед вами? В лучшем случае вы только назовёте их и крайне поверхностно опишете. Об определении значимости мелькающих раздражителей, о рельефе мира при таком пробеге не может быть и речи.

Если вы боитесь потерять голову (в прямом смысле, посредством кручения), мелькание раздражителей можно смоделировать иначе. Для этого вам нужно будет какой-нибудь двухчасовой фильм прокрутить на компьютере за несколько минут. Результат будет тот же, что и при мотании головой.

Как в том, так и в другом, случае внешний мир утратит рельеф, потеряет что-то значимое и, возможно, главное, словом, лишится необходимой человеку дифференциации. Таким же обобранным окажется и его идеальное отражение.

«Психическое зрение» в рассматриваемом плане (и не только) в сущности ничем не отличается от оптического — ведь глаз является, если можно так выразиться, инструментом психики, а зрение — одним из каналов психического восприятия.

«Психическое зрение», конечно, богаче оптического. С помощью «психического зрения» человек «рассматривает» не только вещи, но ещё явления и образы. К тому же «психическое зрение», так сказать, многоканально. На него «работают», помимо зрительного, и все другие каналы чувственного восприятия.

При галопировании челнока, ибо «психическое зрение» по всем статьям падает, происходит лишь поверхностный «обзор» смазанных элементов как внешнего, так и внутреннего, мира, следствием чего является выравнивание значимости элементов, нарушение (в сторону понижения) рельефа миров и их обеднение.

Галоп челнока, если мы рассматриваем краевую психику в составе нормы, оборачивается тем или иным изъёмом дифференциации и определённым обеднением миров человека, а если предметом нашего внимания является ненормальная психика, — существенным подрывом дифференциации, вплоть до её упразднения, и практически полным обеднением как внешнего мира, так и внутреннего.

В такой ситуации к «исправительным работам» приступает закон дифференциации, зарекомендовавший себя на маниакальном фланге большим формалистом. На противоположном фланге (где сейчас работаем мы) он действует точно так же, в меру своих возможностей, т.е. формально (если бы он был в силах исправить положение, не было бы ни акцентуированных, ни больных психик). Для перекошенной в галопирующую сторону психики он создаёт суррогатную дифференциацию, я бы сказал, мнимую. Однако «хозяин» перекошенной психики (будем так называть субъекта, чей челнок стремительно пробегает по раздражителям) мнимое считает действительным. Иначе говоря, у него объективно формируются превратные представления о мире, хотя субъективно (для него) они являются адекватными.

Мы знаем, чем чревато подобное мировосприятие. При незначительном перекосе (не выходящем за рамки нормы) оно порождает разнообразные иллюзии, а при запредельном перекосе (превышающем норму) — громогласящие одна на другую галлюцинации.

Понятно, что галопирование, если оно не выходит за рамки нормы, «работает» на понижение внимания и бьёт по альтернативности мышления, а если выходит — существенно понижает внимание, вплоть до его полного подавления, и практически ликвидирует альтернативность.

Обратите внимание, уважаемый читатель, что обусловленные более или менее размеренным бегом челнока иллюзии я назвал разнообразными, а обусловленные спринтом галлюцинации — громоздящимися одна на другую. Так было сказано не для красоты слога. При ускоренном, но не выбивающемся из нормы, перескоке челнока с одного раздражителя на другой иллюзии и должны разнообразиться в своём чередовании. При стремительном же пробеге челнока галлюцинации не могут не мелькать, не переплетаться, в конце концов, не склеиваться. Так в действительности и происходит.

Психиатрией подобные галлюцинации (и сопутствующие им бреды) не остаются незамеченными. Если бы мы подгоняли свои разработки под бытующие в психиатрии названия, мы ухватились бы, например, за «скачку идей» или различного рода «спутанности». Но мы идём своим путём и дадим встретившимся нам на этом пути мелькающим, как в калейдоскопе, иллюзиям и галлюцинациям свои названия.

Впрочем, давайте их так и назовём, по подвернувшемуся нам слову — калейдоскопическими. На мой взгляд, мы нашли очень подходящее слово — ведь оно является антонимом слова «застойные». Противолежачие на переборной оси галлюцинации и должны иметь антонимичные названия.

Что касается обусловленных бегом челнока иллюзий, будем их также именовать калейдоскопическими, имея при этом в виду, что они, скорее, не возникают и исчезают внезапно, как картинки в калейдоскопе, а более размеренно, хотя и быстро, сменяют одна другую.

Названия противолежачих психик тоже, по идее, должны бы представлять собой антонимы. Если бы слову «маниакальная» (в нашем понимании) мы сумели найти в русском языке подходящую противоположность. Но это, видимо, невозможно. Поэтому я предлагаю удовлетвориться терминами «флуктуирующая» (для галопирующей, но при этом не выходящей за границы нормы, психики) и «гиперфлуктуирующая» (для аномальной психики).

Определившись с терминами и, разумеется, описав в главном функционирование флуктуирующей и гиперфлуктуирующей психики, мы можем составить их формулы.

Формула флуктуирующей психики выглядит так: флуктуирующей психике атрибутивно присущи калейдоскопические иллюзии, определённый недостаток внимания к достаточно быстро сменяющимся раздражителям и в той или иной мере безальтернативный режим мышления и действия.

Для составления формулы гиперфлуктуирующей психики мы поднимем «градус флуктуированности» и получим следующее: гиперфлуктуирующей психике атрибутивно присущи внезапно сменяющие одна другую, мелькающие, как при быстром вращении калейдоскопа, галлюцинации (калейдоскопические галлюцинации), практически полный недостаток внимания и крайне безальтернативный способ мышления и действия.

Вы, конечно, заметили, уважаемый читатель, что описание флуктуирующей и гиперфлуктуирующей психики я сократил по сравнению с описаниями ранее рассмотренных психик. Я так поступил намеренно. Ведь вам уже знаком метод исследования. Вы знаете, что какой-либо сбой в работе челнока обязательно приводит к определённому нарушению психики. Вам известно, что необходимыми показателями незначительных и серьёзных ориентационных нарушений психики служат, соответственно, иллюзии и галлюцинации. Вы понимаете, что галлюцинации характеризуют такие болезни психики, какими являются шизофрении.

Какой вывод можно сделать из только что сказанного? Нам не придётся аргументировать диагноз «хозяина» гиперфлуктуирующей психики. Его болезнью, как говорят математики, по определению является шизофрения, точнее, её определённая разновидность. Нам остаётся только подобрать для неё название.

Я думаю, мы поступим так же, как и при выборе названия для болезни «собственника» гиперманиакальной психики. Напомню, что его недуг мы называли маниакальной шизофренией. Предлагаю называть шизофрению «хозяина» гиперфлуктуирующей психики флуктуирующей.

Описав психики Ф и гФ, мы полностью «закрыли» переборную сторону блока ориентации. Эта сторона представлена психиками гМ, М, В, Ф и гФ (думаю, читатель, вам понятны данные буквенные коды).

Вы, наверное, догадываетесь, что мы теперь будем с ними делать. Совершенно верно, эту «переборную компанию» мы переведём в графику. Переведём в соответствии с теми же установками (изложенными в шестой главе в пяти пунктах), которыми мы руководствовались при создании «группового портрета» межмировых психик [рис. 4]. Только полосы, являющиеся «графическими дубликатами» перечисленных мною разновидностей будут на этот раз не стоять, а лежать. Почему? Потому что, как уже было сказано,

ось межмирового курсирования и переборная ось в графике взаимно перпендикулярны.

У нас получится в общем-то положенный на бок последний рисунок, разумеется, с другими обозначениями [рис. 5].

А теперь, пожалуй, самое интересное.

Зигзагообразное движение челнока мы разложили на две составляющие: межмировую и переборную. Почему? Потому что изучение любого более или менее сложного явления всегда требует рассечения целого на части. Но когда части исследованы и описаны, вслед за анализом приходит время синтеза, время возвращения целостности рассечённому в интересах познания явлению или объекту. Без соблюдения, если можно так выразиться, аналитико-синтезаторского алгоритма никакое серьёзное, результативное исследование невозможно.

Синтезом (а надо сказать, что он пока частичный, ибо мы синтезируем не психику в целом, а лишь её ориентационный блок) мы охватим обе исследованные стороны блока ориентации — межмирового курсирования и переборную. И сделаем это очень просто — посредством совмещения их графических интерпретаций.

Но прежде мы внесём в совмещаемые картинки [рис. 4 и 5] некоторые изменения.

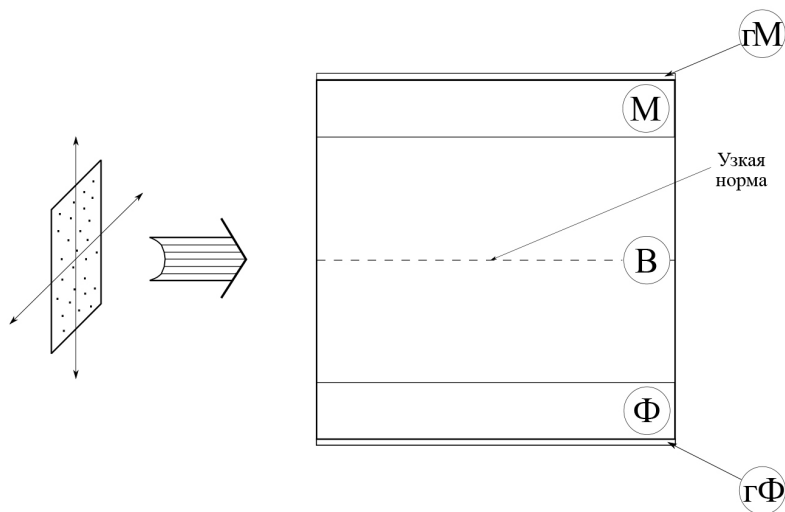

Рис. 5

Во-первых, каждую триаду нормальных разновидностей психики мы будем рассматривать как единое целое, т.е. мы соединим З, Ч и Э, а также М, В и Ф.

Во-вторых, в интересах лучшего зрительного восприятия мы пренебрежём соотношением между изображаемыми психиками и их носителями, т.е. сделаем все полосы одинаковыми.

Вот как будут выглядеть рис. 4 и 5 после такой модификации [рис. 6].

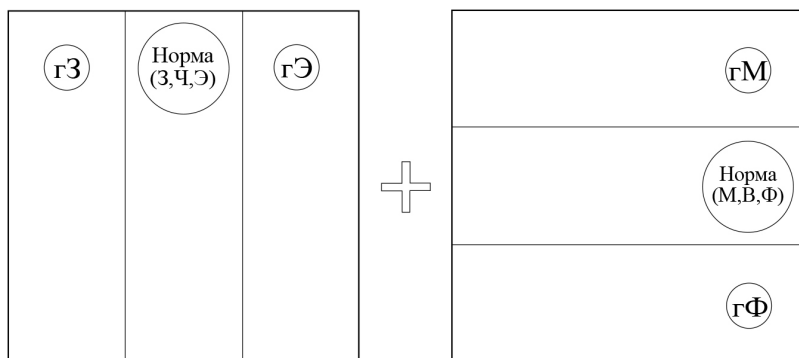

Рис. 6

Последним шагом является сборка модели блока ориентации [рис. 7].

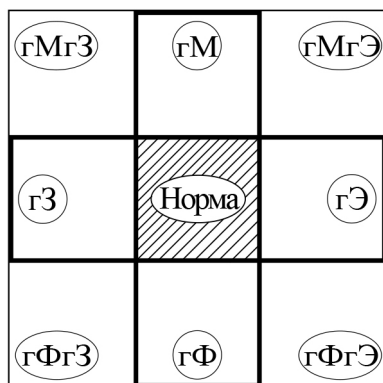

Рис. 7

Что же мы получили?

Во-первых, норму, окружённую болезнями, которыми, как мы знаем, являются шизофрении.

Во-вторых, мы получили не просто шизофрении, а различные шизофрении, четыре из которых (они были ранее описаны) являются базовыми (они составляют на рисунке крест с выемкой посередине) и четыре, представляющие собой то или иное сочетание базовых (они занимают углы рисунка). Нетрудно понять, что «угловые шизофрении» являются более сложными в диагностике и лечении заболеваний, чем базовые.

Сейчас я вкратце охарактеризую вычисленные на кончике пера болезни, выдвинув на первый план их носителей, а после, могу предположить, мне придётся ответить (а, может быть, и нет) на ваши возражения, читатель.

Моё предположение основано на опыте. Дело в том, что мне не раз приходилось отбиваться, и скажу, успешно, от «критиков», считающих мои выводы, мягко говоря, надуманными. Как мне удавалось осадить своих «оппонентов»? Очень просто. Я их посылал... Впрочем, куда я их посылал, вы узнаете, имея на руках характеристики людей, страдающих различными разновидностями «болезни ума».

Начнём, следуя по часовой стрелке, скажем, с центрального верхнего квадрата. Прошу не винить меня за то, что я буду в даваемых мною характеристиках употреблять одинаковые слова и выражения. Такая стандартизация пригодится нам в дальнейшем.

Носителями психики гМ являются страдающие маниакальной шизофренией в высшей степени консервативные натуры, для которых характерны застойные галлюцинации.

Носителями психики гМгЭ являются страдающие сборной (маниакально-растворенческой) шизофренией в высшей степени консервативные и максимально растворённые во внешнем мире натуры, для которых характерны застойные внутренние галлюцинации.

Носителями психики гЭ являются страдающие растворенческой шизофренией максимально растворённые во внешнем мире натуры, для которых характерны внутренние галлюцинации.

Носителями психики гФгЭ являются страдающие сборной (растворенческо-флуктуирующей) шизофренией максимально растворённые во внешнем мире и практически лишённые внимательности натуры, для которых характерны внутренние калейдоскопические галлюцинации.

Носителями психики гФ являются страдающие флуктуирующей шизофренией практически лишённые внимательности натуры, для которых характерны калейдоскопические галлюцинации.

Носителями психики гФгЗ являются страдающие сборной (аутическо-флуктуирующей) шизофренией исключительно глубоко погружённые во внутренний мир и практически лишённые внимательности натуры, для которых характерны внешние калейдоскопические галлюцинации.

Носителями психики гЗ являются страдающие аутической шизофренией исключительно глубоко погружённые во внутренний мир натуры, для которых характерны внешние галлюцинации.

Носителями психики гМгЗ являются страдающие сборной (маниакально-аутической) шизофренией в высшей степени консервативные и исключительно глубоко погружённые во внутренний мир натуры, для которых характерны внешние застойные галлюцинации.

У вас есть возражения, читатель? Сначала послушайте. Да, все характеристики являются плодом мысли, но никак не чем-то придуманным, выдуманным или надуманным. Вымыслом это было бы в том случае, если бы не находило подтверждения практикой. А практика подтверждает теорию безоговорочно. Все описанные шизофрении существуют в действительности. И нет ни одной, которая не входила бы в данную мною развёртку. Шизофрений всего лишь четыре разновидности (и ещё четыре их переплетения). Число шизофрений полностью соответствует структуре блока ориентации психики, более того, из этой структуры вытекает.

Вы интересуетесь, куда я посылаю своих «критиков» (я заключаю это слово в кавычки, потому что настоящий — позитивный и умный — критик, критикуя, не бросается словесами типа «откуда ты это взял?» или «сейчас принято говорить так», а имеет позицию и предлагает являющуюся лучшей критикой аргументированную альтернативу)? А посылаю я своих «оппонентов» в большую психиатрическую больницу, не для выправления психики, а для выяснения на месте, находится ли теория в согласии с практикой.

Итак, мы нашли все аномалии блока ориентации, описали их и закрепили в графике. Но с графической интерпретацией ориентационного блока можно ещё поработать.

Взгляните на последний рисунок. Взяв любой маленький «аномальный квадрат» (он ведь является обозначением реальной группировки носителей той или иной психики), мы можем в нём, как

и в большом квадрате (а за ним скрывается всё психическое общество), найти и попытаться охарактеризовать (если сыщем в языке соответствующие слова) составляющие его более мелкие подразделения.

Правда, не уверен, что такая, в общем-то ювелирная (и привлекательная для педанта), работа имеет какой-то практический смысл. На мой взгляд, лечащему врачу следует, определив разновидность шизофрении, не искать квадратики в квадратиках, а всего лишь констатировать форму (лёгкую, средней тяжести или тяжёлую), в которой протекает болезнь его пациента. Думаю, этого вполне достаточно.

Что же касается нормы, над её «графическим портретом» мы обязательно должны поработать. Ведь её изображение на последнем рисунке выглядит совершенно безликим. Это и понятно: в такую норму, какой она представлена на рисунке, мы загнали целых шесть психик — З, Ч, Э, М, В и Ф.

Сейчас мы восстановим справедливость. Придав норме присущую ей структуру и обозначив её подразделения (которых, как легко понять, девять) соответствующими буквенными кодами, мы получим следующее изображение [рис. 8].

Как вы и предполагаете, уважаемый читатель, я собираюсь охарактеризовать носителей девяти нормальных разновидностей психики (разумеется, характеристики будут далеко не полными — мы ведь ещё не исследовали маршевый и коррекционный блоки психики).

МЗ	МЧ	МЭ
ВЗ	ВЧ	ВЭ
ФЗ	ФЧ	ФЭ

Рис. 8

Как и предыдущий свод характеристик, данный я начну с носителей, графической интерпретацией местопребывания которых служит центральный верхний квадрат, а закончу обитателями середины нормы — самыми адекватными в плане ориентации субъектами. Двигаться, как и прежде, мы будем по часовой стрелке.

Носителями психики МЧ являются консервативные натуры, которым не чужды более или менее устойчивые разноплановые (как внешние, так и внутренние) иллюзии.

Носителями психики МЭ являются открытые консервативные натуры, которым не чужды более или менее устойчивые внутренние иллюзии.

Носителями психики ВЭ являются открытые натуры, которым не чужды разнообразные (как более или менее устойчивые, так и сменяющие одну другую) внутренние иллюзии.

Носителями психики ФЭ являются открытые разбрасывающиеся натуры, которым не чужды сменяющие одна другую внутренние иллюзии.

Носителями психики ФЧ являются разбрасывающиеся натуры, которым не чужды сменяющие одна другую разноплановые (как внешние, так и внутренние) иллюзии.

Носителями психики ФЗ являются замкнутые разбрасывающиеся натуры, которым не чужды сменяющие одна другую внешние иллюзии.

Носителями психики ВЗ являются замкнутые натуры, которым не чужды разнообразные (как более или менее устойчивые, так и сменяющие одна другую) внешние иллюзии.

Носителями психики МЗ являются замкнутые консервативные натуры, которым не чужды более или менее устойчивые внешние иллюзии.

И, наконец, носителями психики ВЧ являются гармоничные, в меру самодостаточные и в меру общительные, способные охватить как мировую целостность, так и её отдельные компоненты, не испытывающие иллюзий натуры.

А теперь, уважаемый читатель, вооружившись фломастерами, поработаем с этими характеристиками.

Прошу вас увеличить рис. 8 в 3–4 раза и вписать в соответствующие ячейки данные мною носителям различных психик характеристики (планируя эту работу, я сжал характеристики до минимума).

Затем обведите, пожалуйста, в этих характеристиках одним и тем же цветным фломастером какое-нибудь повторяющееся в них слово (или выражение) и его антоним. Другим фломастером пометьте следующую антонимичную пару. И т.д. Таких пар у вас наберётся четыре: «замкнутые — открытые», «консервативные — разбрасывающиеся», «внешние — внутренние», «более или менее устойчивые — сменяющие одна другую».

Кроме уже использованных четырёх цветов, вам понадобятся ещё два, чтобы одним выделить слова «разноплановые», а другим — «разнообразные».

Ну как, раскрасили таблицу? Что вы можете сказать, нет, не о таблице, а о переведённых в графику психиках членов психического сообщества, о его строении? Ответ перед вами: психическое сообщество симметрично (пока только в плане ориентации, но, забегая вперёд, скажу, что и во всех других отношениях тоже).

Подвергнув такому же — с помощью фломастера или текстовыделителя — раскрашиванию таблицу нездоровой психики [рис. 7], вы наглядно убедитесь и в симметричности зоны болезни.

Однако не в красоте симметрии состоит сила используемого мною подхода. Его сила заключается в том, что на практике мы встречаем носителей только таких психик и никаких более. Иначе говоря, перед вами, читатель, — исчерпывающий реестр психик, исследованных на предмет ориентационных возможностей человека.

Так ли это? Можете меня проверить. Хотя я наперёд знаю, что ни одному из встретившихся на вашем жизненном пути людей не потребуется составлять отличную от данных мною характеристику (отличия между характеризруемыми мною могут и даже должны быть только в формах, но ни в коем случае не в прописанном в моих характеристиках содержании).

Итак, мы начали выписывать психологические портреты. В следующих главах они будут всё более и более дополняться и совершенствоваться. Другими словами, мы вступили на путь формирования и определения психологических типов.

Так что итожить, как это у нас принято по завершении главы, мы будем пусть важные, но при этом, так сказать, текущие результаты нашей работы. Посмотрим, каковы они.

1. Занимаясь сбойми в работе челнока, мы обнаружили две психики (нормальную и аномальную), существование которых обусловлено повышенной скоростью перебора раздражителей, как внешнего мира, так и внутреннего.

Одну из этих психик (ту, которая принадлежит норме) мы назвали флуктуирующей, другую (аномальную) – гиперфлуктуирующей.

Носитель флуктуирующей психики характеризуется достаточно быстро сменяющимися одна другую иллюзиями, определённым дефицитом внимания, в той или иной мере безальтернативным режимом мышления и действия.

Для «хозяина» гиперфлуктуирующей психики характерны внезапно сменяющие одна другую, вплоть до наползания, калейдоскопические галлюцинации, практически полная утрата внимания, крайне безальтернативный способ мышления и действия.

Болезнью носителя гиперфлуктуирующей психики является флуктуирующая шизофрения.

2. В настоящей главе описанием флуктуирующей и гиперфлуктуирующей психики мы «закрыли» блок ориентации, точнее, его интеллектуальный уровень (или ярус).

Ориентационных психик, что вытекает из строения блока, оказалось десять, по пять для каждого параметра (в геометрии – измерения).

Из десяти обнаруженных и описанных психик шесть (по три для каждого параметра) являются нормальными, остальные четыре (по две для каждого параметра) – аномальными (в графике – со всех сторон окаймляющими норму).

Почему нормальные психики составляют триады? На этот вопрос отвечает математика: любое множество однородных, но при этом различающихся между собой в количественном плане, вещей и явлений может быть разбито на три категории – две полярные и одну, самую объёмную, представляющую собой «золотую середину».

Все найденные психики были наделены буквенными кодами, соответствующими их названиям.

3. Завершив наполнение ориентационного блока, мы определили все болезни ориентации, которыми являются различные шизофрении, и привели их в систему.

Базовых (или чистых) шизофрений оказалось четыре.

В свою очередь, базовые шизофрении в своём переплетении дают ещё одну четвёрку шизофрений, как я их назвал, сборных (более сложных в диагностике и лечении).

Может быть, уважаемый читатель, у вас сложилось впечатление, что мы проворонили какие-то ориентационные аномалии (шизофрении), обусловленные чем-то противоположным описанному в пятой и шестой главах притормаживанию и застреванию челнока (как во внутреннем мире, так и во внешнем).

Нет, мы ничего не пропустили. Явление притормаживания и застревания челнока в одном из миров своей оборотной стороной имеет, если можно так выразиться, неглубокое проникновение и лёгкое прикосновение к другому миру.

Так что шизофрений всего четыре (плюс четыре сборных), не больше и не меньше.

Кстати, на шизофрении мы ещё оглянемся в главе, посвящённой индивидуальной «вибрации».

4. Носителям всех чреватых болезнями (шизофрениями) психик были даны сжатые, ухватывающие лишь главное, характеристики. Все теоретически выведенные характеристики находятся в полном согласии с психиатрической практикой.

Несмотря на свою «скромность», наш список характеристик является исчерпывающим. Его невозможно расширить и противостоит — сократить.

Другое дело, что форм проявления «болезней ума», а форм реализации шизофрений являются галлюцинации и бреды, может быть великое множество. Поэтому первостепенной задачей врача, стремящегося поставить адекватный диагноз, должно быть очищение содержания болезни от её формальной оболочки.

5. Большим делом следует считать и определение нормальных (пока только ориентационных) психологических типов.

Таких типов (описанных в виде характеристик носителей нормальных ориентационных психик) объективно имеется девять (подчёркиваю, объективно, ибо при определении психологических типов все существующие и почившие школы психологии, к сожалению, практикуют и практиковали ранее всецело субъективистский подход).

Несомненно, определение психологических типов представляет собой едва ли не важнейший выход психологической теории на практику. Трудно переоценить значение этого направления теоретических исследований для дела формирования различных, прежде всего, замкнутых, коллективов, профориентации, набора персонала и т.д.

6. Венцом главы явилась доработка поначалу безликого изображения блока ориентации.

Надеюсь, что, вооружившись цветными фломастерами, вы, уважаемый читатель, наглядно убедились в проявляющей себя с настойчивостью закона симметрии психики.

Такой психика предстаёт перед нами (пока применительно только к блоку ориентации) при научном, диалектическом подходе, подходе, базирующемся в конечном счёте на специфике психического — целенаправленного — движения.

Психика, исследуемая при таком подходе, без всякого сомнения, выглядит красиво.

Однако главным достоинством научного подхода является не любование красотой и изяществом психики, а полное согласие психологической теории с практикой.

Между прочим, в любой науке, если теория «дружит» с практикой, теоретические выкладки всегда эстетичны.

ГЛАВА IX

ЭПИЛЕПСИИ И ДИСЛЕКСИИ

Наш воспринимающий и реагирующий на средовые воздействия аппарат, которым является психика, не может не соответствовать историческому месту, «выделенному» человеку и обществу вселенским процессом. Об этом месте, об обусловленной им двойственности психики «разумного животного» мы достаточно подробно говорили в первой главе.

Переплетение исторических противоположностей, биологического и логического, характеризующее психику в целом, мы можем обнаружить как в её мегаструктурных подразделениях, каковыми являются блоки, так и в менее солидных составляющих, вплоть до отдельных психических черт.

Но мы не станем мельчиться, читатель. Сосредоточив своё внимание в последних четырёх главах на одном из блоков психики, а это был блок ориентации, мы и в данной главе будем работать, если можно так выразиться, на блоковом уровне. Только теперь, точнее, в первой части главы, нас будет интересовать не верхний — интеллектуальный — ярус этого блока, а исторически ему противоположный, тот, где психическое восприятие и реагирование имеют бездумный, неконцептуальный, по сути дела, животный характер (вы, конечно, понимаете, что психика — не инженерное сооружение, и что слово «ярус» я употребляю не в том смысле, в каком его употребляют архитекторы или строители).

На нижнем — бездумном — ярусе блока ориентации мы попытаемся найти лишённые какой бы то ни было интеллектуальной завязки проявления психики. Максимально выразительными и поэтому наиболее выигрышными для исследования являются, и, надеюсь, вы в этом убедитесь, читатель, крайние, болезненные проявления. Поэтому, зацепившись за какую-либо свободную от искры разума, т.е. в известном смысле противоположную «болезни ума» (шизофрении) аномалию, мы, может быть, распутаем весь клубок в принципе животных психических ориентационных аномалий.

По секрету скажу вам: я знаю, что клубок мы не только распутаем, но и приведём животные ориентационные болезни человека в систему. А путь к системе мы начнём с рассмотрения явно бездумной болезни, название которой фигурирует в заголовке главы. Я имею в виду эпилепсию. Вы, конечно, что-то знаете об этой болезни.

Предполагаю, уважаемый читатель, у вас появились два вопроса.

Во-первых, вы, мягко говоря, сомневаетесь, что этот недуг можно отнести к болезням ориентации. Что ж, проживём — увидим.

Во-вторых, вы скажете, что вам, впрочем, и всем другим людям, как учёным, так и не очень, известна эпилепсия, а не эпилепсии, скорее всего, по ошибке «размножившиеся» в заголовке. На что я отвечу, что никакой ошибки тут нет, потому что для психики, имеющей поляризованную структуру, наличие какой-либо единственной болезни (без её антипода) является, вообще-то говоря, nonsensом, а для специалистов по психике, мягко говоря, — пробелом. С ответом на вопрос «какие (и в каком числе) имеются эпилепсии» мы также повременим.

А вот подбираться к нему мы начнём прямо сейчас. И начнём с некоторых фактов, позволяющих обнажить сущность этой — общеизвестной (пока будем называть её так) — характеризующейся припадками и потерей сознания болезни, а точнее, одной из разновидностей эпилепсии.

Оказывается, есть в общем-то безобидные для здорового человека внешние условия (состоящие лишь в незначительном давлении на него определённой среды), которые у людей, имеющей склонность к эпилепсии, вызывают её приступы.

Так, одним из видов средового воздействия, пагубного для страдающего эпилепсией человека, может быть мелькание света, например, солнечного, пробивающегося сквозь листву при поездке по обсаженной деревьями дороге на машине, поезде или велосипеде. Обычно хватает нескольких минут такого мелькания, чтобы склонность к эпилепсии вылилась в эпилептический припадок.

Я довольно часто езжу на электричке поздней осенью, когда мелькание, разумеется, в солнечный день, намного более интенсивно, чем летнее (осенью солнце стоит низко, а прорех на деревьях, ибо листья уже опали, намного больше, чем летом). Должен сказать, что дискомфорта из-за мелькания я никогда не ощущал.

Не подумайте, читатель, что о своей невосприимчивости к мельканию я говорю для того, чтобы указать на своё железное психическое здоровье. Нет, этим замечанием я преследую другую цель. Какую? На этот вопрос вы получите ответ, когда я расскажу вам о других эпилептогенных видах средового воздействия.

Из, так сказать, транспортных видов средового давления, наверное, надо ещё назвать мелькание, провоцируемое винтом вертолёта. Впрочем, и работа его двигателя тоже представляет собой мелькание, только звуковое. Во всяком случае, эпилептические припадки у пассажиров вертолётных случаев значительно чаще, чем у людей, летающих на самолётах.

Среда может давить на склонного к эпилепсии человека не только в процессе его движения, но и в статике, например, во время пребывания на берегу водоёма, если дует лёгкий ветерок, и водная рябь «бликует» под лучами солнца.

О провоцирующей припадок роли мелькания знали ещё в Древней Греции. Если юноше, смотрящему на вращающийся гончарный круг, становилось не по себе, он не проходил проверку на мужественность. Понятно, что дело тут не в какой-то магической силе круга, а в мелькающих в полутёмной мастерской гончара бликах, порождаемых стремительным движением окропленной водой поверхности.

Наше время «одарило» человека новыми формами эпилепсии, например, так называемой музыкальной, а вслед за ней — и телевизионной.

Музыкальную эпилепсию, правда, не в полном объёме, ибо её кульминация оставалась за дверями зрительного зала, мне довелось пару раз наблюдать в Филармонии. Думаю, понятно, что в концертном зале такую эпилепсию провоцирует быстрая музыка, импульсы которой (да простят меня любители музыки за такое выражение) бьют по склонному к эпилепсии человеку с непосильной для его «приёмника» частотой.

Страдающие эпилепсией люди знают, что на «эпилептогенном концерте» с ними может случиться припадок. Поэтому они стараются приобретать билеты на места около прохода, чтобы быстро можно было выбежать из зала (за некоторое время до эпилептического припадка у многих, если не у большинства, страдающих эпилепсией возникает зрительная аура, которая, как правило, служит сигналом к самоэвакуации).

Что касается телевизионной эпилепсии, о которой заговорили в середине прошлого века, её, на мой взгляд, целесообразно разделить на два рода.

Телеэпилепсия одного рода в принципе ничем не отличается от той, что вызывается мельканием солнца или солнечными зайчиками. Только в этом случае источником мелькания является неисправно работающий телевизор¹.

Другой род телевизионной эпилепсии связан не с неисправным телевизором, а с «неисправной» режиссёрской работой. Такая эпилепсия провоцируется чрезмерной для больного скоростью смены поз героев (особенно, в мультфильмах), кадров, сюжетов.

Вообще, поставляемый экраном материал нуждается в интеллектуальной обработке. Однако, наряду с ней, психика осуществляет и его (материала) бездумное, животное, так сказать, частотное восприятие. Приёмником «бездумной составляющей» служит попавший в поле нашего внимания нижний ярус психики.

Однажды, читая лекцию, ибо меня поджимало время, я на свою беду весьма существенно увеличил скорость подачи материала. Не зная, что одна из моих слушательниц, женщина тридцати с небольшим лет, между прочим, психолог, страдает эпилепсией, я, как говорится, всё накручивал и накручивал круги. И тут произошло то, что должно было произойти. С моей коллегой случился эпилептический припадок.

К счастью, всё обошлось. И уже через полчаса вместе с полностью оправившейся дотошной коллегой, которая во время лекции стремилась не пропустить ни единого слова, мы разбирались в причинах происшедшего.

Конечно, не мне судить о качестве прочитанной лекции, но, видимо, она была неплохой — ещё во время падения женщины со стула аудитория на едином выдохе поставила диагноз: эпилепсия. Лекция, между прочим, и была посвящена небезразличным для моей несчастной слушательницы эпилепсиям.

Так что мне довелось спровоцировать эпилептический припадок «неисправной» лекторской работой. С тех пор я не «мелькаю» перед аудиторией.

Как видите, уважаемый читатель, общеизвестная эпилепсия и её кульминация — припадок связаны с невозможностью вос-

¹ См.: Мыслободский М. Гончарный круг — индикатор болезни//Наука и жизнь, 1969, № 11, стр. 105–106.

принимать быстро поступающую информацию (есть и другие, в частности, внутренние факторы, на которые я укажу попозже). Это — у больного человека. А вот интересно, как у здорового?

Вы знаете, что среда может оказать весьма сильное деформирующее влияние на психику. Я тоже это знаю.

И вот как-то глубокой осенью, собравшись с духом, я с помощью солнечного мелькания решил спровоцировать у себя хотя бы что-то похожее на эпилепсию (зная свои психические константы, на большее я и не рассчитывал).

К эксперименту я начал готовиться накануне. Спать лёг попозже и, проспав пару часов и не позавтракав (приём пищи я отложил до окончания «самоистязания»), оседлал велосипед и на скорости более 20 км/час (это — очень высокая скорость для дорожного велосипеда), промчавшись приблизительно двадцать пять километров, уже изрядно уставший, прибыл в исходную точку.

Почему я так детально описываю подготовительные мероприятия? Потому что, и я об этом уже говорил, недосыпание, голод, усталость, другие виды изнурения способствуют входу в вызываемую средовым влиянием «болезнь» (надеюсь, вы помните причину, по которой в пятой главе слово «болезнь» я заключил в кавычки).

Немного отвлекусь от описания своего опыта.

Когда со слушательницей, с которой на моей лекции случился припадок, мы выясняли его причины, оказалось, что прошедшей ночью она плохо спала, спать легла поздно («пересидела с подругами»), «выбежала» из дома, не позавтракав, вместо обеда «перехватила полшоколадки» (между прочим, в определённых случаях шоколад может послужить спусковым механизмом эпилептического приступа), в общем, пришла на лекцию, как она выразилась, никакая.

Вот эти причины, вкупе с моей «пулемётной» лекцией, и обусловили эпилептический припадок. Но выяснилось, правда, чуть позже, что не только они.

Моя коллега в конце концов поделилась и секретами своей личной жизни. Она рассказала о рукоприкладстве мужа, о полученной в ходе очередной силовой акции серьёзной травме головы. После этой травмы и начались у прежде здоровой женщины эпилептические припадки.

Таким образом, уважаемый читатель, пример одного человека раскрыл нам почти все причины общеизвестной эпилепсии. Это,

во-первых, всякого рода изнурение, не только телесное, но и нервно-психологическое, во-вторых, невозможность воспринимать быстрый поток не требующей интеллектуальной обработки информации и, в-третьих, повреждения головного мозга, именуемые на психиатрическом сленге органикой.

Чтобы список внешних рычагов эпилепсии был полным, к перечисленному следует ещё добавить определённые химические воздействия, прежде всего, обусловленные употреблением так называемых эпилептогенных продуктов.

Наряду с внешними причинами, естественно, существуют и внутренние — генетические (как мы выяснили в третьей главе, «неисправная» генетика представляет собой содержательную сторону заболевания, в то время как внешние воздействия являются конкретизирующей и оформляющей болезнь стороной). К сожалению, на сегодня «ремонт» червотой эпилепсией генетики не представляется возможным.

Таковы все факторы общеизвестной эпилепсии. Все они, приходя в соприкосновение с неспособностью нервной системы проводить сигналы с общественно-выверенной, нормальной скоростью, будучи генетическими, влекут за собой эпилепсию, а являясь средовыми, «работают» на её усугубление.

Однако вернёмся к моему эксперименту. Предваряющее его «самоистязание» не ограничилось недосыпанием, голодом и велосипедной гонкой. Целый день я штурмовал буреломы вдоль извилистой местной речки, проделав таким образом ещё километров пятнадцать.

К концу дня я созрел для опыта. Вернувшись в исходную точку, я выкатил на дорогу спрятанный в ельнике велосипед, взгромоздился на него и что было сил помчался расстреливаемый, как из пулемёта, мелькавшим сквозь голые кроны деревьев солнцем.

Минут через десять у меня стало падать зрение, а ещё через пару минут я «въехал» в самую настоящую, описанную в литературе предэпилептическую ауру. Оставалось немного дожать, но как я не старался, аура, держась на постоянном уровне, никак не переливалась в приступ. Видимо, не дано (этот эксперимент я повторил через год с тем же результатом).

Что я извлёк из своих опытов?

Во-первых, мои эксперименты ещё раз подтвердили, что определённое воздействие среды может если не вызвать «болезнь», то хотя бы приблизить к ней.

Во-вторых, мне удалось испытать то, что больной эпилепсией чувствует перед наступлением приступа.

В-третьих, на себе протестировав связь мелькания и общеизвестной эпилепсии, я предположил, что мелькание, возможно, является ключом к её (эпилепсии) теоретическому осмыслению и, далее, к нахождению её места в системе (ибо никакая психическая аномалия по причине поляризации психики и «устройства» её блоков не может быть «одиночкой», но с необходимостью должна являться компонентом той или иной объективно упорядоченной структуры).

Если такой ключ существует, и мы воспользуемся им, перед нами откроются исключительно широкие перспективы. Попробуем, читатель?

Поставим вопрос так: что скрывается за мельканием и за склонным к эпилепсии субъектом? Ответ на этот вопрос, что называется, лежит на поверхности.

За мельканием стоит среда, поставляющая в сверхвысоком темпе (для больного) не подлежащую осмыслению информацию. Такая среда (по отношению к страдающему эпилепсией человеку) является, если можно так выразиться, а я считаю, что можно, гиперфлуктуирующей стороной.

Психика больного эпилепсией представляет собой противоположность такой среды. Не имея возможности воспринять и переработать заливающий её сверхбыстрый поток информации, она в связке «среда — человек» являет собой тормозную, гиперманиакальную сторону.

Налицо конфликт человека и «расстреливающего» его мира. Какая сторона выйдет победителем? Конечно, не человек. Его психика неминуемо потерпит поражение. Как, каким образом?

Под натиском несоизмеримого с ней по своей мощи противника психика полностью капитулирует — откажется работать, отключится посредством эпилептического припадка. Человек потеряет сознание и на какое-то время по сути дела утратит психику.

Разве не так происходит на самом деле? Я думаю, вы без моей подсказки ответите на этот в общем-то риторический вопрос.

Должен заметить, что приступ эпилепсии может случиться и без мелькания, оказаться обусловленным лишь химически. Чаще всего именно так и происходит. Мы знаем, что любая психическая реакция имеет под собой химическую (упрощая, её можно назвать

гормональной) основу. По какой-то причине, к примеру, вследствие употребления в пищу какого-либо продукта или комбинации продуктов «химия» сама по себе может спровоцировать эпилептический припадок (не исключено, что спустя несколько часов после еды). На функционирование «химического цеха» оказывают влияние усталость, недосыпание и прочие, так сказать, немелькающие факторы. Такое влияние имеет место постольку, поскольку организм человека представляет собой систему взаимодействующих разноуровневых подразделений.

Эпилепсия, как и всякое другое психическое явление, спектрирована. Человек может «отключиться» как полностью, так и частично. Дело может завершиться припадком и потерей сознания, а может — и лёгким головокружением и незначительным притуплением мыслительной деятельности. Было бы хорошо, если бы градации занимающего нас заболевания учитывались во врачебной практике.

Всё, что было сказано до сего момента, касается, как я её несколько раз назвал, общеизвестной эпилепсии (вскоре мы ей дадим другое имя).

Сейчас мы отправляемся на поиск тех разновидностей, о существовании которых даже не подозревает наука о психике. Возможно ли их обнаружить? Конечно. Зная, что психика поляризована и определённым образом структурирована, это не так трудно сделать.

Поиск первой «незнакомки» мы совместим с проверкой на истинность данного выше определения конфликтующих человека и среды. Напомню, они были определены в качестве, соответственно, гиперманиакальной и гиперфлуктуирующей стороны. Если мы опишем и найдём в жизни противоположную общеизвестной эпилепсии «незнакомку», с определением сторон мы не ошиблись.

Тогда же мы сможем поменять название «общеизвестная» на имя, соответствующее психическим особенностям носителя заболевания. Впрочем, это имя уже, как говорится, читается между строк. Ведь наименованиями конфликтующих сторон я в общем-то приписал рассмотренную нами эпилепсию к блоку ориентации. Выходит, я назвал её гиперманиакальной (или эпилепсией гМ).

Попытаемся «сконструировать» эпилепсию, которая в своих главных чертах была бы противоположностью эпилепсии гМ. Каковы эти черты?

Во-первых, для психики носителя такой эпилепсии непереносимым должно являться замедленное поступление неконцептуальной информации. А противостоящая психике среда должна давить на неё, наверное, лучше сказать, капать, именно таким образом, т.е. весьма и весьма разреженной информацией.

Во-вторых, отключение сознания в результате разрешения конфликта психики и среды должно происходить не во взрывной форме, как при эпилепсии гМ, а в совершенно иной — противоположной, тихой и малозаметной.

Встречается ли в действительности такое тихое, полное или частичное, отключение сознания? Несомненно. Таковым является состояние, именуемое ступорозным.

При каких обстоятельствах наступает ступор? При замедлении, вплоть до остановки, притока неконцептуальной информации.

Какая психика отказывается работать в такой ситуации? Требуемая для своего функционирования более скоростного информационного потока, нуждающаяся в более быстрой флуктуации, в более интенсивном «пожирании» раздражителей.

Думаю, трёх вопросов и ответов на них достаточно, чтобы признать эпилепсию гФ (её следует назвать именно так) реально существующей, а заодно и окончательно узаконить эпилепсию гМ и её наименование.

Эпилепсия гФ необычна и непривычна. Но, что делать, такова психика.

Как и эпилепсия гМ, её противоположность, во-первых, спектрирована (однако, по всей видимости, её тяжёлые — с полной потерей сознания — формы более редки, чем классические эпилептические припадки) и, во-вторых, также может являться следствием процессов, протекающих в «химическом цехе».

Итак, у нас уже имеются две разновидности эпилепсии, которые «прописаны» на нижнем ярусе блока ориентации. Продолжим поиск, читатель?

Мы выполнили лишь половину поисковой работы. Блок ориентации имеет ещё одно измерение и два параметра. Я говорю о межмировом курсировании и его «конечных пунктах». Как вы помните, уважаемый читатель, на верхнем — интеллектуальном — ярусе психики на концах межмировой «трассы» находятся психики гЗ и гЭ. Логично было бы предположить и существование их низкоровневых аналогов — эпилепсий. Посмотрим.

В поле нашего внимания попали две разновидности эпилепсии (гМ и гФ), одним из условий формирования которых является скорость информационного потока (другим условием служит специфическая психика человека). Эпилепсию гМ обуславливает (наряду со спецификой психики) быстрый поток информации, эпилепсию гФ — медленный.

Однако информационные потоки различаются и по другому признаку, не скоростному, а, так сказать, объёмному. Один поток может переносить, если брать крайности, колоссальный объём информации, другой — мизерный.

Рассмотрим сначала случай поступления в психику избыточной массы неконцептуальной информации.

Такая масса стучащейся в психику информации производит на неё мощное неконцептуальное давление, среда превращается в пресс, не оставляет психику в покое.

Здоровый человек может выдержать такую массивную атаку. А вот субъект, психика которого отгорожена от внешнего мира и не терпит его натиска, неминуемо вступит в конфликт со средой, стремящейся утопить его в массе поступающей информации.

К каким сторонам мы «прикрепим» такую среду и такую психику? Без всякого сомнения, к гиперэкстравертной и гиперзакрытой, соответственно.

Ясно, что в конфликте отгораживающейся от мира психики и давящей на психику среды последняя выйдет победителем.

И что же в результате? А в результате носитель не терпящей неконцептуального давления психики вынужден, спасаясь от расправы, расстаться, частично или полностью, со своим сознанием, и расстаться при этом в форме бурного аффективного припадка, иногда со смертельным исходом. Этим (бурным проявлением) эпилепсия гЗ, а мы «вычислили» именно её, походит на эпилепсию гМ.

Имеет ли место такая разновидность эпилепсии в действительности? Конечно, а не в самом крайнем проявлении — даже достаточно часто.

Если у вас, уважаемый читатель, нормальная психика и, следовательно, вы не имеете никакой склонности к эпилепсии гЗ, готов поспорить, что в своей жизни вы не раз делали шаг-другой в направлении аффективного припадка. Скажите, приходилось ли вам, испытав какое бы то ни было неконцептуальное давление (в виде нотаций, назойливости, ненужных напоминаний или чего-то по-

добного), хлопнуть дверью, наорать на персонифицированную среду, стукнуть кулаком по столу, разбить тарелку, чашку или чей-либо нос?.. Не надо отвечать.

Таким образом, у нас в активе уже три разновидности эпилепсии. Осталось вывести из тени последнюю «незнакомку». Почему последнюю? Считать так заставляет структура блока ориентации.

Сначала «спроектируем» эпилепсию гЭ (мы смело можем заранее дать ей название), а потом попытаемся отыскать её в жизни.

Носитель такой эпилепсии должен жаждать притока массы неконцептуальной информации, должен быть открытым миру, наслаждаться его фоновыми шумами, стремящимся как можно больше заполучить не требующей осмысления информации.

Среда же, напротив, должна не даваться ему, уходить от него, поставлять какой-то мизер информации, проявлять себя по минимуму.

Нетрудно понять, чем разрешится такое противоречие. Ступор парализует открытую миру психику. Она, полностью или частично, отключится, как и при эпилепсии гФ, тихо и незаметно.

Случается ли такое в жизни? Конечно. Если вы хотите поэкспериментировать, можете провести в абсолютном бездельи (и желательно в более или менее статичном состоянии) неделю-другую в сурдокамере, в звуконепроницаемой пещере или, на худой конец, в каком-либо тёмном чулане с заткнутыми ушами.

На всякий случай повторю ещё раз, что все найденные нами эпилепсии спектрированы и все они развиваются на определённой химической основе.

Вы думаете, здесь я поставлю точку? Нет. Непроработанными ещё остались дислексии (и дисграфии, которые являются их графическим выражением).

Предварю эту часть главы небольшим замечанием.

Дислексии и дисграфии представляют собой психические аномалии. Только в таком качестве и ни в каком другом они должны рассматриваться и лечиться. Отождествлять их только лишь с дефектами речи или плохим почерком совершенно неправомерно. К сожалению, поверхностный взгляд на эти внутренние (в смысле: внутриспихические) отклонения (а в тяжёлой форме — заболевания) является довольно распространённым. Речевые отклонения и специфическое письмо являют собой лишь форму, в которой реализуется внутриспихическая недоброкачественность. Мы с вами,

уважаемый читатель, чтобы выявить сущность дислексий и дисграфий, продолжим наш анализ взаимодействия психики и внешнего мира.

Речь является формой, в которой реализуется человеческое мышление. Следовательно, дислексии (дисграфии, поскольку ими опредмечиваются дислексии, я позволю себе упоминать только тогда, когда в этом возникнет необходимость), в отличие от эпилепсий, следует отнести к интеллектуальному слою (ярусу) психики.

Почему же тогда эпилепсии, дислексии и дисграфии я собрал в одной главе? По двум причинам.

Во-первых, дислексии обусловлены в принципе теми же отклонениями психики, что и эпилепсии. А поскольку эти отклонения определены, дислексиями, на мой взгляд, целесообразно заниматься, так сказать, рядом с эпилепсиями. Опираясь на уже выясненное, нам удастся понять дислексии и дисграфии легко и быстро.

Во-вторых, дислексии, как и эпилепсии, связаны с уже известной нам спецификой (для больного) информационных потоков.

От транспортировки информации, описывая дислексии, мы и оттолкнёмся.

Кстати, вы заметили, читатель, что слова «дислексия» и «дисграфия» я употребляю во множественном числе? Дислексий и дисграфий действительно несколько разновидностей, а точнее, как и разновидностей шизофрений и эпилепсий, четыре. Такое число обусловлено не любовью автора к цифре «4», а строением блока ориентации.

Применительно к эпилепсиям речь у нас шла о поступлении информации извне. Но это, как говорится, — одна сторона медали. Информация поступает как из внешней среды в психику, так и из психики в окружающую человека среду. Понятно, что речевая информация, а дислексии «паразитируют» именно на ней, транслируется не лесам, полям и рекам, а людям, обществу. А в обществе существует определённая норма передачи и приёма речевой (а за ней стоит мыслительная) информации. Дислексии мы будем искать и обязательно найдём там, где речевой поток достаточно существенно отличается от общественно-исторически сложившихся стандартов.

После такого вступления нам остаётся только, опираясь на уже сделанное при описании эпилепсий, вскрыть сущность четырёх дислексных разновидностей.

Первой рассмотренной нами разновидностью эпилепсии была эпилепсия гМ. Описывать дислексии мы будем в той же последовательности, что и эпилепсии.

В первом случае мы имеем человека, характеризующегося медленным перебором раздражителей. Из своего внутреннего мира он не может с общественно-необходимой скоростью «доставать», превращая их в слова, нужные для речевого общения элементы. А что же окружение? Оно требует принятого в обществе темпа речи. Как вы думаете, читатель, окружение будет приспосабливаться к «тормозному субъекту» или, напротив, «собственник» психики гМ пойдёт навстречу окружающим? Разумеется, приспосабливаться должен человек. Как? Очень просто.

В его речи приспособление и, одновременно, компенсация изъятия производства информации, будет выражаться во включении в речь сорных слов и выражений («это самое», «короче» и т.п.), в эканьи и, в пределе, — в остановке речи или даже в отказе от попыток её начать (это, конечно, крайний случай).

На письме компенсацией, понятно, тоже суррогатной, явится включение лишних (ненужных, нефункциональных) букв, их частей, слогов, знаков и, в пределе, — прекращение письма.

Как мы назовём такую разновидность дислексии и дисграфии? По всей видимости, исходя из специфики психики дислексика, гиперманиакальной.

В отличие от эпилепсии гМ, дислексия гМ является не взрывной, а ступорозной. Её предельной формой служит не припадок, а речевое оцепенение, мыслительный ступор.

Как видим, одна и та же аномалия психики (в данном случае, смещение в гиперманиакальном направлении) порождает совершенно различные по своей реализации, более того, противоположные формы эпилепсии и дислексии, соответственно, взрывную и ступорозную. В основе этого различия лежит направленность информационного потока, который может быть устремлён как из внешнего мира во внутренний (для эпилепсий), так и обратно (для дислексий). Забегая вперёд, скажу, что подмеченную здесь закономерность мы обнаружим и в реализации всех прочих разновидностей эпилепсии и дислексии.

Следующей мы рассмотрим дислексию, противоположную гиперманиакальной. Для её носителя характерно излишне быстрое производство и выбрасывание информации.

В своём приспособлении к воспринимающему окружению он второпях сжимает слова и их части, создавая так (точнее, у него так получается) некие словоподобные выжимки, «склеивает» слова и предложения, «расстреливает» слушателя малопонятными «словесными очередями» и, в пределе, извергает бессвязный (он-то его, по-видимому, понимает) стремительный речевой поток.

На письме субъект со скоропалительной речевой способностью пропускает буквы, слоги, слова, сокращает написание букв (особенно «и», «ш», «щ», «м», «ц»), не закончив одно предложение или слово, начинает другое и, в пределе, выдаёт совершенно нечитаемый текст.

Такую разновидность дислексии и дисграфии следует назвать гиперфлуктуирующей. В отличие от эпилепсии гФ, дислексия гФ является не ступорозной, а взрывной, заявляющей о себе своеобразным словесным (дисграфия — графическим) припадком.

Если носителя дислексии гМ, ибо ему присуща, так сказать, переизбыточная (в плане наполнения) речь, мы назовём «речевым сибаритом», то носителя дислексии гФ мы должны квалифицировать как своего рода «речевого аскета».

Третья разновидность дислексии обусловлена замкнутостью (вплоть до гиперзакрытости) психики. Носитель данной дислексии не в силах выдать информацию, по своему объёму удовлетворяющую общественную потребность. В чём реализуется его низкая информационная производительность?

В речи — в повторе фраз, слов, даже слогов (своеобразное заикание), в медленном течении словесного потока и периодическом умолкании и, в пределе, в речевом ступоре.

На письме низкопроизводительный субъект проявляет себя крупным и растянутым почерком, большими пробелами между словами и предложениями, неполным заполнением строки и, в пределе, смотрением в чистый лист бумаги.

Эту дислексию (и дисграфию) мы назовём гиперзакрытой (гЗ).

Дислексия гЗ несколько походит на дислексию гМ. Как и дислексия гМ, она имеет своим пределом речевое оцепенение, базирующееся на практически полном обезмысливании.

Что касается носителя дислексии гЗ, его, на мой взгляд, мы с полным правом можем назвать «речевым расточителем».

Четвёртая разновидность дислексии противоположна третьей и в своих проявлениях похожа на вторую (гФ). Её носитель, распо-

лагая ненормально большим объёмом информации, вынужден — в общественных интересах — сокращать её предложение. В чём это выражается?

В речи — в исключении «ненужных» слов, фраз и даже сюжетов, в игнорировании интервалов и ритмических пауз, в захлёбывании и, в пределе, в извержении практически лишённого артикуляции звукового массива.

На письме «обладатель» «высокопроизводительной информационной машины» сжимает буквы, выбрасывает «лишние» слова, предложения и сюжеты, уменьшает пробелы между словами, игнорируя поля, заполняет строку до края листа и, в пределе, выдаёт бесконечную череду прижатых один к другому тощих знаков.

Такой разновидностью является дислексия гЭ.

Носителей ранее описанных дислексий мы наделили соответствующими их речевым особенностям «бирками». Одного за другим мы их назвали «речевым сибаритом», «речевым аскетом» и «речевым расточителем». Осталось лишь дать образное наименование четвёртому участнику дислексического представления (под этим словом я подразумеваю не какое-то шоу, а краткую характеристику). Поскольку дислексия гЭ противоположна дислексии гЗ, искомая «бирка» тоже должна быть противоположностью «бирки» «расточителя». Я думаю, мы вполне удовлетворимся словосочетанием «речевой эконо́м».

Таким образом, мы окинули взглядом все четыре дислексии.

Ничто не мешает нам перевести их в графику. Но, не желая перегружать книгу рисунками, я уступаю эту работу вам, читатель. Скажу только, что нарисованное вами будет в основе своей подобием графической интерпретации системы шизофрений [рис. 7].

Да, обнаружив четвёрку дислексий (всё сказанное далее касается и эпилепсий), мы привели их в систему, в которой они составляют внутренне поляризованные и внутренне симметричные пары.

Нетрудно понять, что, как и ранее выявленные шизофрении, описанные дислексии являются базовыми. Это значит, что, накладываясь одна на другую, они образуют сборные формы. Сборных разновидностей, как и базовых, четыре, не больше и не меньше.

Это несомненно, с теоретической точки зрения. На это указывает и главный эксперт в области научных изысканий — практика. Все встречающиеся в жизни дислексические отклонения и аномалии укладываются в созданную нами систему.

На этой мажорной ноте мы завершим знакомство с блоком ориентации психики.

Да, только знакомство, поскольку при написании книги я использую лишь небольшую часть своих накоплений, а львиную долю, имея некоторые представления о состоянии, прежде всего, нравственном и интеллектуальном, так называемого научного сообщества, в качестве козырных карт держу про запас.

Мы переходим, тоже к скупому, рассмотрению следующего блока психики. Но только после того, как будут подведены итоги только что прочитанной вами главы.

Что же мы можем отметить?

1. Одно из фундаментальных свойств психики, выведенное ещё в первой главе, а я имею в виду её двойственность, мы наконец-то пустили в дело. Вычленив из психики «думающего животного» её самый нижний — чисто животный — ярус, где восприятие и реагирование происходят на абсолютно бездумной основе, мы окинули взглядом группу болезней (ими явились эпилепсии), которые только здесь и можно было обнаружить.

Наличие таких — совершенно не связанных с интеллектом — аномалий свидетельствует об исторически спектрированном наполнении психики, о присутствии в её составе самого древнего по своему происхождению, животного слоя.

Аномалии, подобные человеческим эпилепсиям, можно встретить и в животном мире. Однако «животные эпилепсии», как и прочие аномалии восприятия и реагирования в мире братьев наших меньших оперативно устраняются естественным отбором, разумеется, вместе с их носителями.

2. Оказалось, что эпилепсию может спровоцировать не только очередь или массив каких-либо «тупых» раздражителей, например, мелькание любого рода, но и раздражитель, требующий осмысления или чувственно-эстетического восприятия, к примеру, лекция или музыка.

Выходит, животная по своей сути аномалия связана с более высокими ярусами психики. Почему?

Потому что любая информация, в том числе и требующая интеллектуальной обработки, имеет определённые частотные и «объёмные» характеристики. Их отступление в ту или иную сторону от уровня, приемлемого для склонного к эпилеп-

сии человека, способно сделать эпилептогенным даже самый высокоинтеллектуальный материал.

3. Зацепившись за эпилепсию, которую я поначалу назвал общеизвестной, и показав, что она в конечном счёте обусловлена пропускной способностью нервной системы индивида, мы, потянув за эту ниточку, выявили ещё три разновидности эпилепсии.

По крайней мере, две из рассмотренных нами четырёх разновидностей этой болезни необычны, поскольку своей кульминацией имеют не выразительный и, если можно так выразиться, не зрелищный припадок, а тихий и незаметный ступор.

Что делать, такова психика. Её структура и поляризация не только исключают существование «болезней-одиночек» (впрочем, как и любых иных одиночных психических состояний, разумеется, кроме центральных), но требуют обязательного наличия структурных противоположностей.

4. Наряду с эпилепсиями, которые возникают на почве усвоения человеком поступающей извне информации, мы рассмотрели и в известном смысле противоположные (по направлению движения информации) им болезни — дислексии (и дисграфии).

Все рассмотренные в данной главе болезни психики были систематизированы.

Базовых дислексий (и дисграфий), как и эпилепсий, оказалось, что обусловлено двухпараметральной структурой блока ориентации психики, четыре.

Ещё четыре, как я их назвал, сборных заболевания имеют место при наложении одной базовой разновидности на другую, не противоположную, а, если можно так сказать, смежную. Формирование сборных болезней характерно как для эпилепсии, так и для дислексии (и дисграфии).

Лучшее представление о системах эпилепсий, как и дислексий (и дисграфий), даёт их графическая интерпретация. Если вы, уважаемый читатель, ещё не перевели сказанное в настоящей главе в графику, настоятельно советую это сделать. За образец вы можете взять рис. 7 из восьмой главы.

Эпилепсии и дислексии (и дисграфии) являются самостоятельными и независимыми друг от друга заболеваниями.

Поэтому в принципе ничто не препятствует встрече в психике какого-либо человека той или иной разновидности эпилепсии с той или иной разновидностью дислексии (и дисграфии).

5. Своим анализом дислексий и дисграфий мы показали, что они являются серьёзными болезнями психики, но никак не изъятиями, обусловленными повреждениями органов речи и письма.

Искажённая речь и «безобразное» письмо представляют собой лишь форму, в которой реализуются глубинные, психические аномалии.

Об этом не стоило бы и говорить, если бы в медицинской практике дислексии и дисграфии связывались не только и не столько с лежащими на поверхности недостатками речи и небрежностью письма, сколько с ускоренным или замедленным прохождением сигнала.

6. Чтобы лучше понять то или иное психическое явление, практически всегда целесообразно сосредоточиться на его крайних, болезненных проявлениях. Именно так мы и поступили в настоящей главе.

Как было замечено, все рассмотренные нами психические аномалии спектрированы и поэтому проявляются в той или иной, более или менее серьёзной форме.

Но поскольку все аномалии, образно говоря, вырастают из нормы, в среде психически здоровых людей относительно слабое подобие аномалий обязательно имеет место, разумеется, в приемлемом для нормального функционирования психики объёме.

Все находящиеся в пределах нормы отклонения спектрированы и усиливаются от центра (узкой нормы) к границам, отделяющим норму от болезни.

Так что, не рассматривая норму, заявку на её рассмотрение мы определённо сделали.

ГЛАВА X

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПСИХИКИ

Не забыли ли вы, уважаемый читатель, о своём авиаперелёте из Петербурга во Владивосток?

Вы интересуетесь: не собираюсь ли я снова снарядить вас в какое-то «путешествие»? Нет, о полёте я заговорил для того, чтобы вместе с вами припомнить, в какой последовательности вводятся в действие функции целенаправленного движения. Движения не только пространственного, но и психического. Ведь в сущности именно о нём шла речь в четвёртой главе, где перемещение на местности было взято в качестве образца, позволяющего легко и просто разложить на функциональные составляющие психическое движение (и его действенные продолжения), направленное к какой-то заранее намеченной цели.

Не сомневаюсь, вы помните, что первой оказывается задействованной ориентация. Сначала человек, сориентировавшись в мировых реалиях, намечает оптимальный путь достижения цели.

Затем, чтобы начать движение, на полную мощь запускается «двигатель», точнее, батарея «двигателей», самым производительным и надёжным элементом которой является интеллект. Думаю, не стоит и говорить, что «двигатель» в режиме «разогрева» (предположений, составлений планов) начинает действовать ещё до начала продвижения к цели, на стадии целеполагания, зачастую весьма длительной.

И, наконец, последней, уже в процессе движения, в дело (в дело достижения цели) вступает коррекция (планировать которую наделённый не самым низким интеллектом человек начинает ещё на стадии определения целей).

Такова выстроенная в последовательность триада функций целенаправленного психического движения. Такая — достаточно механистичная и хронологически рассредоточенная — последовательность удобна, если не единственно возможна, при исследовании психики. В функционировании реальной психики звенья нашей

цепочки составляют слаженно работающий ансамбль. Подчиняясь логике научного исследования, мы с вами, уважаемый читатель, вынуждены исследовать психику «по цепочке».

Это значит, что, в основных чертах описав блок ориентации, мы переходим к рассмотрению следующего блока психики. Предметом нашего внимания в данной и следующей главе будет маршевый блок психики, который ранее был назван также историческим и блоком интеллекта.

Первое наименование, наверное, не вызывает вопросов. Название «маршевый» прямо-таки само просится для обозначения блока, обеспечивающего движение. Два других наименования («исторический» и «блок интеллекта»), по всей видимости, требуют определённых пояснений.

Предположим, я писал бы книгу о психике наших далёких предков, о психике людей, живших несколько десятков тысячелетий назад (между прочим, таких «предков» можно и сейчас встретить в лесах Амазонии, Новой Гвинеи или, если приглядеться, даже... среди окружающих нас людей). Разве можно было бы назвать маршевый блок древней психики интеллектуальным? Видимо, нет. В то время в обеспечивающем движение блоке верховодил не интеллект, а намного более примитивный элемент маршевой батареи — обличённая в форму обычая и выработанная методом бездумных проб (и первоначально обязательно обусловленная непосредственными потребностями практики) догма. Догма, не требующая какого бы то ни было размышления и критики. Догма, требующая только слепого исполнения.

В древности интеллект пребывал в самом своём зачаточном состоянии. Возможность назвать маршевый блок интеллектуальным, и то с некоторой осторожностью, появляется только на подступах к нашему времени. На интеллект (и название «блок интеллекта») требуется смотреть через призму времени, призму истории.

Я запросто употребляю слово «интеллект». Но мы, читатель, чтобы понимать друг друга, видимо, должны прояснить, что скрывается за этим словом. Готов поручиться, что хорошо, если один из тысячи даст более или менее адекватное определение интеллекта.

Направление нашей работы заставляет меня это сделать. Попытаюсь удовлетворяющее всем предъявляемым к определению требованиям интересующее нас определение сжать до трёх-четырёх слов.

Итак, что же такое интеллект? Интеллект есть способность решать новаторские задачи. Подчёркиваю, новаторские. Если вы решаете предпочесть одну компанию другой, футбол хоккею или сыр колбасе, такие решения в «интеллектуальный зачёт» не принимаются.

Поделюсь с вами своими изысканиями по части решения новаторских задач гражданами современной России.

Многие годы я читал лекции по психологии в Аничковом дворце. Моими слушателями были старшеклассники, студенты, люди старших возрастов. И когда дело доходило до занимающей нас темы, я, обращаясь к сидящим передо мною, вопрошал: решали ли вы в течение того или иного периода какие-то новаторские задачи, а если решали, какие и сколько? И уточнял, что меня интересуют отнюдь не научные открытия, а любые совершенно не претендующие на мировое признание новшества из обыденной жизни, пусть найденные другими, но для вас ставшие настоящим интеллектуальным (в моём понимании) достижением. Я не требовал немедленно-го ответа. На размышления, как правило, выделялась целая неделя.

Таким вопросом за полтора десятка лет я озадачил несколько сотен своих слушателей — людей, записавшихся на курс психологии не по принуждению или обязанности, а добровольно, ради удовлетворения своего познавательного или какого-то иного интереса. Каковы же результаты?

Оказалось, что за декаду какого-либо новаторства не проявил никто, за месяц — никто, за год — никто, за пять лет, о, радость, — одна слушательница (правда, долго радоваться не пришлось — при обсуждении выяснилось, что «открытие» представляло собой всего лишь незначительную модификацию общеизвестного).

Такой же вопрос я ставил перед своими студентами (между прочим, пятикурсниками, пожалуй, самого продвинутого факультета находящегося в первой рейтинговой десятке вуза). Как вы думаете, читатель, с каким результатом? Точно с тем же, что и в Аничковом дворце.

Не желая вас обидеть, позволю себе спросить, что вырисовывается по части вашего новаторства за последний месяц, год и пятилетку? Ваш ответ не узнает никто. Ответьте самому себе.

Вот тут возникает действительно серьёзный вопрос, вернее, два вопроса. Во-первых, как, каким образом мы живём, и при этом, вообще-то говоря, особенно не тужим? И во-вторых, за счёт чего

(или кого?), извините, при таком масштабе недомыслия существует и развивается общество?

Начнём с первого вопроса. Оказывается, жить, и вполне успешно, можно и не своим умом, без новаторства. Черепная коробка успешного человека может быть заполнена, а в действительности в большинстве случаев это так и есть, множеством жизненных программ, взятых где-то на стороне. Другими словами, чтобы нормально существовать, совсем не обязательно являться новатором-программистом, достаточно быть обычным пользователем.

Чтобы в этом удостовериться, разложим «на косточки» бытие среднего, обычного человека, сначала — в течение дня. Ограничусь перечислением. Это — подъём по будильнику, туалетные процедуры и одевание, завтрак и отбытие на работу или учёбу, исполнение, как правило, рутинных служебных или учебных обязанностей, возвращение домой и ужин, вечернее времяпровождение (в диапазоне от чтения до возлияния) и отход ко сну. Что нового в таком течении жизни? Всё перечисленное (можете расширить мой список) было уже изобретено.

Как итог, в течение дня (а речь, вообще-то, идёт не об одном дне) наблюдаемый нами среднестатистический субъект ничего принципиально нового не совершил. Даже, если на его пути (в прямом и переносном смысле) возникло какое-нибудь препятствие, например, в виде дорожного затора. На этот случай обязательно найдутся какие-то готовые программы объезда.

Разумеется, нельзя требовать от человека каждодневного новаторства и игнорирования доброкачественных, проверенных опытом программ. Но жить на программах (читайте: не своим умом) изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, наконец, всю жизнь, вообще-то говоря, скучно. Правда, с моей точки зрения. Не думаю, что среднестатистический пользователь сильно скучает.

Вы скажете, что в жизни человека есть какие-то требующие интеллектуальных усилий выбивающиеся из наезженной колеи подвижки, например, поступление в вуз, овладение специальностью, восхождение на новую профессиональную или карьерную ступень.

На что я возражу: и это было пройдено не одним миллионом человек. Но в то же время я соглашусь и с вами, читатель. Действительно, в таких «свершениях», бывает, проскакивает искра интеллекта. Не удивляйтесь двойственности моих оценок. Вскоре мы

увидим, что среднего человека и нужно оценивать в соответствии с его — двойственной — сущностью.

Итак, принизив среднестатистического субъекта, я, насколько это возможно, его реабилитировал. Да, более или менее свежее решение уже когда-то и кем-то решённых задачек (не задач!) всё же случается. Поэтому такие решения мы можем и, наверное, должны отнести на счёт пусть скудного, но какого-никакого интеллекта.

Может быть, он скуден и редко используется потому, что в нашей размеренной и в чём-то тепличной жизни для его реализации нет большой и даже, если можно так выразиться, средней необходимости?

Возможно, сочтя, что я всё-таки сгустил краски, вы ждёте от меня пессимистического вывода из сказанного.

Что касается сгущения красок, напомним, что пока мы вели разговор о среднем, обычном человеке и в общем-то об обывательской, так сказать, срединной среде. В сфере так называемого интеллектуального труда дела в плане использования интеллекта обстоят получше, правда, далеко не так, как представляется не связанному с «научным миром» человеку. О людском наполнении этой сферы я скажу, сравнив вращающихся там людей с подлинными интеллектуалами, с гениями мирового масштаба.

А вывод я сделаю не пессимистический, а... следующий: подлинные, настоящие интеллектуалы есть, хотя их очень даже немного. За всю историю человечества самых выдающихся из них можно буквально перечесать по пальцам. В основном благодаря их усилиям (объективные пружины развития я оставляю в стороне) и прогрессирует общество (вот вам ответ на второй вопрос). Когда мы будем классифицировать психики в зависимости от свойственного их носителям интеллекта, для подлинных интеллектуалов нам придётся выделить особую психическую разновидность. Забегая вперёд, назову такую разновидность гиперлогической.

Вы считаете, уважаемый читатель, что я приуменьшил число гениев? Нисколько. Судите сами. Во-первых, вы, наверное, согласитесь, что гиперлогиками являются первооткрыватели не каких-то частных систем, а создатели систем, систематизаторы. А во-вторых, считайте: Аристотель, Коперник, Ньютон, Линней, Гегель, Дарвин, Маркс, Энгельс, Мендель, Менделеев, Циолковский, Эйнштейн, Винер... К этому списку вы от силы сможете добавить лишь несколько имён.

Вообще-то, гиперлогики — это люди, находящиеся за пределами нормы. С ними соседствует, и уже в норме, примыкающая к ним (и более многочисленная по сравнению с ними) группа скромных и не столь блестящих тружеников, так сказать, интеллектуального фронта. Это, если использовать язык информатики, — не составители революционных по своей значимости глобальных программ (систем знаний), а работающие на основе таких программ добросовестные конкретизаторы и открыватели запрограммированных гениями и до поры до времени не выявленных частных. Обладателей таких психик мы назовём просто логиками, а их психики — логическими.

Как видите, читатель, мы начали классифицировать психики по исторической или, что то же самое, интеллектуальной оси. Тождественность этих наименований объясняется очень просто. Историческое — прогрессивное — движение общества своей обязательной гранью имеет рост интеллекта. И обратно, рост интеллекта возможен только в ходе исторического общественного развития.

Конечно, полноценными логиками следовало бы назвать тех постобщественных субъектов, временем бытия которых станет (а, может быть, где-то уже и стал?) определённый в первой главе логический период вселенской истории. Так что названия двум разновидностям исторической психики мы дали, вообще-то говоря, авансом. Но, с другой стороны, для современного человеческого бытия эти названия вполне пригодны.

Другое дело, для древности, когда логика была практически незаметна. Конечно, было бы хорошо, если бы можно было подойти с одними и теми же мерками как к современным носителям исторических психик, так и к древним. Но это, к сожалению, невозможно. Во-первых, как уже было сказано, по причине того, что интеллект и логика пребывали в былые времена в зачаточном и крайне неразвитом состоянии. И во-вторых, поскольку, несомненно, различные мыслительные задатки людей практически полностью нивелировались идеологией и образом жизни первобытного коммунистического общества. Из второго пункта следует, что, чем глубже мы проникаем в историю, тем меньший смысл имеет историческая (по исторической оси) классификация психик. Такая классификация вырисовывается лишь с переходом к эксплуататорскому обществу и приобретает более или менее зримые очертания только в современном мире.

Так что, ибо иное невозможно, предлагаемый мною набор исторических разновидностей психики годен для современности, но ни в коем случае не для древности.

Должен признаться, что и рассмотренные в предыдущих главах ориентационные разновидности психики также, правда, в меньшей степени, чем исторические, являются продуктом нашего времени. Коренной причиной исторической эволюции психики служат изменения формирующей психику социальной среды.

Пока названы две исторические разновидности психики из пяти возможных — аномальная гиперлогическая (гЛ) и краевая нормальная логическая (Л).

Каковы наши дальнейшие шаги?

Первым делом мы назовём ещё три исторические разновидности. Вы знаете, что любое нормальное множество качественно однородного, но количественно различного, может быть разбито на три составные части — две краевые и одну срединную. Значит нам следует назвать две нормальные психики (срединную и противоположную логической) и одну аномальную (являющейся полярной по отношению к гиперлогической).

Затем мы переведём словесный реестр исторических разновидностей в графику, сначала, так сказать, в общеисторическую (или среднеисторическую), а вслед за ней — в приближённую к реалиям современной России.

В последнюю очередь, и пусть вас это не смущает, мы в главных чертах охарактеризуем лежащие на оси интеллекта современные психики.

Первый шаг мы сделаем легко и быстро. Наделение названиями — дело нехитрое. Соблюдая запрет на слова, начинающиеся с уже использованных ранее букв, мы можем назвать психику, противоположную логической, иррациональной, а граничащую с иррациональной аномальную — гипериррациональной. Что касается срединной разновидности, поскольку в ней соединяются, переплетаются и сливаются черты старого и нового, иррационального и логического, предлагаю назвать её синтетической.

Таким образом, мы имеем следующий — исторический — ряд психик: гипериррациональная (гИ), иррациональная (И), синтетическая (С), логическая (Л) и гиперлогическая (гЛ). Разновидности гИ и гЛ являются аномальными, остальные в своей совокупности составляют современную норму интеллекта.

Теперь, соблюдая пропорции, характерные для любого нормально рассредоточенного множества, переведем сказанное в графику.

Вот что у нас получится [рис. 9].

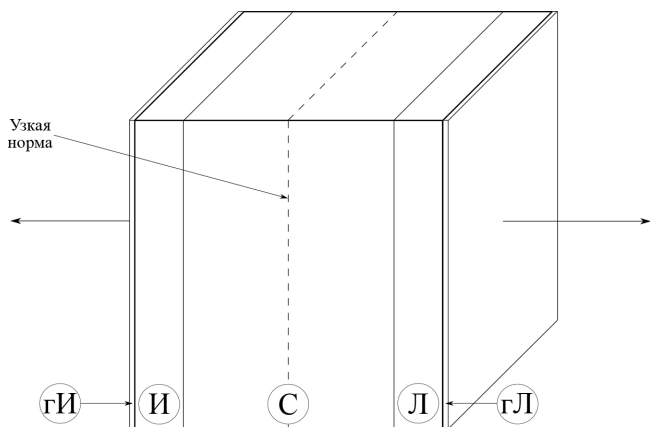

Рис. 9

Однако рис. 9 представляет собой лишь общеисторическую, т.е. усреднённую, не учитывающую исторических колебаний картину соотношения обозначенных на ней психик.

История не течёт гладко. Её неотъемлемым свойством являются революции и сменяющие их периоды реакции, подъёмы общественной активности и спады, интеллектуальные взлёты и падения. Одно из таких падений переживает и современная Россия. Подобное, но не столь затяжное падение интеллекта наблюдалось у нас разве что после поражения революции 1905 года. Что касается подъёмов, последний из них выпал на 60-е — начало 70-х годов прошлого века. По сравнению с теми годами способность решать задачи у среднестатистического жителя России уменьшилось в несколько раз.

Между прочим, это неплохо демонстрируют семинарские занятия со студентами. Если поставленный вопрос начинается со слова «что», преподаватель видит глаза своих студентов. Но стóит только произнести слово «почему», обладатели клипового сознания, как по команде, опускают головы.

Но не будем о грустном. Нашей задачей сейчас является приведение соотношения исторических разновидностей психики в соответствие с нынешней реальностью. Как это сделать?

Представьте, уважаемый читатель, какое-нибудь движущееся транспортное средство, например, автобус, разделённое на отсеки поперечными (перпендикулярными к направлению движения) и притом относительно легко сдвигаемыми перегородками. Что произойдёт, если автобус резко затормозит? Понятно, что перегородки сдвинутся по направлению движения, а отсеки изменятся в объёме. Передний отсек сожмётся, а задний, напротив, расширится.

Очень похожая трансформация происходит с психическим обществом не в самые светлые (в плане ясности мышления) времена. В претерпевающей «интеллектуальное торможение» системе складывается новая пропорция психик. Количество логиков и гиперлогов сокращается, а число иррационалистов и гипериррационалистов, видимо, в той же степени растёт. Но изменяется не только пропорция. Меняется и «интеллектуальный климат» системы. По части интеллекта сдают практически все.

Люди при этом, поскольку их мыслительные потенции уменьшаются, подобно лягушке, помещённой в нагреваемую воду, не замечают происходящих с ними перемен, а если вещи называть своими именами, находятся в полном неведении по поводу собственного поглощения.

Что мы должны сделать с нашим «общеисторическим рисунком»? Осовременить его, и нам известно, какие коррективы следует внести [рис. 10].

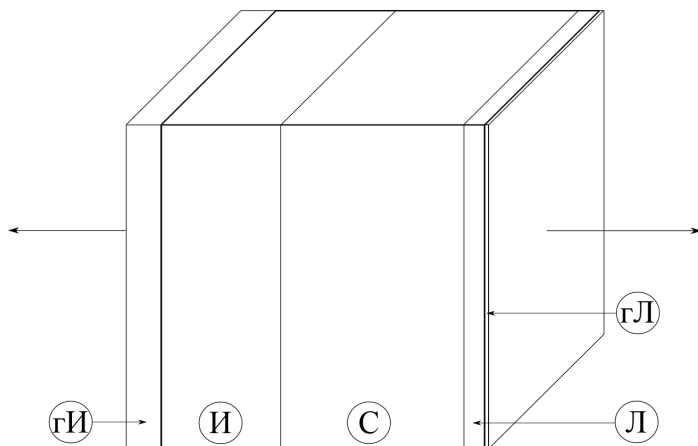

Рис. 10

Примерно таково современное соотношение (при практически тотальном снижении интеллекта) гипериrrациональных, иррациональных, синтетических, логических и гиперлогических психик. Теперь мы можем перейти к их характеристике (возможно, после определённой подготовительной работы).

Предвижу ваше предложение, читатель. Вы считаете, что неплохо было бы определиться с так называемым интеллектуальным коэффициентом носителей интересующих нас психик? Если вы предлагаете воспользоваться тестами, не думаю, что это необходимо. Скажу вам, что к тестам на IQ я отношусь, мягко выражаясь, довольно прохладно. Почему? Назову, по крайней мере, четыре причины.

Во-первых, проверять на «интеллектуальную пригодность», на мой взгляд, должны, если можно так выразиться, высокие интеллектуалы. К сожалению, даже беглое знакомство с большинством тестов заставляет предполагать, что их составляли «специалисты», способные лишь водить пером по бумаге. Например, нередко случаи, когда какое-то задание имеет два или более решений. Какой коэффициент вы заработаете, если выберете ответ, о существовании которого даже не подозревает составитель?

Во-вторых, поскольку одним из важнейших показателей интеллекта является быстроедействие, хороший тест должен быть хронометрирован. Попробуйте, уважаемый читатель, найти таковой — на время — тест.

В-третьих, прохождение теста ни в коем случае не должно представлять собой проверку памяти. Память и интеллект в немалом количестве случаев являются, можно даже сказать, антагонистами.

Взаимозависимость памяти и интеллекта настолько важна, что здесь я на какое-то время прерву перечисление причин своей нелюбви к тестам, чтобы привести один, но при этом весьма показательный, пример подчинения и вытеснения интеллекта памятью (в моём архиве имеются десятки описаний подобных случаев).

В 2000 году в США была обнаружена женщина, которая, как оказалось, в мельчайших подробностях помнит каждый день своей жизни за истекшую четверть века. Эта удивительная женщина, когда ей называли какую-либо произвольную дату, тут же рассказывала, что она делала в этот день, каким днём недели он был и что значимое для неё в тот день имело место.

Но я хочу привлечь ваше внимание к другой психической характеристике всепомнящей калифорнийки. Быстро выяснилось, что наряду с феноменальной памятью ей свойственны существеннейшие изъяны по части интеллектуальной обработки информации — её структурирования и систематизации¹.

Я лично знаком если не с подобными феноменами, то уж точно с людьми, память которых чуть ли не на равных может конкурировать с «памятью» многотомной энциклопедии. И вот что интересно: все эти персоны сдавали экзамены по требующей максимального отвлечения от частностей философии, благодаря зубрёжке. А неспособность выделять (и видеть в учебнике) главное, отвлекаясь от малозначимой конкретики, есть показатель не очень высокого интеллекта.

Однако переполненная память при явно сниженной способности к структурированию, систематизации и выделению главного не только позволяет в общем-то безбедно существовать, но и слыть высокоинтеллектуальным человеком. Выходит, память, содержащая несметное число фактов и житейских программ, оказывается способной заместить интеллект, но, видимо, только при размеренном течении жизни.

Как ни печально, но приходится констатировать, что значительная часть психологов за интеллект принимает не способность и умение быстро и безошибочно решать новаторские задачи, а владение тестируемым годными на все случаи жизни грудами информации.

В заключение сюжета о взаимоотношениях памяти и интеллекта должен сказать, что высокоинтеллектуальный человек может также обладать весьма объёмной памятью. Только наличие такой памяти не является для него большой необходимостью. Человек со средней или даже «дырявой» памятью, но с развитым интеллектом, в отличие от живой запоминающей машины, знает, где и как можно оперативно добыть нужную ему информацию и, главное, умеет это делать. Не очень хорошую память вполне компенсирует выносная — источники, Интернет, литература.

Вернёмся к «аллергии» автора на тесты.

В-четвёртых, тесты и тестирование хороши, а лучше сказать, пригодны, лишь тогда, когда требуется в сжатые сроки «снять информацию» с большого количества людей. Куда более продуктивной

¹ См.: Учёные обнаружили человека, который никогда и ничего не забывает — www.osvita.org.ua/news/19379_ru.html

является такая оценочная работа, которая проходит в личном, человеческом общении. У нас же, в эпоху тотального преклонения перед тестами и тестированием, рьяные психологи и околопсихологи готовы, да ещё с помощью низкокачественных притупляющих интеллект тестов, растестировать даже отдельного человека.

Так что, уважаемый читатель, если вам придётся анализировать чью-либо психику, беседуйте с человеком, задавайте вопросы, корректируйте ход беседы, смотрите не в лист с крестиками и галочками, а в глаза собеседнику. Результат такого общения не идёт ни в какое сравнение с зачастую лишь похожим на правду итогом тестирования.

Что касается интересующих нас исторических разновидностей психики, для их характеристики мы найдём более подходящий, чем тесты, ключик. В качестве разминки предлагаю вам оценку космонавтом Г. М. Гречко своего коллеги К. П. Феоктистова и Главного конструктора космических кораблей С. П. Королёва.

В одном из интервью Гречко сказал: «Феоктистов — умнейший человек. Меня всегда поражала его способность решать задачи. Он самостоятельно решал любую проблему. Безусловно, Феоктистов — самый умный из нас, а Королёв — самый мудрый».

Когда интервьюер (В. Губарев) спросил, в чём разница, Гречко ответил: «Умный знает, как выйти из трудного положения, а мудрый знает, как в него не попасть»¹.

В отличие от Гречко, нам надлежит охарактеризовать не только умных и мудрых, но также, если пользоваться житейской терминологией, средних, глупых и очень глупых.

Вы, конечно, слышали и, может быть, согласны с утверждением, гласящим, что люди учатся на ошибках (как я понимаю, имеются в виду свои ошибки). Я думаю, не все люди, а только синтетики извлекают уроки из собственных ошибок. Иррационалисты наступают на одни и те же грабли многократно, а противостоящие им логики учатся на ошибках, совершаемых другими людьми.

Ошибки — вот тот оселок, который позволяет судить об отличии одной исторической разновидности психики от другой. Но не только судить, но и выявить другие характерные черты интересующих нас психик.

¹ См.: Губарев В. Космонавт Георгий Гречко: Мои «летающие тарелки» // Наука и жизнь, 2006, № 7, стр. 13.

Начнём с логической психики.

Конечно, и логик на сто процентов не свободен от ошибок. Однако его ошибки, во-первых, незначительны и, во-вторых, редки (по моим прикидкам носитель логической психики ошибается по мелочи не более 3–6 раз в течение года).

Но нас более должен интересовать не характер ошибок и не их количество, а основная причина, по которой вред от ошибочных (т.е. нерациональных) действий у носителя логической психики сведён к минимуму.

Какова же эта причина? Наверное, уважаемый читатель, я напрасно ставлю этот вопрос. Ведь основополагающую причину лишённого крупных разочарований бытия логика я высветил в предыдущем абзаце.

Да, основой мыслительной и поведенческой деятельности носителя логической психики является рационализм. А это значит, что логик, насколько это возможно, самостоятелен в мышлении, т.е., попросту говоря, живёт своим умом, а если и пользуется какими-то сторонними рецептами действий, подвергает их цензуре или, иначе говоря, критике. Логик стремится ничто не принимать на веру и использовать в основном подкреплённую доказательствами информацию. Ему чужда вера в божественное, сверхъестественное, мистическое и всё прочее, замешанное на каком бы то ни было внушении. Внушаемость логика минимальна. Свои убеждения носитель логической психики строит не на зыбкой почве веры, а на прочном фундаменте знаний.

Рационализм (из которого вытекает всё перечисленное в предыдущем абзаце), являясь результирующей качественной характеристикой логика, базируется на компонентах, поддающихся количественной оценке. Какое же количество переходит в качество логика (простите, читатель, за примитивную трактовку, надеюсь, известного вам закона диалектики)? Это — прежде всего, глубокие и многогранные знания, стимулируемые в своём постоянном пополнении и совершенствовании высоким познавательным интересом.

Любой массив знаний можно назвать оперативным полем психики. Понятно, что вряд ли представимое средним человеком оперативное поле носителя логической психики требует и соответствующего ему — максимально ускоренного (разумеется, в пределах нормы) — протекания мыслительных процессов.

Глубина и многогранность знаний, высокий познавательный интерес и стремление докопаться до истины (здесь мы возвращаемся к качественным характеристикам логика) с необходимостью делают носителя логической психики материалистом, а способ его мыслительной деятельности — диалектическим.

Благодаря набору своих черт, логик может успешно работать не в одной-единственной, а в нескольких, и при этом весьма удалённых одна от другой, сферах мыслительной и даже практической деятельности.

Возможно, оценивая написанный мною портрет логика, вы скажете: автор взял через край. Не совсем так. Полоса, выделенная для логических психик (рис. 9 и 10), имеет некоторую ширину. Моего логика надо искать на правом фланге, правда, может быть, не в наше время. А вообще, логический диапазон мышления простирается от эмпирического, спекулятивного до глубоко диалектического.

Логическая психика, как и все другие разновидности, оформляется посредством влияния среды на природные задатки человека. Думаю, вы без труда разберётесь, что в моём перечислении черт логика в большей, а что в меньшей степени создано — на основе генетики — социальной средой.

В главах, посвящённых ориентационным разновидностям психики, я собирал главное, что характеризует некоторые из них, в формулу. Наверное, традицию краткого формулирования надо продолжить. Вы не против, читатель? Тогда формула логической психики будет иметь следующий вид.

Логической психике атрибутивно присущи высокая самостоятельность и диалектичность мышления, в основе своей материалистическая оценка действительности, критичность и самокритичность, низкая внушаемость, повышенный познавательный интерес, многогранные и глубокие знания, широкий кругозор и универсализм, быстрое действие.

Чтобы свести в формулу характеристики гиперлогической психики, мы, уже имея подобный опыт, поднимем «градус логичности».

Предложу вам такую формулу гиперлогической психики.

Гиперлогической психике атрибутивно присущи высочайшая (полная) самостоятельность и практически предельная для человека диалектичность мышления, сугубо материалистическая оценка действительности, тотальная и глубокая критичность и самокритичность, абсолютная невнушаемость, неумный познавательный

интерес, энциклопедические глубочайшие знания и филигранное умение ими распоряжаться, широчайший кругозор и универсализм, позволяющий работать практически во всех сферах мыслительной деятельности, аномально высокое быстроедействие.

Я воздержался от более пространный описания гиперлогической психики — думаю, вы сможете составить его самостоятельно, взяв за образец подобное описание логической разновидности.

Но мы всё же поговорим о гиперлогической психике и своё внимание при этом сосредоточим на особенностях, вытекающей из её «прописки» в системе исторических психик. Вы заметили, что в формуле гиперлогической психики я использовал слово «аномально»? Это — не описка. Гиперлогическая психика действительно представляет собой психическую аномалию, характеризующуюся пусть весьма своеобразной, но тем не менее болезнью. Болезнью, которую не видит ни психология, ни психиатрия. Зато её видит сам гиперлогик, и не только видит, но и на себе ощущает все связанные с нею невзгоды.

Эту болезнь я называю болезнью временного переноса. В самом деле, ведь гиперлогик по отношению к своим современникам является человеком из будущего. Обыватель не думает о будущем и об историческом изменении человека. Для него носитель гиперлогической психики является безразлично откуда залетевшей белой вороной. Вы знаете, читатель, что делают с такими «птицами».

Разумеется, общество не тождественно вороньей стае. Клевать, в лице своих институтов, оно гиперлогов не станет. Но и лечить их не сможет. И не столько по причине полного неведения по поводу существования такой «немыслимой» болезни. Даже если бы эта болезнь была известна, что общество могло бы предложить в качестве лечения? Может быть, опускание белых ворон до уровня серых? Или изоляцию гиперлогов? Найдите другую, более этичную тактику лечения...

Гиперлогики, особенно, в кризисные времена, вынуждены заниматься «самолечением». У них — три варианта.

Во-первых, «излишне умным» (и поэтому непонимаемым, невостребованным и зачастую третируемым) можно опуститься или хотя бы опускаться эпизодически в область нормы. Всплеск такого «самолечения», благо «лекарства» всегда под рукой (алкоголь, наркотики, отупляющее телевидение...), пришёлся в России на пик интеллектуального кризиса, на 1990-е годы.

Во-вторых, то же время «ознаменовалось» и уходом белых ворон в противоположную сторону. В качестве «лекарств» отчаявшиеся на этот вариант использовали верёвку, мыло и другие подручные средства. Не буду называть имён незаурядных интеллектуалов, решившихся на такой шаг.

В-третьих, гиперлогики могут, так сказать, оукуклиться, работать в стол, а если повезёт — создать изолированную от общества микросреду себе подобных. Правда, для этого, чтобы не впасть в уныние, надо иметь во всех других своих проявлениях близкую к узконормальной психику.

Кстати, такая психика в значительной мере и обуславливает то, что называют гениальностью. Раз уж мы задели узкую психическую норму (узконормальную психику), раскрою вам, читатель, один из секретов этого высшего состояния интеллекта.

Представьте, что вы идёте по дороге, но идёте не ровным и быстрым шагом, а постоянно спотыкаясь, подворачивая ногу, сползая в кювет и выбираясь оттуда, делая остановки, чтобы поправить амуницию, озираясь на пересечении с другими дорогами, сбиваясь с маршрута и вновь возвращаясь на него... Спрашивается, задержит ли такой характер движения ваше прибытие в пункт назначения? Разумеется, задержит, если не сделает вообще невозможным.

В принципе такими же помехами, своеобразными ухабами, колдобинами и тупиками, являются все отклонения психики при целенаправленном психическом движении. Чем менее значительны внутриспсихические помехи (ориентационные и коррекционные изъяны психики), тем более достижима намеченная цель. Если помех нет вообще, путь к намеченной цели будет гладким, а время достижения цели — сравнительно коротким.

Вы понимаете, читатель, что одним из обязательных условий гениальности является практически абсолютно здоровая, сбалансированная во всех отношениях психика (другими условиями служат забытые в генетику быстроедействие и широкие оперативные возможности, а также многочисленные факторы средового влияния)?

Вы спросите: какое практическое значение имеет мой секрет для обычного человека? Немаловажное.

Как-то на одном семинарском занятии, уже не помню в какой связи, я спросил у студентов: кто бы не отказался немного поумнеть? Все молодые люди, как по команде, сразу же взметнули вверх руки. Девушки помедлили, и лишь три из примерно десяти высказа-

ли в общем-то мужское желание продвинуться по части интеллекта (правда, позже выяснилось, что все студентки хотели, чтобы их будущие дети были «поумнее»).

Раз я заварил кашу, мне пришлось её и расхлёбывать. Одна из моих рекомендаций касалась только что поднятой нами темы: чтобы хотя бы немного продвинуться в интеллектуальном направлении, надо корректировать, разумеется, в плане приближения к узкой норме, все имеющиеся отклонения. Возможно ли это? Несомненно. Любая функция (между прочим, не только психическая, но зачастую и соматическая) может быть, так сказать, подвинута в ту или иную сторону. Как? Впрочем, это уже другой вопрос. Его освещение не входит в мои планы.

Вернёмся к характеристикам исторических психик.

Противоположностями логиков и гиперлогов являются, соответственно, иррационалисты и гипериррационалисты. Поговорим немного о них.

Для арьергарда нормы мы, без всякого сомнения, очень удачно подобрали название. Ведь основой идеальных построений и поведения членов этой группы является иррационализм. Что это значит?

Это значит, что иррационалист в своих помыслах и поступках в подавляющем большинстве случаев руководствуется не собственными, а взятыми на стороне и возведёнными им в ранг догм установками и стереотипами. Иначе говоря, носитель иррациональной психики живёт, и, надо сказать, в ординарных условиях вполне благополучно, практически всецело чужим умом, не используя свой скудный рассудок даже по минимуму. Иррационалисту совершенно не нужны и чужды критика и самокритика. Носитель иррациональной психики обязательно религиозен. К числу иррационалистов принадлежит большинство истово верующих и без всяких поблажек соблюдающих религиозные обряды. Его конфессиональной принадлежности нисколько не мешают различные суеверия и мистические обряды, которые, как известно, мягко говоря, не приветствуются церковью. Иррационалисты, будучи легко внушаемы, представляют собой самый ценный гипнотизёрами людской материал.

Знания носителя иррациональной психики ограничены его узким мирком и не выходят за пределы удовлетворения его основных жизненных потребностей. Познавательный интерес (если о таковом

можно серьёзно говорить) у иррационалиста ориентирован на слухи, домыслы, молву (помню, как в 1950-е годы некоторые, и не только пожилые, люди стремились собрать тысячу однокопеечных монет, чтобы им... дали швейную машину).

Что касается заскорузлой стереотипной мыслительной работы носителя иррациональной психики, она еле-еле скрипит на идеалистической и механистической основе. Впрочем, за такую работу, не разобравшись, легко принять иногда весьма ёмкую память.

Как и логическая, иррациональная психика имеет свой диапазон, простирающийся от полуживотного чувственного восприятия и реагирования до попыток соединения религии и науки и якобы научного обоснования употребления внутрь урины. Я описал среднего иррационалиста.

Такова в самом сжатом описании, данная через её носителя, иррациональная разновидность психики. Ещё больше его (описание) можно сжать в следующей формуле.

Иррациональной психике атрибутивно присущи несамостоятельность, механистичность и идеалистическая завязка суждений и различных построений, отсутствие критики и самокритики, как правило, истовая религиозность, подчинённость суевериям, низжайший, ограниченный узким кругом основных жизненных потребностей познавательный интерес, скудные и непополняемые знания и умения.

Не думаю, что надо описывать и составлять формулу гипериррациональной психики. Представление о ней нетрудно получить, ознакомившись с литературой, посвящённой расстройствам и болезням, характерной чертой которых является существенное снижение и утрата интеллекта. Ассортимент слепой в отношении болезни временного переноса психиатрии по части практически отсутствия интеллекта весьма широк, от идиотии, олигофрении и дебильности до конституциональной глупости и расстройства юмора.

Срединное положение в исторической норме занимает синтетическая психика. Её носители соединяют в себе психические черты логиков и иррационалистов. Поэтому нам будет нетрудно сконструировать безоговорочно подтверждаемый жизнью усреднённый психический образ синтетика.

Подчёркиваю, усреднённый. Вообще же синтетическая психика, как и все другие разновидности, существует в границах опре-

делённого диапазона, от чувственного восторга по поводу музыки или танца (и такого же — чувственного — неприятия каких-то реалий или образов) до раздумий о научной фантастике или различных утопиях.

Чем же характеризуется рядовой носитель синтетической психики?

Что касается мыслительной деятельности синтетика, она дуалистична, т.к. сочетает в себе как собственный «продукт», так и позаимствованные суждения и установки. По части критики и самокритики синтетик, как правило, непоследователен. В плане религиозности носитель синтетической психики амбивалентен. В глубине души «чувствуя» наличие божественного начала, он верит не истово, а, скорее, на всякий случай, и особо не утруждает себя соблюдением норм и правил церковной жизни. Внушаемость синтетика достаточна для того, чтобы на веру принимать эмоционально и(или) многократно преподнесённое ему бездоказательное и неаргументированное. Свои убеждения синтетик строит не столько на вере, знании или их смешении, сколько на «подсказках» души и сердца, а также позывах так называемого подсознания (эти три субстанции, на поверку являющиеся далеко не самыми высокими «этажами» сознания, вообще-то говоря, играют едва ли не ведущую роль в бытии описываемого мною субъекта).

Знания носителя синтетической психики, как правило, фрагментарны и неглубоки. Более или менее культурный синтетик, вообще не желая знать науку и познавательную литературу, тяготеет, как в пассивном, так и в активном качестве, к каким-то видам художественного творчества и художественной литературе. Его подсознательный интерес ориентирован в этом направлении.

Материализм синтетика ограничен его бытом и непосредственными нуждами. Что касается диалектичности, она в лучшем случае имеет бытовой, ограниченный характер, а в худшем — «съедается» механизмом помыслов и умственных построений.

Синтетик не может прыгнуть выше своего роста, т.е. превратиться, хотя бы на короткое время, в логика. Точно так же иррационалист не может стать обладателем синтетической психики. А вот экскурс в обратном направлении, как, впрочем, и вкрапление более «старой» психики в «новую», вовсе не является невозможным и чем-то исключительным. Почему? Потому что все мы храним в своей психике наследие прежних времён. Покажу это на примере.

Мой коллега, физик (его я буду называть Дмитрием Александровичем) однажды был вынужден, заменяя заболевшего преподавателя, принимать экзамен по одной из физических дисциплин.

Чтобы снять напряжение, Дмитрий Александрович пригласил студентов, а это были пятикурсники, будущие физики-ядерщики, в аудиторию, поговорил с ними на разные отвлечённые темы и в завершение предэкзаменационной релаксации как бы невзначай поинтересовался, держит ли кто-либо из присутствующих около своего компьютера кактус.

К удивлению моего коллеги кактус оказался компьютерной принадлежностью почти у половины группы. Дмитрий Александрович никак не выказал своего удивления и попросил «любителей кактусов» выйти из аудитории (как правило, экзамен, если группа немаленькая, принимается в две-три очереди).

Экзамен начался, и вскоре из аудитории стали выходить сдавшие его студенты. Мой коллега был щедр на оценки — никто не вынес в своей зачётке тройку.

Когда ожидавшие в коридоре, предвкушая такую же благодать, расселись в аудитории, грянул гром. Дмитрий Александрович предупредил присутствующих, что они не столько сдают экзамен, сколько исправляют свою крайне неудовлетворительную оценку. «Какую? За что?», — застонали студенты...

А как вы думаете, читатель?

Некоторое время назад была изобретена нейтронная бомба, взрыв которой, иницируя убийственное для человека излучение практически не разрушал сооружения и технику.

Естественно, службы гражданской обороны сразу же стали искать средства защиты населения. Советские учёные в качестве достаточно эффективного, дешёвого и доступного средства предложили использовать древесину. Американцы пришли к такому же выводу. Но вот беда — в США лесов, как говорится, кот наплакал. Можно ли найти в Америке эквивалент наших полениц, изб, поваленных деревьев и лесных массивов? Оказалось, правда, не в таком количестве, как у нас, можно. В качестве защитных экранов населению были рекомендованы растущие в средней полосе и на юге США массивные кактусы, нижняя часть которых с возрастом имеет свойство одревесневать.

Нейтронное оружие не получило развития, а вот впечатавшаяся в голову обывателя (по нашей классификации — синтетика и ир-

рационалиста) связка «излучение — кактус» живёт и процветает. Миллионы бездумных потребителей бессмысленных трафаретов держат около своих компьютеров якобы отводящий излучение от экрана кактус.

Для тех, кто не очень хорошо знаком с устройством нашего мира, разъясню. Чтобы отвести излучение, необходима притягивающая его к себе масса, несколько бóльшая, чем у кактуса, например, чёрная дыра. А для того, чтобы поглотить излучение без его отвода, требуется заслонить дисплей. Правда, и в первом, фантастическом, случае, и во втором, вполне осуществимом, из поля зрения исчезнет и изображение. Так что, уважаемые читатели, держите кактусы на окне. Они требуют много солнца и не выносят издевательств.

Вы интересуетесь, чем закончился экзамен? Тремя тройками и шестью «неудами». Да, и ещё: выздоровевший преподаватель перестал здороваться с Дмитрием Александровичем. Видимо, невпisanную в зачётку оценку «позор» он принял и на свой счёт.

У нас свой счёт, читатель. Что мы можем записать на него по итогам данной главы?

1. Исторических разновидностей психики, и это совершенно естественно, пять — три составляют норму, две находятся за её пределами. Думаю, не стоит повторять, чем обусловлен такой численный состав.

Исторические разновидности, поскольку основой их различения служит уровень мыслительной деятельности «думающих животных», составляют следующую иерархическую цепочку: гипериррациональная психика (гИ) — иррациональная (И) — синтетическая (С) — логическая (Л) — гиперлогическая (гЛ).

Иерархия свойственна только набору исторических психик. Все другие исследуемые нами совокупности психик (две ориентационные и две коррекционные пятёрки) представляют собой, если можно так сказать, партнёрские компании. Нетрудно понять, что причиной иерархии исторических психик является всё более ускоряющийся и явственно заметный к концу истории (пожалуй, с начала эксплуататорского периода) рост интеллектуального потенциала человечества, а если подойти шире и заглянуть глубже, его (человечества) исторический прогресс.

Иерархия представляет собой одну из двух особенностей «исторической раскладки» психик.

2. Другой особенностью является привязка данной в этой главе «раскладки» к современности. Как было сказано, и на это имелись свои причины, в глубинах истории в мыслительном плане общество представляло собой вряд ли делимый на категории (разновидности психик) монолит. Иными словами, мы дали не универсальную, ибо таковая невозможна, а современную классификацию завязанных на интеллект психик.

Не думаю, что в оставшееся человечеству время данная в книге «раскладка» будет изменена.

Коррективы могут быть лишь частными, обусловленными теми или иными историческими подвижками. Таковые были внесены применительно к нынешней России.

Соответственно, и в графике было показано, наряду с общеисторическим (или среднеисторическим) соотношением исторических психик (рис. 9), соотношение, характерное для современной России (рис. 10).

Вы заметили, уважаемый читатель, что изображённые в этой главе фигуры представляют собой вычлененный (и увелеченный) из рис. 3 кубик?

3. Разумеется, выявленные исторические разновидности психики так или иначе, в виде описания или формулы, были охарактеризованы. Правда, с некоторыми пробелами.

Я ограничился тремя более или менее пространными описаниями и тремя формулами (из пяти возможных, как тех, так и других).

Думаю, читатель, на основе предоставленной в ваше распоряжение информации вы при желании сможете самостоятельно «сконструировать» недостающие. Возможно, у вас это получится не хуже, чем у автора.

4. В ходе рассмотрения гиперлогической разновидности психики мы определили её носителя как страдающего болезнью временного переноса.

Здесь, на мой взгляд, следует обратить внимание не только на отношение обывателя к «слишком умным» и проистекающие из этого неприятности, но и на абсолютную слепоту психологии и психиатрии, даже не предполагающих существование описанной нами болезни.

Аномалия временного переноса представляет собой не только болезнь человека, но и свидетельство «болезни перекоса» психологии и психиатрии, зрячих на одном полюсе и отказывающихся видеть противоположность признаваемых ими болезней — на другом.

5. Рассматривая гиперлогическую психику, мы вскрыли в общем-то лежащий на поверхности «секрет» гениальности. Одной из основ этого высшего состояния интеллекта является максимально — во всех отношениях — здоровая психика.

Этот факт способен не только удовлетворить познавательный интерес обычного человека, но и нацелить его на минимизацию присущих его психике изъянов и недостатков, ибо их умаление является одним из средств повышения интеллекта.

6. Работа, проведённая в настоящей главе, и её результаты ещё более приблизили нас к решению одной из важнейших задач психологии. Я имею в виду определение психологических типов.

На данный момент в нашем распоряжении — три набора психик (два ориентационных и исторический). Таким образом, психика любого человека уже может быть охарактеризована нами по трём параметрам: межмирового курсирования, переборному и историческому.

Ещё двумя спектрами психик мы будем располагать, когда исследуем контур коррекции. Вы считаете, что тогда мы решим стоящую перед психологией задачу? Нет. Но зато мы подойдём к её решению вплотную.

ГЛАВА XI

ВНУШАЕМОСТЬ И ВНУШЕНИЕ

Позволю себе продолжить наше исследование исторического блока психики со своих школьных воспоминаний.

В те годы меня немало занимал «секрет» гипноза. И поскольку тогда, в 60-е, в Летнем театре на Фонтанке иногда устраивали гипнотические сеансы, я, конечно, бывало, в ущерб занятиям в школе, а нас уже усиленно готовили к выпускным экзаменам, занимал место в первом ряду.

Почему в первом? Мне очень хотелось испытать гипноз на себе. А для этого, как я считал, нужно было маячить перед глазами гипнотизёра. Однако, как я ни старался всем своим видом показать готовность стать «подопытным кроликом», гипнотизёр как будто не замечал меня, тянувшего изо всех сил руку. Правда однажды, когда «маг и волшебник» пригласил всех желающих поучаствовать в очередном опыте, мне удалось прорваться на сцену. Но я тут же был отсеян гипнотизёром, сказавшим, что у него уже достаточно народа. Это выглядело бы правдоподобно, если бы я был последним в очереди. Я же выскочил на сцену одним из первых, когда остальные желающие только вставали со своих мест.

Как вы думаете, уважаемый читатель, по какой причине я не пошёл гипнотизёру? По возрасту? Вряд ли — выглядел я достаточно взросло. Тогда, не зная наверняка, а лишь предполагая причину своей непригодности, я отложил выяснение этого вопроса до лучших времён...

На уровне любительства по части психологии вряд ли можно было ответить на мучавшие меня вопросы. Но стоило только серьёзно заняться наукой о психике, завеса таинственности тотчас же спала с «чудес», вытворяемых на сцене. Если для вас, мой читатель, механика внушения, а гипноз является его высшей формой, скрыта за такой завесой, охотно распишу для вас её (механики внушения) «рычаги».

Но прежде ответу на вопрос, поставленный в начале предыдущего абзаца. Занимаясь гипнотической проблематикой, я довольно быстро выяснил, что хороший гипнотизёр буквально на глаз, и при этом сходу, может определить, насколько пригоден тот или иной человек для его опытов. В сущности подбор пригодного для его работы людского материала является первой по счёту и, может быть, даже основной (из обеспечивающих успех) задачей гипнотизёра. Эта задача состоит в отборе внушаемых субъектов и отсеивании способных испортить обедню, т.е. маловнушаемых и невнушаемых вовсе. А в той или иной степени невнушаемые люди, и об этом шла речь в предыдущей главе, имеются в психическом сообществе. Ваш покорный слуга и был однажды сходу отнесён гипнотизёром к «касте неприкасаемых» и по этой причине изгнан со сцены. Не корите меня за нескромность, читатель, но факт остаётся фактом: на протяжении многих десятков лет жизнь постоянно напоминала мне о моей гипнонепригодности.

Вас интересует, по каким признакам отбираются пригодные для опытов? Сходите на какой-нибудь публичный сеанс гипноза. Но только сосредоточьте своё внимание не на сцене, а на зале. Там обязательно найдутся люди, ловящие каждое слово, напряжённые, нахмуренные, несамостоятельные (опытному психологу даже о такой черте говорит внешность человека)...

Если бы гипнотизёр вдруг испарился, вы, выбрав таких людей, смогли бы не без успеха заменить его. Разумеется, манипулируя внушаемыми с помощью проверенных временем, как я выразился, «рычагов». Основных «рычагов» воздействия на податливую на внушение психику три (и, чтобы эффект был максимальным, они, как правило, приводятся в действие вместе). После замечания исторического свойства я ознакомлю вас с ними.

Тема, которой мы сейчас занимаемся, весьма актуальна. В настоящее время, когда по части интеллекта наши соотечественники существенно сдали, число внушаемых значительно возросло. В таких условиях навязывание (и в узком кругу общения, и в масштабах социума) каких бы то ни было установок, с одной стороны, и слепое их приятие, — с другой, стало чуть ли не нормой как межличностного общения, так и общественной жизни. Поэтому — ввиду масштаба проблемы — развитый человек, а надеюсь, читатель, вы именно такой, должен знать всю подноготную внушения и питаемого им манипулирования сознанием. Вот какой темой мы занимаемся!

Если в застойные годы в интеллектуальном плане наше общество лишь сползало вниз, то начиная со второй половины 80-х годов прошлого века оно буквально покатилося в пучину безмыслия. Это время ознаменовалось многократным увеличением числа внушаемых. Ю. Горный, имеющий немалый опыт сценической работы, в 2004 году отмечал: «Двадцать лет назад, тестируя во время своих сеансов зрителей на склонность к гипнозу, я находил таких в зале не более двух–трёх процентов — статистически нормальная доля для случайной группы (правда, Ю. Горный работал с более или менее просвещённой публикой — В.И.). Сейчас я с огромной тревогой обнаруживаю, что количество склонных к суггестии (внушению) людей в зале часто достигает трети!»¹.

Думаю, оценка Горного справедлива и для России 2019 года, но с одной поправкой: за пределами зала, на улице, и тогда, и сейчас число внушаемых было и есть минимум в два раза больше. Что касается обозримых перспектив, они отнюдь не радужные. На сцену — не зрительного зала, а жизни — выходит следующая генерация не умеющих думать людей (и не знающих, что они не умеют думать).

Конечно, рано или поздно такое положение будет исправлено, исправлено только в русле радикальных социальных перемен. Вопрос, какой ценой. Выбираться из ямы всегда сложнее, чем в неё падать.

Теперь — об обещанных «рычагах». На первое место я бы поставил авторитет производящего внушение и авторитетность предлагаемого для бездумного усвоения.

По части авторитетности у работающих на широкие массы «кукловодов» нет недостатка в способах продвижения своего товара, как неосязаемого, так и вполне реального. Надо сказать, слово «товар» в современных условиях более употребимо в прямом смысле, нежели в переносном — реализация копеечных безделушек приносит паразитирующим на безмыслии немалые барыши.

Впрочем, и сами «кукловоды» зачастую оказываются, извините за тавтологию, бездумными иррационалистами. Картина Питера Брейгеля старшего «Слепой ведёт слепых» имеет более глубокий смысл, чем может показаться с первого взгляда.

¹ Руденко Б. Феномен Юрия Горного // Наука и жизнь, 2004, № 2, стр. 122.

Если слухи и домыслы вызывают у известной категории наших сограждан определённое доверие, то печатное слово прямо-таки заставляет доверять себе безоговорочно. Авторитет типографской продукции в глазах многих людей абсолютно непререкаем. Вот вам один из сотен, если не тысяч, примеров, которыми газеты и журналы снабжают... исследователя психики.

Оказывается, «критические дни отменяются». Так озаглавлена, надо сказать, неплохо оформленная, рекламная заметка, помещённая в издании, проходящем через сотни тысяч читательских рук. Конечно, отменяются не сами критические дни, а какие-то негативные явления.

Какие же явления «отменяются»? Их перечисление заняло бы много места. Но поскольку список «отменяемых» невзгод можно заменить одним словом, я воспользуюсь этой возможностью. В общем, «отменяется» всё: от головных болей до бесплодия.

Вы спросите: что нужно делать для того, чтобы исцелиться? Ничего, только носить на шее пластиковый медальон, который, как явствует из заметки, обладает «специальным магнитным полем» и поэтому «даёт выраженный обезболивающий, противовоспалительный и лечебный эффект». И всего-то за несколько сотен рублей.

Авторитет типографских знаков фабрикации очередной панацеи подкрепили авторитетом известного медицинского учреждения. Чудодейственный медальон, видите ли, прошёл «показавшие высокие результаты клинические испытания в НИИ акушерства и гинекологии им. Д. О. Отта. Что тут скажешь? Или «специалисты» из НИИ ничего не слышали об эффекте плацебо (несколько слов об этой пустышке я скажу далее), или ими двигал определённый материальный интерес. Впрочем, одно другому не мешает¹.

Не могу не заметить, что многие нынешние «специалисты» (не только работающие в клинике Отта) в деле «переваривания» информации не сильно отличаются от заурядного обывателя. Таково уж наше время.

Человек иррационального склада, сталкиваясь с каким-либо процессом или явлением, вполне удовлетворяется ответом на вопрос «что происходит?». Думающий человек вслед за этим вопросом сразу же ставит другие — глубинные, содержательные. Мыслящего

¹См.: «Метро», 2003, 11 сентября.

человека интересует, как и почему происходит то-то и то-то. Данные черты иррационалиста и логика мы можем добавить к выведенным в предыдущей главе их характеристикам. По всем признакам «специалисты» из НИИ не задавались вопросом «как и почему исцеляет кусочек пластмассы?».

Между прочим, на втором этаже НИИ акушерства и гинекологии, около парадной лестницы, находится бронзовая статуя Д. О. Отта, рука которой отполирована пациентками клиники. Известно, что во время беременности мыслительные способности женщины уменьшаются, интеллект падает. А бездумные потенции, напротив, увеличиваются. Понятно, что прикладывание к руке статуи вселяет в находящихся в весьма далёком от рационализма состоянии женщин уверенность или, лучше сказать, веру в благополучный исход родов.

Полагаю, изваяние Отта, в отличие от медальона, не проходило клинических испытаний. Но, несомненно, эффект оно имеет тот же, что и кусочек пластмассы. Если бы его убрали, показатели клиники поползли бы вниз.

Да, вера — великая сила. И неважно, во что человек верит и в чём видит источник исцеления, в пластмассовом медальоне, статуе или небесном покровителе. Доказано, что верующие и суеверные люди меньше болеют и легче справляются с болезнями.

Для пущей авторитетности своих панацей их производители прячутся не только за «истинностью» печатного слова и заключениями солидных организаций, но и за громкими именами.

Если вам не подходит «средство борьбы с критическими днями», которое, вообще-то говоря, предназначено для женщин, вы можете воспользоваться «прибором» под названием «Биоактиватор», а лучше, как прописано в аннотации, сразу двумя или тремя «приборами», в сущности являющимися наклейками. Конечно, такая наклейка лечит всё и, конечно, она прошла испытания, на этот раз — во Всероссийском центре медицины катастроф «Защита» Минздрава России.

Но создателям чудо-средства этого мало. С газетной страницы на нас глядят добрые глаза Армена Джигарханяна, и народный артист, переквалифицировавшийся в народного рекламщика, нам внушает: «Это замечательное открытие. Достаточно приложить его к больному месту, как это делаю я, и вы почувствуете облегчение».

И это ещё не всё. Борьба за дензнаки требует полной выкладки. Почему бы к «прикладыванию открытия к больному месту» не приложить, в дополнение к названным авторитетам (центру «Защита» и А. Джигарханяну), какие-нибудь «умные» слова? Не хочу злоупотреблять вашим вниманием, читатель, но всё же процитирую аннотацию.

«Биоактиватор» — принципиально новый энергетический прибор, состоящий более чем из ста тщательно подобранных биологически активных веществ, которые в процессе изготовления прошли многоступенчатую обработку. Этот прибор корректирует биополе человека, очищает клеточки организма от негативной информации, тем самым поддерживая естественный энергетический баланс здорового организма»¹.

Видимо, производители знают, что наукообразная белиберда действует на обывателя, как удав на кролика. В аннотациях прочих всеисцеляющих медальонов, наклеек, таблеток, пирамидок и других пустышек можно встретить и «реликтовые нейтрино», и «лептоны добра и радости», и «холодный биологический термояд»... В общем, лиса Алиса и кот Базилио отдыхают.

Как-то я купил, конечно, не для использования, а для раскурочивания и удовлетворения любопытства, очередную пластмассовую панацею, в которой, судя по её описанию, были заключены десятки «биологически чистых, прошедших многоступенчатую обработку и отобранных» ингредиентов. Как вы думаете, уважаемый читатель, что было внутри? Я насчитал два ингредиента: соломенную труху и паутину.

Через некоторое время я приобрёл другое чудодейственное средство и тоже пустил его под молоток, кстати, во время очередного семинара, при свидетелях. На этот раз капсула оказалась пустой, но лучше, наверное, сказать: пустышкой.

Так называют плацебо — вещество (или какой-либо объект), не обладающее лечебными свойствами и используемое для имитации лекарственных средств с целью отсеечения эффекта, обусловленного верой больного, от лечебного эффекта проходящих испытания лекарств (или иных средств).

Именно плацебо представляют собой «антикритический медальон» и «Биоактиватор», фигурировавшие в приведённых мною

¹ Фантастическое открытие российских учёных подарит здоровье вам и вашим близким//Центр Плюс, 2006, 14 марта.

примерах (сегодня таких примеров можно привести многие сотни, а то и тысячи).

Возникает вопрос: действительно ли пустышки обладают лечебными свойствами? Да, это правда. Тогда, с вашей стороны, читатель, уместен следующий вопрос: почему автор говорил об обладающих лечебными свойствами пустышках в явном негативе?

Дело в том, что посредством внушения, с помощью плацебо или как-то иначе, зачастую достигается лишь внешний эффект, например, устраняется боль (снятие боли без устранения её причины называют психологической анестезией), тогда как её источник не ликвидируется и болезнь продолжает прогрессировать. Понятно, к какому финалу может привести такое «лечение». Поэтому лечебное психологическое воздействие должно практиковаться только тогда, когда есть полная уверенность, что оно не осуществляется в конечном счёте во вред человеку. Думаю, не стоит объяснять, что такое воздействие может быть лишь исключительно индивидуальным, но ни в коем случае не тем, каким оно является сейчас — агрессивно навязываемым, массовым и якобы годным для всех и на все случаи жизни.

Как видите, уважаемый читатель, я выступаю не против внушения с лечебной целью, а против захлестнувших страну его по сути дела знахарских форм, против его дикой коммерциализации.

В условиях, когда обычный человек более живёт чужим умом, чем своим собственным, внушение становится едва ли не самой распространённой формой общения на бытовом уровне, в кругу своих близких, знакомых, сослуживцев, соседей. Здесь, за невозможностью напечатать свой посыл в газете или заручиться поддержкой какого-либо известного артиста, в ход идут другие авторитеты. Если вы хотите навязать кому-то своё мнение (касающееся не только «исцеляющих средств», но, в принципе, чего угодно), надо всего лишь заучить для эмоционального и многократного наставления три–четыре несложные формулы, например, такие: «так говорит (делает) Марья Алексевна», «все так говорят», «об этом сказали по телевизору», «так никто не делает»...

Последите за своим окружением, читатель. Рискну предположить, что в течение дня вы не раз услышите нечто подобное.

На второе место, вслед за авторитетностью, я поставлю овеществление внушения. Разговор об этом «рычаге» я начну со случая, правда, извините за тавтологию, случайного, из своей практики.

Однажды зимой, поскольку столбик термометра застыл на нуле, я вышел из дома без перчаток. Однако пронизывающий ледяной ветер заставил меня подумать, что неплохо было бы за ними вернуться. Но время поджимало, и я продолжил свой путь, засунув руки в карманы.

Студёный ветер дул в лицо, а так как некоторое время назад мне пришлось перенести воспаление тройничного (лицевого) нерва, я свернул в магазин, чтобы в тепле провести минуту-другую.

В магазине не было ни души. Только в углу над прилавком с искажённым от боли лицом зависал продавец. В нём я сразу узнал своего товарища по несчастью. «Тройничный нерв, — громко произнёс я с интонацией Левитана. И, чеканя шаг, без паузы продолжил. — Через десять секунд я сниму вашу боль».

Продавец посмотрел на меня и в знак согласия кивнул и что-то проямлил. Я нагнулся над прилавком, взял его за плечи, выпрямил, немного встряхнул и продолжил: «Сейчас я буду считать до семи. С каждым счётом боль будет уходить, и когда я скажу “семь”, боль уйдёт полностью».

Через семь секунд произошло то, что и должно было — при таком моём напоре и даже наглости — произойти: передо мной стоял совершенно здоровый человек. Так случается всегда, когда с одной стороны находится уверенность, а с другой — только и оставшаяся вера в чудо. Фокусник, комментируя свою успешную работу, говорит: ловкость рук и никакого мошенства. Резюме успешного (в деле внушения) психолога таково: непоколебимая уверенность и ничего сверхъестественного.

Продавец выскочил из-за прилавка, минуты две бегал вокруг меня, рассыпая благодарности, а потом с каким-то непонятным чувством, глядя в потолок, произнёс: «Неужели это навсегда?».

Сомнение внушаемого есть шаткость позиции внушающего. Мне срочно пришлось укреплять свою позицию. Вас интересует, как, читатель? Очень просто. Я ведь вам не напрасно поведал об оставленных дома перчатках и руках, спрятанных в карманах.

Мои руки передали своё тепло монетам. Оставалось только театральным жестом одну из них извлечь из кармана и вручить её не до конца верующему Фоме. Вручить со словами: «Это — заряженная монета. Держите её при себе, и боль к вам никогда не вернётся».

Не удивительно, что после успешного изгнания боли моё врачнё (вы знаете, что слова «врач», «ворчать», «врать» являются однокоренными?) продавец принял за чистую монету (это образное выражение), а тёплую монету — за «заряженную».

Через несколько лет я встретил своего случайного пациента на улице. Он расстегнул рубашку. Рядом с нательным крестиком красовалась моя монета. Боли, конечно, все эти годы как не бывало.

А ведь это могло и не случиться, если бы я вышел из дома в перчатках.

Овеществление внушения бывает не только предметным (в данном случае — посредством «заряженной» монеты), но и бестелесным. К разряду непредметного овеществления надо отнести фигурирующие в моём примере, так сказать, практические мероприятия: твёрдый командный голос, чёткие жесты, выправление осанки страждущего, счёт до семи (в отличие от Кашпировского, который на своих публичных сеансах неторопливо считал до «33», я из-за дефицита времени выбрал небольшое «интересное» число).

По опыту, и не только своему, знаю, что овеществление усиливает внушение. Вас интересует, почему? Для ответа на этот вопрос нам следует заглянуть в глубины истории. Или в глубины психики (в предыдущей главе я заметил, и, надеюсь, показал, что все мы храним в своей психике наследие прежних времён).

Сейчас ни у кого не вызывает недоумения деление общественной жизни и деятельности людей на различные сферы. Казалось бы, так было всегда. Оказывается, нет. В древности никакого социального деления не существовало. В первобытном коммунистическом обществе жизнедеятельность рода, а он представлял собой самодостаточный социум, подчинялась только животному по своей сути межеванию — половому и возрастному.

Нынешние сферы умственной (теоретической) и практической деятельности тогда были не просто соединены, переплетены или слиты. Они, ещё только в своей потенции, были представлены некой монолитной предковой формой, из которой стали выкристаллизовываться лишь с началом перехода к классовому, эксплуататорскому обществу.

Несколько упрощая, можно сказать, что в древности мысль была делом, а дело было мыслью. Хотя бы в какой-то степени вы можете это прочувствовать, когда делаете что-то, как говорится, на автомате.

Предковая форма канула в лету. А её эхо, зачастую, весьма отчётливое, особенно у иррационалистов, и в меньшей степени — у синтетиков, сохранилось.

Конечно, надавить на внушаемых с помощью древней формы за её неимением сейчас нет никакой возможности, да это и не нужно, но использовать для внушения её современный суррогат, т.е. слово, подкреплённое чем-то осязаемым, практическим (предметом, жестом, прикосновением...) вполне возможно. Что, разумеется, и делается. Именно так я действовал в магазине, упаковывая своё слово («... боль уйдёт полностью») в, как я выразился, практические мероприятия.

Таким образом, овеществление внушения представляет собой игру на самых древних струнах психики человека. И, надо сказать, игру действенную.

Скажите, уважаемый читатель, как бы вы, захворав, отнеслись к врачу, всё лечение которого ограничивалось бы словами «Всё будет хорошо, больной, Вы обязательно поправитесь»? Наверное, если бы у вас были силы возмущаться, вы сказали такому эскулапу что-то не очень лестное. А если бы врач прописал вам «исключительно эффективное средство», и вы в течение недели рассасывали по несколько раз в день, и обязательно по часам, чётко определённое в рецепте количество сахарных шариков? Скорее всего, вы поблагодарили бы такого врача и выздоровели, возможно, чуть раньше, чем в случае отказа от лечения.

Вы, конечно, понимаете, что я говорю о враче-гомеопате. И вам кажется, что я бросаю камешки в его огород? Да, я это делаю. Объясню, почему.

Как известно, гомеопаты причисляют себя к врачам. Насколько я понимаю, основная масса врачей (исключение составляют разве что медицинские психологи, ортопеды, логопеды, врачи ЛФК, рентгенологи) использует в своей практике различные лекарственные средства. Используют определённые средства и гомеопаты. Спрашивается, какие средства?

В последнее время предметом гордости гомеопатов стали препараты в разведении 10^{-400} , 10^{-2000} и даже 10^{-20000} . И что же? Вроде бы, всё неплохо, лечебный эффект достигается. Интересно, как и почему?

Вот как объясняют положительный эффект сами представители гомеопатической школы: «Действующее начало гомеопатических лекарств мы определяем как информационно-энергетическое поле со свойствами голограммы. Поясним, что под этим подразумевается. Обращает на себя внимание то, что любая масса

гомеопатического лекарства обладает одинаковым лечебным действием. Видимо, при приготовлении такого лекарства освобождается энергия и информация, затраченная природой на его создание»¹.

Некоторое время я думал, как оценить эту такую абракадабру. Но, простите меня, читатель, лучшего, чем отнесение её на счёт тараканов в гомеопатической голове, не нашёл. Впрочем, чтобы соблюсти приличия, ухвачусь за слова «любая масса гомеопатического лекарства обладает одинаковым лечебным действием».

Такое утверждение можно было бы ещё принять, если после разведения 10^{-23} в полурастворе снадобья оставалась хотя бы одна молекула действующего вещества. Однако молекулы не остаётся. Но, оказывается, для «лечебного действия» даже и одной-единственной молекулы не надо. Зато откуда-то возникает информационно-энергетическое поле и из ничего появляются «свойства голограммы». Как говорится, и смех и грех.

А если серьёзно, мастера разведения (можете понимать это слово и в переносном смысле) своими претендующими на авторитетность наукообразными действиями и «теоретическими выкладками» лишь усиливают, как мы знаем, действительно лечебный эффект используемого ими самого настоящего плацебо.

В принципе то же, что и о гомеопатии, можно сказать об иглоукалывании. Хотя этому направлению целительства около пяти тысяч лет, только в последнее время стала выясняться истинная причина его эффективности. Как вы догадываетесь, читатель, она (причина) заключается не во введении игл в мягкие ткани, а в самовнушении пациента.

В критике иглоукалывания на сегодняшний день нет недостатка. Не буду называть имена и организации, занимающиеся научным анализом иглоукалывания (такой материал вы без труда найдёте в Интернете). Сконцентрирую ваше внимание на главном итоге «антиигольных исследований». Он таков: глубина и «география» уколов никак не сказываются на результате. Другими словами, иглы можно ставить где угодно и на любую глубину, лишь бы не были задеты нервные, кровеносные и лимфатические пути.

Почему же иглоукалывание практикуется? Потому что здесь имеет место необходимая для его осуществления, иррационально-

¹ Возианов А., Симеонова Н., Попова Т. Перспективы гомеопатии начинают проясняться // Наука и жизнь, 1990, № 1, стр. 86.

го по своей сути (и всего лишь наукообразного по форме), связка: приписываемый иглоукаливанию ареол целительной силы, овеществлённая процедура, личность целителя, его авторитет и умение держаться, с одной стороны, и не очень развитый, внушаемый человек, с другой.

Понятно, что средний показатель внушаемости не является одинаковым для разных стран и частей света. Так на Востоке, в Японии, Китае, Корее, Монголии и других странах Азии, где повышенная внушаемость является, пожалуй, одним из атрибутов национального менталитета, а иглоукаливание — своего рода традицией, успех этого метода врачевания оказывается практически стопроцентным. В Соединённых Штатах лишь половина подвергающих себя иглоукаливанию чувствует облегчение, а в Западной Европе — лишь одна пятая. Куда мы поместим современную Россию? Не могу сказать точно, но наверняка не рядом с Европой.

Как видим, овеществление рекомендации, наставления, какой-нибудь установки или процедуры представляет собой весьма действенный «рычаг» внушения. Вычтите из рассмотренных нами случаев вещный компонент внушения, оставив лишь слово, и вы поймёте, насколько значима какая-то безделушка, будь то «лечащий всё» медальон, наклейка на мягкое место, «заряженная» монета или всаженная в пациента иголка.

Сегодня, проходя мимо церкви, я вынужден был обогнуть хвост очереди, перекрывающий тротуар. Из ворот с благостными лицами выходили люди с наполненными бутылками, бидонами и даже канистрами. Вы, конечно, догадываетесь, о каком дне я говорю. Хочу спросить вас, читатель, в чём сила и благодать содержимого перечисленной тары? В святости? Нет, ибо святости и связанных с нею чудес просто не бывает в природе. Тогда в чём же? Исключительно в приписываемых «святой воде», но реально не существующих свойствах. А как мы знаем, приписываемое исправно «работает», если оно овеществлено.

Как вы думаете, что было бы, если бы в означенном заведении вместо воды раздавали, если можно так выразиться, словесную благодать? Я-то знаю — мне не пришлось бы, утопая по колено в снегу, обходить, за его неимением, хвост очереди. Впрочем, и очереди за церковными воротами наверняка бы не было. Но это уже другой, хотя и немаловажный, вопрос — о массе внушаемых и поддержании внушаемости на необходимом (кому-то) уровне.

Удивительно, что психотерапевты, за мизерным исключением, ограничиваются в своей работе лишь словесными утешениями и рекомендациями. По моему мнению, когда речь идёт о помощи человеку, научный педантизм, в общем-то запрещающий шаманствовать, лучше оставить в стороне. Один мой коллега-психотерапевт регулярно посещает выставки минералов, где отоваривается разноцветными камешками. Для чего? Для раздачи, в дополнение к словесному воздействию, своим пациентам. Слово, утяжелённое трёхграммовым камнем, неизмеримо более эффективно, чем голое (чуть не сказал: пустое) слово. На мой взгляд, в таком врачевании нет ничего зазорного для корректирующего психику и ничего оскорбительного и вредного для пациента, внушаемого пациентом, нет ничего деформирующего и подрывающего его, чаще всего, синтетическую, сущность.

Третьим «рычагом» воздействия на поддающуюся внушению психику является ритуал. Здесь я тоже припомню один из своих «случайных случаев».

Импровизированный публичный психотерапевтический сеанс я однажды провёл в заполненной студентами аудитории перед очередной лекцией.

Вы, наверное, знаете, читатель, что после входа в аудиторию преподавателя тишина устанавливается не мгновенно, а спустя секунд двадцать–тридцать. В случае, о котором я хочу вам поведать, этого времени оказалось достаточно, чтобы выхватить взглядом одну студентку. Моё внимание привлекло её искажённое лицо, опущенные плечи и сжатые замком руки (эту студентку, поскольку она занималась в моей семинарской группе, я знал как собранного жизнерадостного человека). Я громко, т.к. студентка сидела в четвертом или пятом ряду, спросил: «Что случилось, Настя?». Оказалось, у девушки «разламывается голова».

Что мне оставалось делать? Выразить сочувствие? Отправить домой? Нет. Я пригласил девушку к своему столу и, обращаясь к аудитории, исключаяющим всякое сомнение голосом и с выпяченной грудью изрёк: «Через пятнадцать секунд у Насти полностью пройдёт головная боль! Смотрите и учитесь!» (поведение, свойственное храброму зайцу, если ещё и не гарантирует успех процедуры внушения, то уж точно обеспечивает его львиную долю).

Развернув страдальцу лицом к аудитории, я тем же голосом продолжал: «Сейчас Настя по моему счёту будет, расправляя плечи, тянуться вверх. Она сама скажет, когда исчезнет боль...»

Боль прошла после шестого вытягивания (вместо вытягивания можно было придумать что-нибудь другое, желательно также динамичное). А мне за секунды, что я работал метрономом, пришлось срочно перестраиваться. Взамен запланированной я прочёл лекцию на тему, заданную опытом с изгнанием головной боли. Один из выводов был практического свойства. Наказав студентам в случае головной боли делать то же самое, что проделывала Настя, я по сути дела превратил продемонстрированный способ обезболивания в ритуал. И посоветовал при этом тянуться перед зеркалом (как кашу маслом не испортишь, так и внушение — каким-либо овеществлением).

Ритуал должен работать. Сработал ли мой наказ? Да. Не раз студентки (одним из часто встречающихся видов головной боли является так называемая женская) «отчитывались» передо мною о своих успехах в деле избавления от боли, без таблеток и в считанные секунды.

Человек, вытягивающийся в одиночестве перед зеркалом, вообще-то занимается не внушением, а самовнушением. Я не склонен разделять китайской стеной эти два вида воздействия на психику, ибо самовнушение имеет место и тогда, когда человеку что-то навязывается со стороны. Скажите, был бы действенен какой-нибудь биостимулятор, если бы сам, так сказать, окучиваемый не внушил себе мысль о его «целительной силе»?

Не могу удержаться ещё от одного примера, на этот раз — чистого самовнушения.

Будучи начинающим преподавателем, я испытывал некоторый мандраж, переступая порог аудитории. Но как-то раз, не знаю почему, я сказал себе: «Спокойно, Вася!» (на самом деле я никакой не Вася, а Владимир). Удивительно, но волнение вмиг исчезло. Так я проделывал до тех пор, пока не привык не волноваться.

Однажды я рассказал о своей, уже давней, находке студентам. Это было перед экзаменационной сессией. В шутку я посоветовал прежде, чем взять экзаменационный билет, произнести это заклинание. В аудитории не нашлось ни одного Васи. Продолжая на той же шутиливой ноте, я предложил всё равно попробовать произносить (можно вслух, но если экзаменатор — Василий, то обязательно про себя) испытанное в деле заклинание, независимо от того, вы — Коля, Серёжа, Катя или Марина.

Мне казалось, я пошутил (правда, студенты не распознали шутки). Пошутил и забыл. Через несколько дней выяснилось, что моё

ритуальное заклинание (или, если вам больше нравится, приговорка) работает. Оказалось, что даже Васи–Кати и Васи–Марины, внушая себе спокойствие, перестают волноваться. Да, действительно, древнейшая ипостась психики свойственна даже развитому современному человеку.

Впоследствии мы со студентами придумали и другие нормализующие психику приговорки, например, «Ничего смешного, Вася!» (для ситуации, когда смех неуместен, скажем на серьёзной лекции или в кабинете строгого начальника). Как и первая, остальные приговорки–заклинания также работали.

Ничто не мешает и вам заняться таким изобретательством, читатель. Учтите только, что моим студентам сопутствовал успех и по той причине, что я у них, извините за нескромность, как «маг и чародей», пользовался некоторым авторитетом. Могу и вас принять в число своих прозелитов.

Внушение имеет место постольку, поскольку перед внушающим находится внушаемый, по нашей классификации — синтетик и, разумеется, иррационалист. Если же внушаемых людей несколько или много, достаточно в их среду бросить небольшую искорку (впрочем, кто-то из них и сам может это сделать), чтобы «пожар» по принципу цепной реакции охватил их всех. И тем быстрее будет скорость охвата, чем менее развитой в интеллектуальном отношении является «поджигаемая» популяция. Такие «пожары» получили название психических эпидемий. Где их надо искать? Прежде всего, в прошлом. Мы знаем, что с проникновением в глубины истории интеллект убывает, а внушаемость, напротив, растёт.

Одна из крупнейших психических эпидемий разразилась в Европе в 1524 году. Поводом к ней явилось предсказание профессора математики и астролога-любителя из Тюбингена Иоганна Штофлера. Вычисляя пути Сатурна, Юпитера и Марса, профессор пришёл к выводу, что эти три планеты подойдут «угрожающе близко» к Земле под знаком Рыбы, что «бесспорно» вызовет... второй всемирный потоп.

«Известие о предсказании Штофлера разнеслось по всей Европе с быстротой лесного пожара. Вскоре зловещий маршрут трёх планет был подтверждён и другими астрономами... Нормальная жизнь нарушилась, крестьяне перестали возделывать поля, ибо какой смысл было пахать и сеять, если посевы всё равно будут затоплены. Ремесленники без всякого желания шли в мастерские и забросили свои

дела. Купцы утратили всю свою предприимчивость. Должники отказывались возвращать долги: гораздо разумнее было потратить деньги, предназначенные для уплаты долгов, на разные увеселения. Люди принялись запасать еду, начались грабежи лавок и складов. Некоторые состоятельные люди перебрались в горы, другие построили баржи и держали их наготове неподалёку от своих домов»¹.

Другая значительная психическая эпидемия в начале 1750 года накрыла Лондон. Слух о разрушительном землетрясении, которое якобы произойдёт 15 апреля, вызвал панику и спровоцировал бегство многих горожан в провинцию. Люди ночевали в палатках и под открытым небом. Многие, словно обезумевшие, бесцельно бегали взад–вперёд по улицам города, объятого страхом. Разрушительного землетрясения, как мы знаем, ни тогда, ни в другое время в Лондоне не случилось. Постепенно паника улеглась, и тогда власти начали доискиваться до первоисточника взбудораживших тысячи людей слухов. Виновником происшествия оказался страдающий психическим расстройством солдат².

Психические эпидемии не остались в прошлом. Время от времени они обнаруживаются даже в более или менее развитых странах.

Пока не изжита мыслительная несамостоятельность, будут происходить и массовые (и индивидуальные, конечно, тоже) помешательства.

Я не оговорился, назвав психические эпидемии помешательствами. Ведь участники любой психической эпидемии оказываются одержимыми той или иной бредовой идеей. Из-за навязанного ему бреда (или благодаря впитанному им бреду) слабый в интеллектуальном плане человек очень похож на, если можно так выразиться, прирождённого шизофреника.

Свою лепту в массовое помутнение мозгов вносит и современная Россия. Конечно, сейчас у нас трудно собрать в более или менее заметном количестве, скажем, ожидающих в белых одеждах конца света. А вот футболоодержимых в новой России, видимо, намного больше, чем паникующих по поводу несостоявшегося землетрясения лондонцев. Для участия в послематчевых радениях и бесчинствах на улицы больших городов высыпает порой десятки тысяч людей.

¹ Рат-Вег И. Конец света // Наука и жизнь, 1967, № 5, стр. 149.

² Там же, стр. 150.

Эпидемия моды, зачастую лишённой даже намёка на какую-то мыслительную деятельность, охватывает миллионы. То люди, как рыба в стае, в едином порыве натягивают штаны, которые не закрывают то, что не принято демонстрировать, и которые, чтобы они не свалились, приходится придерживать руками, то прикладываются к банке с пивом на ходу и при тридцатиградусном морозе, то... Продолжайте сами, читатель.

Любая психическая эпидемия, как и внушение на уровне индивида, — особы не из требовательных. Для пленения человека им всего-то и надо, чтобы он верил, слепо принимал и бездумно копировал, словом, чтобы он был иррационалистом (как натуральным, так и призвавшим иррационализм из дышащих древностью глубин своего сознания).

Иррационализм сегодня явно выбился из своей среднеисторической нормы. Это отрицательное для общества явление обрачивается позитивом для исследователя. Выход безмыслия на авансцену позволяет исследователю лучше понять и описать его. Что я и старался делать. Надеюсь, описанным в этой главе мы существенно дополнили наши представления об иррациональном в психике человека.

Чем конкретно? Постараюсь главное из выясненного в настоящей главе собрать в её итогах.

1. Вы, конечно, заметили, читатель, что, говоря о внушаемости и внушении, я ни разу не связал их, как это нередко делается, с какими-то особыми, экстрасенсорными способностями производящего внушение человека, с осуществлением им трансляции своих мыслей и установок, с наличием биополей и прочими отсутствующими у простого смертного свойствами.

Почему? Потому что перечисленные и другие необычные свойства отсутствуют даже у самого успешного гипнотизёра. Таких свойств нет вообще, а если бы они и существовали, в их применении при внушении не было никакой необходимости.

Необходимыми и достаточными условиями внушения являются, с одной стороны, непоколебимая уверенность внушающего в своём успехе, его собранность, внешний вид, умение держаться, использование облегчающих внушение приёмов, с другой, — неумение мыслить, несамостоятельность, по-

требность в помощи и поддержке и надежда их получить, готовность слепо подчиняться, прочие черты склоняющейся к иррационализму психики.

Во внушении нет ничего чудесного.

Между прочим, каждый взрослый человек соотносится с малолетним ребёнком, как внушающий с внушаемым. Так что и вам, уважаемый читатель, если вы уже достигли взрослости, присуш «дар внушения».

2. Нынешний интеллектуальный кризис вывел внушаемость и внушение из тени, сделал основанную на внушении коммуникацию людей едва ли не нормой современного российского бытия.

Эта крайне отрицательная черта общественной жизни оборачивается несомненным позитивом для беспристрастного наблюдателя, пытливого исследователя, думающего человека, стремящегося разобраться в «психической механике» современности.

«Светлые годы» не дают исследователю, занимающемуся общество- и человековедением такой пищи для размышлений, как годы кризисов и попятного движения.

3. Несомненным подспорьем в деле внушения является авторитет внушающего и авторитетность его ссылок.

К сожалению, данный «рычаг» внушения сегодня зачастую используется не во благо человека, а с целью наживы. Прибыль при реализации различных пустышек порой достигает нескольких сотен процентов.

Тем не менее из наблюдения всероссийского одурачивания добросовестный психотерапевт может извлечь некоторую пользу. Думающего, честного специалиста нынешний рекламный разгул учит искать и заручаться поддержкой, понимает-ся, доброкачественных авторитетов.

Известно, что работа в сложных условиях заставляет сильного человека мобилизоваться.

4. Другим действенным «рычагом» внушения является его овеществление.

Комбинация слова и предмета способна пробудить в психике человека её самый архаичный слой и сделать нашего, даже достаточно развитого, современника по сути дела древним человеком.

Таким образом, вещь, используемая при внушении, представляет собой своеобразную машину времени.

Понятно, что «древний» (опредмеченный) человек в плане внушения намного более податлив (ибо древность, вообще-то говоря, есть время внушаемости и внушения), чем, пусть внушаемый, но подвергаемый только словесному воздействию наш современник.

5. Поскольку в первобытном коммунистическом обществе место нынешнего правителя-человека занимал обычай, постольку форма, в которой он осуществлялся, а таковой является ритуал, будучи в современных условиях предложенной внушаемому человеку, пробуждает в его психике архаику так же, как пробуждает её вещь, соединённая со словом.

Если ритуал и овеществление своими корнями уходят в прошлое, то авторитет внушающего зиждется на настоящем.

Эхо прошлого и порождение современности, применяемые вместе, превращают внушение в довольно лёгкую процедуру.

6. Человеку свойственно заражаться и заражать других людей своим настроением (чувствами, переживаниями), как и заимствовать у них и им навязывать какие-то установки. Такое явление получило название психической индукции.

Зачастую под действие психической индукции попадают большие, вплоть до миллионных, массы людей. Бывает, индуцированные психозы и всякого рода умопомрачения приобретают быстроту распространения эпидемии.

Хотя психические эпидемии более характерны для прошлого, сегодня они, особенно на волне интеллектуального отката, также способны охватить немалое число легко внушаемых, бездумных субъектов.

Являются ли массовые помешательства постоянным спутником человечества? Нет. Они существуют постольку, поскольку жив ещё иррационализм и свойственная ему внушаемость.

ГЛАВА XII

МОДУЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПСИХИКИ

Мы рассмотрели два блока психики — ориентационный и исторический. Теперь пришла очередь заняться блоком коррекции. Задел у нас уже имеется. В четвёртой главе была определена структура этого блока. Мы выяснили, что коррекция (как в пространстве, так и психическая) представляет собой двухпараметральное явление. Параметры коррекции мы назвали модульным и знаковым.

В рамках модульного параметра осуществляется коррекция с той или иной силой, независимо от её (коррекции) окраски, положительной или отрицательной. В рамках знакового параметра имеет место коррекция, окрашенная в позитив или негатив, осуществляемая при любой её силе.

Любой акт коррекции может быть разложен на два «вектора» — модульный (по силе) и знаковый (по окраске). Разумеется, разложен в теории, при изучении коррекции. На практике модульное и знаковое в психической коррекции составляют единое целое.

Наша «беда» состоит в том, что заниматься коррекцией, ибо такова логика научного исследования, мы должны не целиком, а по частям. Так мы ранее исследовали ориентацию и, вообще, так исследуется любое более или менее сложное явление, в том числе и психика. Однако придёт время (через главу), и мы, насколько это возможно и необходимо (для реализации наших целей), соединим исследованное по частям.

В этой главе, как явствует из её названия, мы будем заниматься модульным параметром коррекции и модульными разновидностями психики.

Разновидностей, составляющих модульную норму, как трудно догадаться, три (ещё две, выходящие за границы нормы, являются аномальными). Напомню, что такое членение нормы — на три подразделения — является единственно верным

постольку, поскольку любое множество качественно подобного, но количественно различающегося, всегда распадается на две полярные и одну срединную части. Вы, конечно, помните это правило членения. Но я ещё раз привлекаю ваше внимание к вопросу членения нормы не столько для того, чтобы, как говорится, закрепить пройденное, сколько по другой причине. Дело в том, что по поводу членения модульной нормы нам придётся вступить в спор с самим И. П. Павловым.

Но с критикой точки зрения Павлова мы немного повременим. Сейчас нашей задачей является описание модульных разновидностей психики. Думаю, вы не будете против, читатель, если своё внимание мы сосредоточим не на самой психике, а на её носителе. А чтобы его характеристика получилась максимально чёткой, мы распишем носителя той или иной разновидности по пунктам (разложением черт носителя по полочкам я преследую и другую цель, пока не скажу, какую).

Начнём, пожалуй, с «сильного фланга» модульной шкалы (на рисунке эта пока ещё умозрительная шкала приобретёт наглядность).

Во-первых, «прописанный» здесь довольно эмоциональный субъект по поводу захватываемых его вниманием раздражителей высказывает повышенную (но находящуюся в норме) возбудимость и реактивность.

Во-вторых, носитель данной разновидности модульной психики, поскольку выделенный им раздражитель относительно сильно его напрягает, характеризуется несколько повышенной (но также лежащей в норме) активностью в своей деятельности.

В-третьих, этому — возбудимому и активному — человеку свойственна повышенная (но не выходящая за рамки нормы) скорость реагирования, как психического, так и действенного.

В-четвёртых, анализируемый нами субъект, в силу своей повышенной возбудимости, в той или иной мере завышает объективно необходимую значимость привлечшего его внимание раздражителя.

В-пятых, завышая значимость выделенного им раздражителя и уделяя ему несколько больше, чем объективно требуется, внимания, носитель описываемой разновидности психики в той или иной мере «вытягивает» захвативший его внимание раздражитель из существующей системы связей, тем самым в определённой степени перекрывая им своё «психическое зрение».

В-шестых, «вытягивая» захвативший его внимание раздражитель из объективно данной системы связей, такой человек в той или иной степени абстрагируется (отвлекается) от прочих раздражителей, в том числе и тех, которые могут потребовать коррекции курса.

В-седьмых, характеризуемый нами субъект, завышая значимость «вытянутого» им раздражителя, перемещает его таким образом на более высокое место в иерархии раздражителей, тем самым повышая в определённой степени иерархичность системы раздражителей, составляющих мировое полотно (делает это полотно более контрастным).

Таковы основные черты носителя одной из модульных разновидностей психики.

Вы скажете, что перечисленное в принципе представляет собой то же самое, что характерно для маниакальной психики. Нет, уважаемый читатель, не могу с вами согласиться. Маниакальность есть устойчивая заикленность, при которой объект мании «застревает» в психике всерьёз и надолго. При коррекции курса, в движении к цели, «маниакальность» (применительно к коррекции я заключаю это слово в кавычки) кратковременна и держится до тех пор, пока в поле зрения нашего активиста не появится (а коррекция, повторю, осуществляется в движении) новый раздражитель. Затем — следующий. А потом — ещё и ещё... Так что при описываемом модульном перекосе психики «маниакальность» прыгает с одного раздражителя на другой. Какая же это маниакальность? Похожесть и тождественность — разные вещи.

Теперь, когда один из находящихся в норме модульных перекосов психики в главном описан, неплохо было бы дать ему название.

У нас есть выбор, читатель. Сейчас всё основное для рассматриваемой психики я соберу в одной фразе, и мы его (выбор) осуществим. Кстати, у нас получится формула пока что безымянной разновидности.

Итак, рассматриваемой краевой модульной психике атрибутивно присущи несколько повышенная возбудимость и реактивность, достаточно высокая деятельная активность, относительно высокая скорость реагирования, завышение значимости привлечённого внимания раздражителя, некоторое «вытягивание» выбранного раздражителя из массы других раздражителей, определённое отвлечение (абстрагирование) на это время от прочих раздражителей.

Как вы думаете, какое слово больше подходит для интегральной характеристики занимающей нас разновидности? На мой взгляд, для уделяющей повышенное внимание выделенному раздражителю и отвлекающейся от прочих раздражителей психики лучшим названием является «абстрагирующая» (А). Тем более, буква «А» у нас ещё не занята. Предлагаю это название узаконить.

Имеются ли носители абстрагирующей разновидности в составе психического сообщества? Несомненно. И они, если не принимать в расчёт исторические колебания, составляют характерный для краевой разновидности процент. Должен сказать вам, уважаемый читатель, что я предлагаю вашему вниманию не голую и просто совпадающую с практикой теорию, а теорию, опирающуюся на практику и в конечном счёте выведенную из практики.

Вслед за описанием психики А мы, наверное, должны то же самое проделать применительно к психике гА (гиперабстрагирующей). Опишем, разумеется, также сверяясь с действительностью, гиперабстрагирующую психику в той же последовательности, что и абстрагирующую.

Во-первых, носитель психики гА характеризуется запредельной возбудимостью и реактивностью и аномально повышенной эмоциональностью.

Во-вторых, гиперабстракционист чрезмерно активен в действительных проявлениях психики.

В-третьих, этому крайне возбудимому и чрезмерно активному человеку присуща аномально высокая скорость реагирования и скоропалительность в действиях.

В-четвёртых, для носителя гиперабстрагирующей психики характерно аномальное завышение значимости попавшего в зону его внимания раздражителя.

В-пятых, аномально завышая значимость приковывающего его внимание раздражителя, гиперабстракционист практически полностью «вытягивает» его из объективно существующей системы связей, тем самым напрочь затмевая им картину мира.

В-шестых, практически полностью «вытягивая» захвативший его внимание раздражитель, человек, располагающий психикой гА, в максимальной степени абстрагируется от других раздражителей, включая те, которые могут ему пригодиться при осуществлении коррекции.

В-седьмых, носитель психики гА, аномально завышая значимость «выхваченного» им раздражителя, перемещает его таким образом на ведущее место в иерархии раздражителей, запредельно повышая тем самым иерархичность системы раздражителей, составляющих в своей совокупности картину мира (делает эту картину особо контрастной).

Как и черты психики А, характеристики гиперабстрагирующей разновидности мы без затруднений обнаружим в психической действительности. За пределами нормы теория и практика также находятся в полном согласии.

Отталкиваясь от аномальных реалий и опираясь на теорию, мы легко составим формулу гиперабстрагирующей психики.

Такой психике атрибутивно присущи аномально повышенная возбудимость и реактивность, крайне высокая деятельная активность, ненормально высокая скорость реагирования, чрезмерное завышение значимости раздражителя, на котором сосредоточено внимание, полное «вырывание» раздражителя из массы других раздражителей, абсолютное отвлечение (абстрагирование) от всех прочих раздражителей.

Гиперабстрагирование является болезнью, проявляющейся (например, в сочетании с другими психическими аномалиями) в различных формах. Психиатрическая литература содержит описания немалого количества таких форм. Однако будучи щедрой на формы, психиатрия не интегрирует их в общий психический нуд гиперабстрагирования. Нам, конечно, надлежит это сделать.

Вы помните, что болезнями ориентации являются четыре базовые шизофрении (на рис. 7 они расположены в виде креста) на верхнем, концептуальном ярусе психики и четыре базовые эпилепсии — на нижнем (накладываясь одна на другую, базовые аномалии дают по четвёрке сборных заболеваний).

Мы можем предположить, что подобная раскладка имеет место и в блоке коррекции. Дальнейшее изложение покажет, что это действительно так.

Такая — «двухквартетная» — структура зоны болезни обусловлена двухпараметральным строением блока коррекции и поляризацией модульных и знаковых психик.

Пока мы обнаружили аномалии лишь на одной оконечности креста — на гиперабстрактном полюсе модульного множества психик.

Что это за болезни? Как их надо назвать? Под какой шапкой мы можем собрать различные формы гиперабстрагирования? Ответить на эти вопросы не составляет большого труда. Такими психическими болезнями на верхнем ярусе являются психозы, а на нижнем — невроты.

Перенесём теперь своё внимание на противоположный полюс модульного множества. Здесь мы не будем медлить с наименованиями находящихся на этом фланге психик. Поскольку данный полюс являет собой противоположность абстрактного, противоположности абстрагирующей и гиперабстрагирующей психик назвать совсем нетрудно. Это, соответственно, — конкретизирующая (психика К) и гиперконкретизирующая психика (психика гК). Их описания, думаю, подтвердят правомерность таких наименований.

Чем же характеризуется носитель психики К? Перечислю его основные показательные черты в той же последовательности, в которой был «разложен на косточки» абстракционист (а вы, уважаемый читатель, сравнивайте «косточки» конкретизатора с «косточками» абстракциониста).

Во-первых, носителя психики К отличают принадлежащие норме несколько завышенные заторможенность и инертность и, как следствие, достаточно заметная бесстрастность (приходится использовать это слово за неимением лучших антонимов термина «эмоциональность»).

Во-вторых, интересующий нас субъект, поскольку рассматриваемый им раздражитель его мало возбуждает, характеризуется не выходящей за границы нормы пассивностью в своей деятельности.

В-третьих, такому человеку свойственна в той или иной мере заниженная (но находящаяся в пределах нормы) скорость реагирования, как психического, так и действенного, или, попросту говоря, медлительность.

В-четвёртых, конкретчик из-за своей заторможенности склонен в той или иной степени занижать реальную значимость попавшего в его поле внимания раздражителя.

В-пятых, принижая значимость обделённого вниманием раздражителя, носитель рассматриваемой психики в определённой степени «вмазывает» данный раздражитель в массу других и тем самым в какой-то мере распыляет своё «психическое зрение».

В-шестых, «вмазывая» попадающиеся ему раздражители в более или менее однородную (для него) массу других раздражителей, носитель занимающей нас психики, если можно так выразиться, в определённой степени расконкречивает рельефное мировое полотно (впрочем, как и его идеальное отражение) и в какой-то мере упраздняет различия между объективно значимыми и полезными ему в деле коррекции раздражителями и раздражителями мало-важными, второстепенными.

В-седьмых, характеризуемый нами конкретизатор, занижая значимость объективно важных, ключевых раздражителей, в той или иной степени понижает иерархичность мировой системы раздражителей, превращает её в более или менее однородную безликую массу.

Встречаются ли носители конкретизирующей психики в жизни? Несомненно. И не просто встречаются. Конкретчики представляют собой весьма значительную группу в составе психического сообщества. Видимо, эта группа численно не уступает абстракционистам. Она может казаться малочисленной. Это и понятно. Ведь инертные носители конкретизирующей психики малозаметны. Их неприметность несколько не мешает нам узаконить наименование «конкретизирующая психика».

Сконцентрировав внимание на главном в конкретизирующей психике, мы можем вывести её формулу.

Этой модульной разновидности психики атрибутивно присущи несколько повышенные (по сравнению со среднепсихическими) заторможенность и инертность, не выходящая за рамки нормы деятельная пассивность, некоторая медлительность, определённое занижение значимости попадающих в зону внимания раздражителей, не являющееся аномальным «вмазывание» объективно значимых раздражителей в массу других, недооценка объективно значимых раздражителей.

За пределами нормы пребывают гиперконкретизаторы. Как они выглядят? Подняв градус конкретизации и, конечно, опираясь на психическую действительность, мы легко составим портрет носителя психики гК.

Во-первых, интересующий нас субъект отличается крайней, аномальной заторможенностью восприятия и реагирования, запредельной инертностью, практически полным отсутствием эмоций, максимальной бесстрастностью.

Во-вторых, носитель гиперконкретизирующей психики, поскольку попавший в поле его «психического зрения» раздражитель практически его (носителя) не возбуждает, характеризуется близкой к абсолюту пассивностью.

В-третьих, такому человеку свойственна крайне низкая скорость реагирования и аномальная медлительность в действиях.

В-четвёртых, заторможенному носителю психики гК присуще радикальное (близкое к обесцениванию) занижение значимости наблюдаемого им раздражителя.

В-пятых, опуская до предела значимость наблюдаемого раздражителя, рассматриваемый нами субъект практически полностью «вмазывает» данный раздражитель в однородную массу других раздражителей и таким образом в сущности лишается «психического зрения».

В-шестых, полностью «вмазывая» попадающиеся ему раздражители в однородную (для него) массу, интересующий нас человек практически до предела расконкречивает мир (как внешний, так и внутренний) и фактически упраздняет различия между объективно значимыми и маловажными раздражителями.

В-седьмых, гиперконкретчик, фактически упраздняя значимость раздражителей, по существу ликвидирует иерархичность воспринимаемого им мира, превращает мир в безликую серую массу.

Группировка носителей гиперконкретизирующих психик, как и все прочие психические группировки, спектрирована. В её составе можно найти, так сказать, мягких, не очень значительно удалённых от границы с нормой субъектов, но можно обнаружить и тех, кто балансирует на самом краю пропасти абсолютной заторможенности. Я старался описать более или менее законченного гиперконкретизатора, но не того, который занёс ногу над пропастью.

Гиперконкретизация в той же мере, что и гиперабстрагирование, является болезнью. Думаю, вряд ли кто — после данного мною описания носителя психики гК — будет оспаривать этот вывод.

К сожалению, авторы, описавшие (и назвавшие) те или иные частные проявления этой болезни, не смогли их собрать под одной шапкой. Но раз есть явление, должно быть и название.

Как мы назовём болезни психики гК? На этот вопрос мне не придётся отвечать — название у нас уже есть. Это — психозы и неврозы. Вы скажете, что такую «бирку» мы уже прикрепили к болезням противоположного полюса модульной шкалы. Да, это

так. Но поскольку психика и, следовательно, все её болезни поляризованы (вспомните шизофрению, эпилепсию, дислексии и дисграфии, болезни ума), было бы, по меньшей мере, странно, если бы психозы и неврозы являлись исключением.

Психика поляризована. Казалось бы, это её основополагающее свойство должно было «отпечататься» в изучающих её отраслях знания. Однако нет. У психологии и психиатрии перекосов столько же, сколько у психики параметров. Видя «громкие» отклонения и болезни, психология и психиатрия отказываются подходить с теми же мерками к их «тихим» аналогам.

Продолжим исследование модульной стороны психики. На очереди у нас — формула психики гК.

Гиперконкретизирующей психике атрибутивно присущи аномальная заторможенность и инертность, практически полная пассивность, исключительная медлительность, неразличение раздражителей по их значимости, лишённая каких бы то ни было выделяющихся пятен картина мира, как внешнего, так и внутреннего.

Теперь, поработав на флангах модульного рассредоточения психик, мы обратим свой взор на его середину. Здесь рассмотренные нами полярные психики уравнивают одна другую.

Носитель срединной психики, во-первых, весьма умеренно возбудим, реактивен и эмоционален и в той же мере заторможен, инертен и бесстрастен.

Во-вторых, этому человеку не свойственны ни повышенная деятельная активность, ни сколько-нибудь заметная пассивность.

В-третьих, привлёкшего наше внимания субъекта нельзя назвать как торопливым, так и медлительным в психических реакциях и действиях.

В-четвёртых, носитель срединной психики более или менее адекватно оценивает значимость раздражителей, не завышает её и не занижает.

В-пятых, средний, с модульной точки зрения, человек, не «вытягивая» и не «вмазывая» раздражители из массы и в массу других, стремится к восприятию мира как объективно данной целостности и поэтому практически не имеет изъянов «психического зрения».

В-шестых, психически обрабатывая какой-то раздражитель, «срединный субъект», отвлекаясь (абстрагируясь) от других раздражителей, тем не менее не выпускает их из зоны своего внимания.

Наконец, в-седьмых, психика характеризуемого нами человека наиболее правдиво (по сравнению с психиками А и К) отражает иерархию наполняющих мир раздражителей, не повышает и не понижает иерархичность системы раздражителей, составляющих мировое полотно.

Как мы назовём срединную модульную психику? У меня уже есть название, и вы, читатель, может быть, догадываетесь, какое. Если нет, вернитесь к только что прочитанным вами характеристикам «срединного субъекта». Все они построены по принципу весов. Во всех характеристиках одно понятие уравнивается другим, ему противоположным.

Так я поступил намеренно. Такое построение характеризующих «срединного субъекта» фраз, вообще-то говоря, чревато названием. Теперь-то вы уж точно догадались, каким. Срединную модульную разновидность психики мы назовём уравновешенной (У). Кстати, это слово промелькнуло в абзаце, предваряющем характеристику носителя психики, в которой уравниваются модульные крайности.

Это слово мы можем сделать, так сказать, заглавным и в формуле уравновешенной психики. Тогда её формула будет иметь следующий вид.

Психике У атрибутивно присущи тяготеющие к узкой норме противоположности, в ходе своей реализации в конечном счёте более или менее уравнивающие одна другую: возбудимость и заторможенность, реактивность и инертность, эмоциональность и бесстрастность, активность и пассивность, ускорение и замедление психических и действенных реакций, завышение и занижение значимости раздражителей, «вытягивание» и «вмазывание» раздражителей из массы и в массу других, абстрагирование от мира и его «расконкречивание», повышение и понижение степени иерархичности наполняющей мир системы раздражителей.

Ещё раз, уважаемый читатель, обращаю ваше внимание на то, что перечисленные в формуле противоположности не являются, если можно так сказать, кричащими. Все они лежат в пределах диапазона психики У.

Уважаемый читатель! Предполагаю, что, если вы были внимательны и работали над текстом, вы могли бы поставить на вид автору одно «существенное упущение» в описаниях занимающих нас в этой главе психик. А автор сам подставился под упрёк, разложив

характеристики носителей модульных психик аж по семи полочкам, ни на одной из которых не нашлось места для, возможно, главного, интегрирующего. Вы так считаете?

Что же мною «упущено»?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, скажу, что о своём «упущении» я знаю и что «упустил, возможно, главное» намеренно. Вставить в характеристики я его никак не мог.

Такой упрёк я слышал не раз. На каждом лекционном курсе, когда дело доходило до модульных психик, обязательно какой-нибудь дотошный слушатель, иногда тоном победителя, спрашивал: «Почему Вы ничего не сказали о темпераментах?».

Действительно, почему в своих лекциях (и в лежащей перед вами книге) я игнорирую темперамент? Почему он не упомянут хотя бы мимоходом? Ведь, вообще-то говоря, темперамент прямо-таки ложится в тему.

Давайте, разберёмся.

Учение (не теория!) о темпераментах появилось более двух тысяч лет назад. Его авторство принадлежит Гиппократу. По Гиппократу существует четыре темперамента: холерический, сангвинический, флегматический и меланхолический. На какой основе, с точки зрения Гиппократа, они возникают, вы можете узнать из соответствующей литературы. Но нам сейчас не важны послы учения двухтысячелетней давности.

Вторую жизнь, по крайней мере, у нас в стране, учение о темпераментах получило практически в наше время, с лёгкой руки И. П. Павлова. Изучая функции головного мозга на собаках, учёный пришёл к выводу, что животных по линии «возбудимость — заторможенность» можно разделить на четыре группы — две крайние и две центральные. Установив это (несомненно, не без влияния идей Гиппократа), Павлов распространил свой вывод на человека.

Учёный писал: «Мы с полным правом можем перенести установленные на собаке типы нервной системы... на человека. Очевидно, эти типы есть то, что мы называем у людей темпераментами».

Конечно, Павлов верно расположил «собачьи темпераменты» на оси «возбудимость — заторможенность». Но только лишь расположил найденные им типы нервной деятельности по указанной линии, тогда как учёному занимающую его линию должно структурировать, т.е. разбить на объективно требуемое число подразделений (интересно, сколько и какие типы нервной деятельности

были бы обнаружены Павловым, не будь над ним авторитета Гиппократов?).

С каким делителем нужно подойти к линии «возбудимость — заторможенность»? Как мы знаем, любое множество может быть разбито только на три части — две полярные, краевые и центральную, серединную.

Рядоположение практически всегда является субъективным, хватающимся за какие-то внешние, лежащие на поверхности черты или же, как в нашем случае, зависимым от каких-либо авторитетов (с рядоположенной периодизацией вселенского процесса мы столкнулись в первой главе). Поэтому рядоположенных «растяжек» по какой-то линии может быть некоторое количество. Структурирование, будучи выражением сущности явления, не может быть поливариантным.

Если бы темпераментов было выделено три и, главное, они соответствовали бы нашей — опирающейся на объективное положение вещей — раскладке, я охотно бы взял учение о темпераментах (правда, в таком случае это было бы уже не учение, а теория) на вооружение. Но, думаю, вы согласитесь со мною, читатель, в использовании недоброкачественного оружия нет никакого смысла.

Не могу удержаться от одного, на мой взгляд, весьма актуального замечания. Часто даже честный и талантливый исследователь оказывается замороженным мнением какого-то «непререкаемого» авторитета или «устоявшейся истиной». Хорошо, если с годами приходит понимание того, что истину нужно искать не в книгах (это не значит, что их не надо читать), а в жизни, в объективной действительности. Печатные тексты, как я считаю, выполняют в основном две функции. Во-первых, занимаясь разработкой какой-либо проблемы, от них можно оттолкнуться (как в положительном, так и в отрицательном смысле) и, во-вторых, из книг и журналов можно почерпнуть необходимый для работы фактический материал (достоверность которого надо ещё проверять и перепроверять).

Впрочем, мы немного отвлеклись. Вернёмся к модульной психике. Разговор о ней ещё не закончен.

Описав три нормальные разновидности (А, У и К) и две аномальные (гА и гК), мы систематизировали модульную психику. Но только словесно. Теперь слово неплохо было бы подкрепить... Нет, не делом. Делом его подтверждает действительность, психическая действительность. Все без исключения предложенные вам

теоретические выкладки прошли сверку с практикой. Слово мы подкрепим «графическим портретом» модульной раскладки. Рисунок, который я хочу предложить вам, читатель, будет во многом аналогичен рис. 4 из шестой главы.

В четвёртой главе была изображена модель психики (рис. 3). Для работы над «портретом» модульной раскладки нам потребуется та часть модели, которая была выделена для блока коррекции, а именно, лобовая поверхность (плоскость) кубика. Но прежде, чем заняться рисованием на этой поверхности, мы проделаем ряд preparatory операций.

Во-первых, лобовую поверхность мы повернём «лицом» (лбом) к нам и увеличим.

Во-вторых, одну из принадлежащих этой плоскости осей мы определим как модульную. Пусть это будет горизонтальная ось. На её левом фланге мы разместим абстрагирующие психики, на правом — конкретизирующие, посередине — уравновешенные.

В-третьих, изображая психики, а за ними стоят их носители, мы, насколько это возможно, учтём их (психик и людей) реальное соотношение (оно в принципе соответствует соотношению ориентационных психик).

В-четвёртых, за границами нормы (с одной и другой стороны, слева и справа) мы поместим нездоровые психики — гиперабстрагирующие и гиперконкретизирующие (их носителей так же, как и носителей аномальных ориентационных психик, совсем немного, по крайней мере, в десяток раз меньше, чем носителей нормальных краевых).

В-пятых, наконец, изображённые на рисунке психики, как нормальные, так и аномальные, мы снабдим соответствующими буквенными кодами (гА, А, У, К, гК).

В результате у нас получится следующая картинка (слева изображён кубик до разворота, увеличения и последующих операций) [рис. 11].

Завершая главу, как и при завершении шестой, я должен сделать два замечания.

Во-первых, границы между найденными в этой главе модульными разновидностями психик чётко выглядят лишь на бумаге. В жизни они размыты. Их расплывчатость обусловлена двумя факторами: атомарным строением психического сообщества и индивидуальной «вибрацией» составляющих его индивидов.

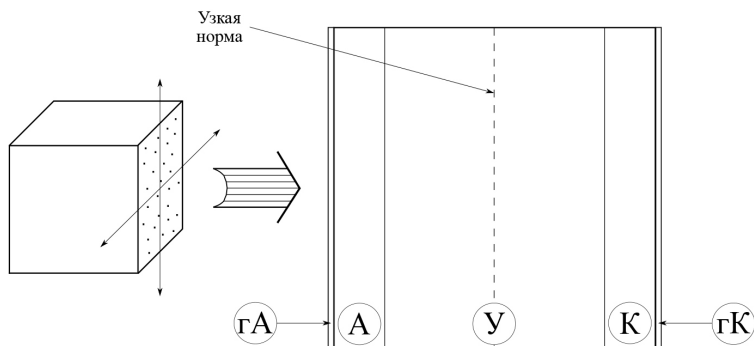

Рис. 11

Во-вторых, данная раскладка психик справедлива для средне-исторических условий. На крутых поворотах истории соотношение между разновидностями психик может меняться.

Неизменным остаётся только наше обыкновение подводить итоги главы. Что нам удалось добыть на этот раз?

1. В настоящей главе мы проделали половину работы по исследованию коррекционного блока психики. Предметом нашего внимания стала его модульная сторона.

Здесь — в соответствии с уже выработанным каноном — были выделены три нормальные модульные разновидности психики и две аномальные.

Все пять разновидностей были наделены аргументированными названиями и буквенными кодами.

Таким образом, на данный момент в нашем активе — уже четыре исследованных параметра психики из пяти. Мы ещё более приблизились к решению одной из важнейших задач психологии — определению психологических типов.

2. При рассмотрении модульной стороны психики на нашем пути возникла помеха, отодвинуть которую нам не составило большого труда. Я имею в виду учение о темпераментах.

Эта помеха нам интересна скорее не сама по себе, а постольку, поскольку из соприкосновения с разного рода учениями можно (и нужно) извлечь некоторые уроки. Отмечу те, которые нам преподадо учение о темпераментах.

Во-первых, любое серьёзное исследование (не только психологическое) должно опираться не на «непререкаемый

авторитет» каких-то учёных и не на «устоявшиеся» и «общепринятые» взгляды, не на субъективно выхваченное и «очевидное», а всецело на содержательный аспект реальной действительности.

Во-вторых, так как одной из важнейших основ любой теории является систематизация, для того, чтобы теория была адекватной действительности, её система с необходимостью должна быть выражением объективно существующей структуры предмета исследования, но никак не рядомположением поверхностно воспринимаемых компонентов.

3. Все модульные разновидности были охарактеризованы посредством описания их носителей. Каждое из описаний было выполнено в форме очереди присущих описываемому носителю свойств.

Вы заметили, что основополагающим свойством той или иной психики (оно идёт в описании первым номером) является возбудимость/заторможенность? Все остальные свойства составляют последовательность, заданную этим — базовым — свойством.

В отличие от ориентационных и исторических, психикам модульного измерения были даны более детальные характеристики. Это было сделано и для того, чтобы спровоцировать постановку вами, уважаемый читатель, вопроса «дотошного слушателя».

Главное, что характеризует модульные психики, было собрано в их формулах.

4. Описания запредельных психик совершенно определённо свидетельствуют о наличии у их носителей психических заболеваний. Весьма разнообразные по формам и различающиеся по тяжести модульные недуги мы свели к объединяющему их началу. Болезни, обусловленные сверхнормальными возбудимостью и заторможенностью, мы квалифицировали как психозы (для верхнего яруса психики) и неврозы (для нижнего яруса).

Психозы и неврозы, инициируемые крайней возбудимостью и заторможенностью, являются модульными. Знаковые психозы и неврозы нас ожидают в следующей главе.

5. В этой главе нам ещё раз представилась возможность указать на «плохое зрение» психиатрии, зрячей по части

«громких» психозов и неврозов и подслеповатой в отношении «тихих».

Не напоминает ли вам такая психиатрия субъекта, «вытягивающего» какой-то раздражитель и затмевающего им все остальные?

6. Нарботки данной главы были переведены в графику.

Вы заметили, уважаемый читатель, что всё сделанное нами в этой работе по мере поступления подвергается графической интерпретации? На мой взгляд, «начертательная психология», выступая в качестве подспорья «психологии эпистолярной», позволяет лучше разобраться в психике.

ГЛАВА XIII

ЗНАКОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПСИХИКИ

Большинство людей огромную массу вещей, явлений и образов, в зависимости от их потребительских качеств, делит на три разряда.

Одни разряд включает в себя всё полезное, приятное, надёжное, правдивое, словом, хорошее для человека (положительное, позитивное).

Другой состоит из вредного, неприятного, опасного, нежелательного, ложного или, иначе говоря, плохого (отрицательного, негативного).

Наполнением третьего и, надо сказать, самого объёмного, разряда является то, что человеку в той или иной степени безразлично.

Каждый разряд также является делимым. Внутри разряда человек выделяет более положительное и менее, более отрицательное и менее отрицательное, нейтральное, более тяготеющее к позитиву (негативу) и менее.

Оценивая раздражители, как я выразился в предыдущей главе, по их окраске, люди выстраивают их в своём сознании в виде поляризованной последовательности.

Ранее мы выяснили, что человек живёт в двух мирах — внешнем, реальном и внутреннем, идеальном. Сейчас нам представилась возможность расширить это определение. Мы можем сказать, что пристанищем человека являются поляризованные миры, как в плане окраски, так и в плане рассмотренной в предыдущей главе модульной значимости раздражителей.

В настоящей главе речь пойдёт об оценке человеком раздражителей по их, так сказать, окрасочной значимости, о восприятии психикой последовательности, на одном фланге которой собраны положительные, светлые раздражители, а на другом — отрицательные, мрачные (приуроченный к такому различению раздражителей параметр психики мы назвали знаковым). Но прежде мы выясним, правомерно ли употреблять применительно к психике слова, как может показаться, позаимствованные из лексикона художника.

Думаю, вполне правомерно. Ведь именно психика, а не художественное творчество или восприятие художественных произведений имеется в виду, когда мы, например, говорим «видеть в розовом свете» («смотреть сквозь розовые очки»), «светлые чувства», «яркая личность», «излучающий свет человек» и «тёмные силы», «чёрная зависть», «видеть в серых тонах» («смотреть сквозь тёмные очки»), «мрачное настроение». Так что знаковую последовательность раздражителей человек воспринимает не только простирающейся от самого положительного до самого отрицательного, но и видит растянувшейся от самого светлого до самого тёмного. Психолог, если речь идёт о знаковом восприятии, на мой взгляд, без оговорок может изъясняться и языком, свойственным живописцу. В дальнейшем мы воспользуемся выгодами нашего двуязычия.

Мир многообразен. По-видимому, нет человека, который бы воспринимал всю мировую целостность без каких бы то ни было изъятий. Один человек воспринимает одну грань мира, другой — другую. К тому же общество состоит из разных людей. Естественно, знаковое рассредоточение раздражителей у людей различается, зачастую, самым радикальным образом. Позитивное для одного человека может оказаться нейтральным и даже неприемлемым для другого.

Скажем, обыватель, случайно услышав о новой постановке талантливого режиссёра, наверняка нисколько не возразит и не огорчится, тогда как театрал воспримет эту новость с удовлетворением. Или, например, лесоруб после рабочего дня, проведённого на морозе, не станет устраиваться на ночлег в сугробе, но «бичующий элемент» не сочтёт дискомфортной ночёвку под открытым небом на голых досках неподалёку от излучающего тепло газового факела.

Подобных примеров можно привести великое множество. Но нам они не интересны. Разве что можно принять к сведению такое расхождение приоритетов.

Интерес для нас представляют схожие друг с другом люди и к тому же воспринимающие одну и ту же грань мира. Как вы думаете, читатель, есть ли между такими людьми различия восприятия окрасочной значимости? И не какие-нибудь мелкие, а весьма значительные?

Оказывается, есть, и сейчас мы ими займёмся. Но сначала поделимся с числом разновидностей знаковых, ибо речь идёт о них, психик.

Полагаю, не сто́ит аргументировать необходимость триады таких разновидностей, в своей совокупности составляющих норму. Процедуру членения нормы применительно к другим параметрам психики мы проделывали уже не раз. Раскладка знаковых психик в принципе не отличается от раскладок ориентационных и исторических разновидностей. Думаю, так же понятно, что за пределами тройственной нормы лежат две аномальные разновидности.

Начнём с позитивного фланга знаковой шкалы. Занимающую его краевую психику, как это применительно к другим разновидностям делалось и раньше, мы также будем характеризовать через её носителя.

Носителю такой психики раздражители видятся в некоторой мере (не выходящей за пределы нормы) более позитивными и менее негативными по сравнению с их объективной знаковой значимостью. Такой человек склонен в той или иной степени приукрашивать действительность. На мир он смотрит сквозь розовые очки. В его взаимоотношениях с миром, как ему представляется, гармония в некоторой степени перевешивает дисгармонию. Позитивный взгляд на мир несколько облегчает психическую и деятельную нагрузку, падающую на рассматриваемого субъекта. Позитивиста меньше, чем среднего носителя знаковой психики одолевает психическая и физическая усталость, что благоприятствует, правда, не всегда продуктивной, психической и практической деятельности.

Как, уважаемый читатель, вы назовёте нормальную психику, заставляющую её носителя воспринимать мир окрашенным в светлые тона? Не сомневаюсь, что, не задумываясь, вы скажете: конечно, оптимистичной. Да, согласен с вами, я набросал портрет оптимиста.

Думаю, понятно, что, находясь за пределами нормы, с оптимистичной психикой (психикой О) соседствует гипероптимистичная психика. Набросаем теперь портрет её носителя.

Носителю психики гО окружающие его положительные раздражители представляются в высшей мере позитивными, а объективно негативные зачастую окрашиваются таким человеком даже в светлые, вплоть до ярких, тона. Гипероптимисту свойственно радикально приукрашивать действительность. Его «очки» имеют интенсивную розовую окраску. Свои взаимоотношения с миром занимающий нас субъект считает в высшей мере гармоничными.

Даже значительная психическая и физическая нагрузка практически не утруждает более чем оптимиста. Он может без усталости действовать, правда, как правило, — в силу своих превратных представлений о мире — крайне непродуктивно, формально.

Найдём ли мы описанных субъектов среди окружающих нас людей? Несомненно. С оптимистами разного накала, полагаю, знаком каждый. Может быть, и вы, мой читатель, входите в число неунывающих натур? Гипероптимистов намного меньше. Но, с другой стороны, их количество не так мало, чтобы считать гипероптимистичную психику исключением. Такая психика представляет собой «полноправную» и, разумеется, аномальную, знаковую разновидность.

Носители гипероптимистичных психик являются психически больными. Какие им свойственны расстройства? Вообще-то говоря, общий диагноз находящимся за границами коррекционной нормы мы уже поставили. Болезнями, привязанными к блоку коррекции, являются психозы и неврозы. В предыдущей главе мы обнаружили такие заболевания на полюсах модульной оси. Сейчас, занимаясь одним из знаковых полюсов, мы нашли «светлый» психоз и такой же невроз. Этими болезнями поражены, соответственно, верхний и нижний ярус психики находящегося за пределами знаковой нормы субъекта.

На противоположном полюсе знаковой оси через минуту мы обнаружим «тёмную парочку» болезней. Поручкой тому служит поляризация психики.

Чтобы закончить с оптимистическим флангом, выведем формулы описанных знаковых разновидностей.

Оптимистичной психике атрибутивно присущи некоторый сдвиг раздражителей в позитивную сторону, определённое приукрашивание действительности, ощущение гармонии с миром, более или менее заметное благодное чувство раскрепощённости.

Формула психики гО отличается от формулы оптимистичной психики в той степени, в какой болезнь отличается от лежащих в норме отклонений. Формула больной психики рассматриваемого нами фланга имеет следующий вид.

Гипероптимистичной психике атрибутивно присущи решительный сдвиг раздражителей в позитивном направлении, совершенно нереальное приукрашивание действительности, упоение кажущейся гармонией с миром, экстатическое чувство раскрепощённости.

После работы на оптимистическом фланге знакового рассредоточения психик логика исследования заставляет нас заняться противоположностями описанных разновидностей. Такими противоположностями, назову их до описания, являются лежащая в норме пессимистичная (П) и аномальная гиперпессимистичная (гП) психика.

Носителю первой из них попадающие в поле его «психического зрения» раздражители представляются в некоторой степени более негативными и менее позитивными по сравнению с их объективной знаковой значимостью. Для пессимистичного субъекта действительность оказывается подкрашенной холодными, мрачными красками. Мир кажется ему неуютным и дисгармоничным. Негативный взгляд на действительность в какой-то мере увеличивает падающую на такого человека психическую и деятельную нагрузку. Пессимист достаточно часто испытывает усталость от кажущегося ему однообразия и серости жизни. Особенности натуры «нормального негативиста» снижают эффективность его психической и практической деятельности.

Соседствующий с пессимистом, но уже находящийся за границами нормы носитель гиперпессимистичной психики приписывает негативным раздражителям крайне отрицательные свойства, а на объективно нейтральные и положительные раздражители он наносит значительный слой серой или даже чёрной краски. На мир гиперпессимист смотрит так, как будто между его психикой и реальной действительностью находится интенсивно закопчённое стекло. Мир кажется ему крайне дисгармоничным, малоприспособленным для жизни и даже враждебным. Незначительная психическая нагрузка свинцовой тяжестью ложится на его плечи. Действенные проявления психики такого человека крайне непродуктивны.

Вместе с гиперпессимистом мы обнаруживаем ещё одну — присущую ему — психическую болезнь. Этой болезнью является «тёмный» психоз (на нижнем, неконцептуальном ярусе психики — «тёмный» невроз).

Встречаются ли пессимисты со своими изъянами и гиперпессимисты со своими болезнями в действительности, в жизни? Несомненно. Не думаю, что факт их наличия в психическом сообществе требует доказательств.

Чтобы картина пессимистического фланга была полной, нам, наверное, надо составить формулы пессимистичной и гиперпессимистичной психики. Как это делалось и раньше, в формулах мы

соберём то главное, что характеризует эти психики. Предлагаю вам формулы в следующей редакции.

Пессимистичной психике атрибутивно присущи определённый сдвиг раздражителей в негативную сторону, некоторое омрачение действительности, ощущение той или иной степени дисгармонии с миром, более или менее заметное гнетущее чувство тревожности.

Гиперпессимистичной психике атрибутивно присущи радикальный сдвиг раздражителей в негативную сторону, существенное омрачение действительности, острые переживания на почве дисгармонии с миром, приписывание миру качества агрессивной враждебности, а себе — крайней незащищённости и уязвимости.

К настоящему моменту мы «обработали» двадцать четыре психические разновидности из двадцати пяти существующих (по пять в рамках каждого из пяти параметров психики). Осталась последняя — срединная знаковая. Наблюдая психическое сообщество и отталкиваясь от описаний оптимистичной и пессимистичной психики, описать её носителя не составляет никакого труда.

Срединный субъект воспринимает раздражители в более или менее полном соответствии с их знаковой значимостью, не покрывает их ни позитивной, ни негативной ретушью. Его взгляд на мир не искажают очки, ни розовые, ни тёмные. Реальная знаковая действительность вполне адекватно отражается в его психике. Естественно, что такое — адекватное — отражение благотворно сказывается на психической и деятельной продуктивности носителя срединной знаковой психики.

Как мы назовём срединную разновидность? На мой взгляд, удачное слово мелькнуло в описании её носителя. Вы заметили это слово, читатель? Конечно же, реальная действительность без искажений отражается в голове... реалиста. Назовём срединную разновидность реалистичной, а её носителя — реалистом. Занята ли у нас буква «Р»? Нет. И по этому, так сказать, кодовому критерию данное название нас вполне устраивает.

Теперь, когда знаковые психики рассмотрены, мы можем закрепить сделанное их совместным «портретом». В качестве «холста» мы используем лобовую поверхность кубика, являющуюся графической интерпретацией блока коррекции. В предыдущей главе мы изобразили на этой поверхности модульные психики. Эти психики были нанизаны на горизонтальную ось (её мы определили как модульную).

Знаковой осью у нас будет вертикаль. Сверху мы поместим оптимистичную психику, снизу — пессимистичную, а между ними — реалистичную.

Как и при изображении модульных психик, мы учтём реальное соотношение знаковых. Понятно, что «выделенные полосы» для оптимистов и пессимистов будут уже, чем полоса, предназначенная для реалистов. Вы знаете, уважаемый читатель, что краевые подмножества всегда численно беднее центрального.

За границами нормы, сверху и снизу, у нас будут размещены аномальные (нездоровые) психики — гипероптимистичная и гиперпессимистичная.

Естественно, все психики мы пометим буквенными кодами (гО, О, Р, П, гП).

Вот какой у нас получится рисунок (слева вы видите «выкадрированный» из рис. 3 кубик до разворота и прочих названных операций [рис. 12]).

А сейчас, уважаемый читатель, мы с вами с рисунками коррекционных психик (рис. 11 и 12) сделаем в принципе то же самое, что в восьмой главе делали с изображениями ориентационных разновидностей. Иначе говоря, мы совместим «портреты» модульных и знаковых психик. Порознь модуль и знак фигурируют лишь в теории. В жизни человек любой встретившийся ему раздражитель

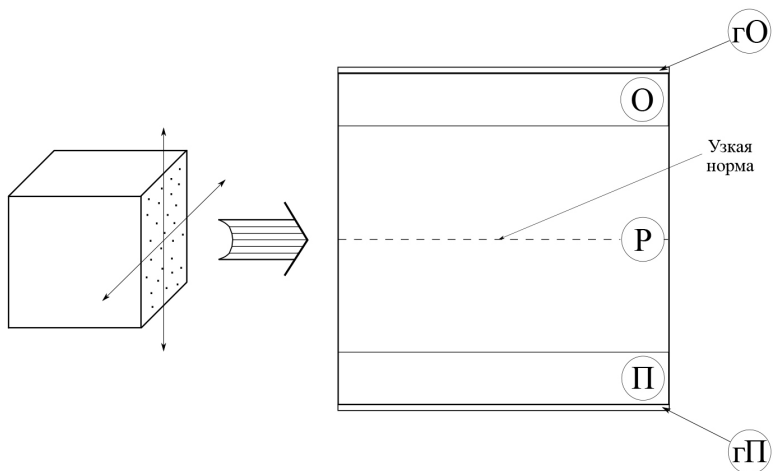

Рис. 12

оценивает как по модулю, так и по знаку, как по абсолютной значимости, так и по окраске. Таким образом мы получим коррекционные психические типы. Но, как и в восьмой главе, не все.

В совмещаемые картинки мы внесём уже известные вам изменения.

Во-первых, каждую триаду нормальных коррекционных разновидностей (модульную и знаковую) мы будем рассматривать как единое целое, т.е. мы соединим А, У и К, а также О, Р и П.

Во-вторых, все полосы-психики (как нормальные, так и аномальные) мы сделаем равными по ширине, т.е. пренебрежём реальными соотношениями между изображаемыми разновидностями.

Эти графические преобразования позволят нам лучше обозреть (и понять) болезненное окаймление нормы коррекции. На совмещённом рисунке все болезни коррекции будут, по крайней мере, хорошо видны.

Как вы думаете, сколько существует таких болезней? Вы правы, если считаете, что в природе имеется всего лишь квартет базовых психозов и неврозов и квартет сборных. Прийти к такому выводу заставляет строение блока коррекции. Как вы помните, читатель, таким же, двухпараметральным и поляризованным строением блока ориентации обуславливается аналогичный ассортимент шизофрений, эпилепсий и дислексий/дисграфий.

Но не будем забегать вперёд. Посмотрим сначала на совмещаемые рисунки (а за ними стоят требующие совмещения по отдельности рассмотренные психики) [рис. 13].

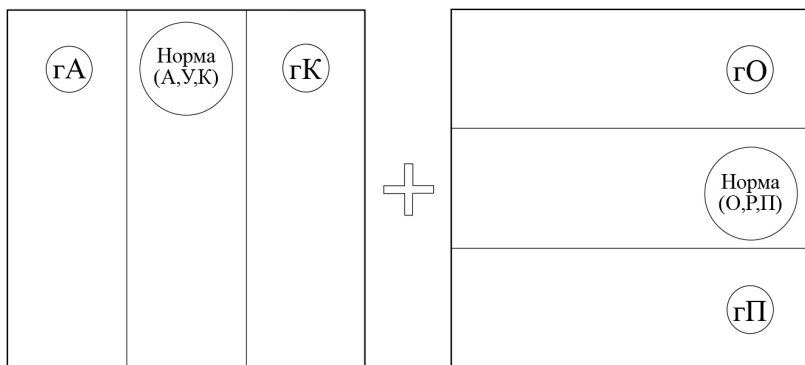

Рис. 13

Вот теперь мы можем, рассмотрев результат совмещения, с ним поработать [рис. 14].

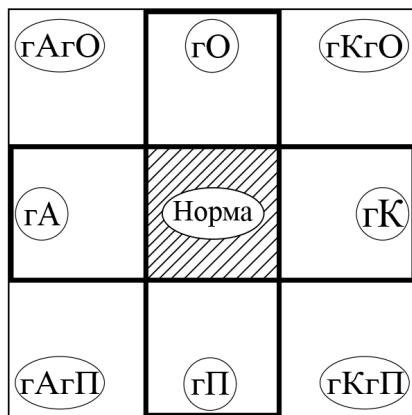

Рис. 14

Что мы имеем?

Во-первых, норму, находящуюся в окружении болезней — психозов и неврозов. Любое отступление за пределы нормы (по любому атрибутивному свойству той или иной коррекционной разновидности психики) чревато психической болезнью.

Во-вторых, мы графически (ранее это было сделано словесно) расклассифицировали все мыслимые (и встречающиеся в жизни) коррекционные аномалии. Четыре аномалии являются базовыми (или чистыми). На рисунке они составляют крест с выемкой посередине. Ещё четыре представляют собой сборные болезни, являющиеся различными сочетаниями базовых.

Как и следовало ожидать, классификация коррекционных заболеваний психики аналогична классификации ориентационных.

Надеюсь, вы помните, читатель, что выдвинув на первый план их носителей, мы кратко охарактеризовали аномалии ориентации (шизофрении). Так же мы поступим и с болезнями коррекции. И начнём тоже с центрального верхнего квадрата (гO), перемещаясь от него по часовой стрелке. Располагая описаниями ущербных психик, вы легко можете расширить мои краткие характеристики.

Итак, приступим.

Носителями психики гО являются страдающие «светлыми» психозами и невротами (в дальнейшем слово «невроты» я буду опускать) натуры, радикально (запредельно) приукрашивающие действительность.

Носителями психики гКгО являются страдающие сборными («светлыми тихими») психозами натуры, радикально приукрашивающие и запредельно расконкречивающие действительность.

Носителями психики гК являются страдающие «тихими» психозами натуры, запредельно расконкречивающие действительность.

Носителями психики гКгП являются страдающие сборными («тёмными тихими») психозами натуры, радикально омрачающие и запредельно расконкречивающие действительность.

Носителями психики гП являются страдающие «тёмными» психозами натуры, радикально омрачающие действительность.

Носителями психики гАгП являются страдающие сборными («тёмными громкими») психозами натуры, радикально омрачающие действительность и сводящие её к «вырываемому» раздражителю.

Носителями психики гА являются страдающие «громкими» психозами натуры, сводящие действительность к «вырываемому» раздражителю.

Носителями психики гАгО являются страдающие сборными («светлыми громкими») психозами натуры, радикально приукрашивающие действительность и сводящие её к «вырываемому» раздражителю.

Мы сделали круг по периферии коррекционного психического сообщества. Центру же мы не уделили внимания. А ведь это — зона дислокации носителей нормальных коррекционных психик А, У, К, О, Р и П. В каких переплетениях они существуют? Сколько таких переплетений? Покажу все мыслимые (и имеющие место в действительности) переплетения на рисунке [рис. 15].

В восьмой главе были охарактеризованы все девять нормальных ориентационных переплетений (нормальных ориентационных психологических типов). Что касается нормальных коррекционных типов, я воздержусь от этой — характеризующей данные типы — работы. Предлагаю вам, уважаемый читатель, составить характеристики носителей обозначенных буквенными кодами нормальных психик. Это — не очень сложная работа. Во-первых, вам

АО	УО	КО
АР	УР	КР
АП	УП	КП

Рис. 15

даны буквенные коды, а за каждой буквой стоит какая-то, описанная психика. Во-вторых, за формальный образец вы можете взять характеристики носителей нормальных ориентационных психик. Так что берите бумагу, ручку и идите по кругу. Достоинство ведь сделать то, что до вас, кроме автора, ещё никто никогда не делал.

Я же, в качестве дополнения к главе, займусь ликвидацией вишащего на мне долга.

Дело в том, что в начале книги мною было вывешено ружьё, которое до сих пор, а наша работа подходит к концу, так и не выстрелило. Я говорю о градациях, как нормальных, так и аномальных, общественной психики, которые в принципе аналогичны градациям психики индивидуальной. Видимо, сейчас нам представилась последняя возможность осветить этот вопрос. Бросим беглый взгляд, что в данной главе вполне уместно, на некоторые общественные аналоги индивидуальных знаковых психик.

Но сначала подготовим для этого почву — разместим на исторической оси так называемые формы общественного сознания (для нас, занимающихся психологией, они являются формами общественной психики). Такими, соседствующими исторически по направлению от иррационального к логическому являются суеверия и религия, искусство и литература, знание и наука. В составе каждой формы мы без труда обнаружим светлый, оптимистический полюс и тёмный. пессимистический. Начнём с суеверий.

Нейтральных суеверий сравнительно мало. Основную массу суеверий составляют позитивные и негативные. Ограничусь двумя

примерами. Так в среде девушек-студенток в настоящее время достаточно широко распространено убеждение, что подложенный под пятку пятак способствует получению высокого балла на экзамене. С этим общественным явлением, проявляющемся в некоторой хромоте (не только телесной, но и интеллектуальной) мне не раз приходилось сталкиваться во время экзаменационных сессий. Что касается студентов мужского пола, они больше полагаются не на магические силы, а на банальные шпаргалки, хотя, впрочем, как и девушки, страшатся билета № 13.

Не чуждо знаковое рассредоточение, в составе которого можно обнаружить даже резко выраженные противоположности, и различным религиозным учениям. Взять хотя бы занимающую не последнее место в христианстве тему райского блаженства и адских мук. Впрочем, подобное противопоставление О и П свойственно и другим религиям. Религии как целостности также могут склоняться как к одному, так и к другому знаковому полюсу. Нисколько не желая задеть чувств верующих, замечу, что, на мой взгляд, из четырёх мировых религий буддизм, благодаря своей более светлой окраске, в знаковом смысле противоположен исламу, тогда как иудаизм и христианство занимают срединное положение.

Особенно резко противопоставление оптимистического и пессимистического проявляется в искусстве. Эти противовесы вы без труда найдёте в музыке, балете, песенном творчестве... Особенно показательна в этом отношении, как мне представляется, живопись. Не поленитесь, уважаемый читатель, выйдите в Интернет и сравните, например, работы Михаила Нестерова и Лорана Парселье.

Как ни странно, но и в науке, особенно в обществоведческих дисциплинах, можно найти даже целые направления, склоняющиеся по знаку как в одну, так и в другую сторону. Правда, наукой, которая по определению является объективной (а объективность не имеет цвета), такие склонения, мягко говоря, назвать затруднительно. Совсем ещё недавно в СССР в фаворе были так называемые социальные оптимисты, с пафосом (это был их единственный «весомый аргумент») провозглашавшие безграничное развитие человечества, вечный коммунизм и прочую лубочную небывальщину. На Западе им противостояли алармисты (они пропагандируют свои идеи и сейчас), регулярно предрекавшие, напротив, беды и несчастья, в основном связанные с нарушением экологического баланса.

Формы общественной психики оказываются рассредоточенными и по другим осям. Как и в отношении окраски, в модульном преломлении психики и в контуре ориентации наличием противоположностей более всего характеризуется живопись. Безмолвный холст вынужден терпеть как гиперабстрактные и гиперконкретные экзерсисы, так и различные по сути своей шизофренические «шедевры». Их поисками (с последующей классификацией) вы, уважаемый читатель, можете заняться самостоятельно: на просторах Интернета, в художественном музее или перелистывая какой-нибудь альбом с репродукциями.

Если бы я занялся детальной разработкой общественно-психической проблематики, книга, наверное, вдвое увеличилась бы в объёме. К тому же мы уклонились бы от нашей цели. А мы ведь уже в полшаге от неё.

Эти полшага мы сделаем в следующей главе и в ней же достигнем поставленной цели.

Так что после итогов данной главы нас ждёт по сути дела итоговая глава книги.

1. В этой главе, занимаясь последним из пяти параметров психики, мы описали пять её знаковых разновидностей — три нормальные и две аномальные.

Нормальные психики мы назвали оптимистичной, реалистичной и пессимистичной, а аномальные — гипероптимистичной и гиперпессимистичной. Все наименования были закодированы. Дополнением нашего списка кодов стали гО, О, Р, П и гП.

В продолжение традиции краткого формулирования были составлены формулы краевых нормальных (О и П) и обеих аномальных (гО и гП) психик.

Таким образом, мы завершили работу по выявлению и описанию всех присущих человеку разновидностей психики. Нами рассмотрены двадцать пять таких разновидностей: по пять в составе каждого параметра (межмирового курсирования, переборного, исторического, модульного и знакового). Из двадцати пяти разновидностей пятнадцать являются нормальными (по три в рамках каждого параметра) и десять представляют собой (по две для каждого параметра) больные психики.

Теперь, после определённой подготовительной работы, которая откроет следующую главу, нам представится возможность (впервые в психологии!) — на прочном, адекватном

действительности теоретическом базисе — определить все свойственные человеку психологические типы.

2. Рассмотрев (в данной и предыдущей главе) блок психической коррекции, мы выявили все коррекционные заболевания. Эти заболевания были названы психозами (для верхнего, концептуального яруса психики) и неврозами (для нижнего, бездумного яруса). К выявленным в предыдущей главе «громким» и «тихим» психозам и неврозам в настоящей главе мы добавили «светлые» и «тёмные».

Коррекционных заболеваний оказалось всего восемь разновидностей — четыре базовых, чистых (их названия вы видите в предыдущем абзаце) и четыре сборных, представляющих собой различные комбинации базовых.

Все эти, теоретически (разумеется, с опорой на практику) выведенные болезни коррекции (впрочем, как и все описанные разновидности модульных и знаковых психик), и только эти болезни (и только описанные разновидности коррекционных психик) встречаются в жизни, в психической действительности. Никаких иных коррекционных аномалий (и коррекционных разновидностей психики) в природе не существует.

Как видите, ассортимент и, так сказать, раскладка коррекционных заболеваний принципиально не отличается от набора и распределения ориентационных. Такая конфигурация зоны болезни обусловлена двухпараметральностью блоков коррекции и ориентации и поляризацией психики.

3. Все коррекционные аномалии были не только и не просто выявлены, а кратко охарактеризованы. Это мы сделали, выдвинув на первый план их носителей.

Надеюсь, уважаемый читатель, сверяя составленные мною характеристики с психической действительностью, вы укрепились в мысли, что они (как и вся наша работа) не являются плодом голого теоретизирования.

4. В составе нормы коррекции мы обнаружили девять коррекционных психологических типов. Как вы помните, норма ориентации состоит из такого же числа типов.

Если нормальные ориентационные психологические типы были охарактеризованы (в восьмой главе), то характеристики нормальных коррекционных я оставил вам, уважаемый читатель, для самостоятельной работы. Не сомневаюсь, что

имея в своём распоряжении описания коррекционных психик, легко с ней справитесь.

5. В данной главе чертёжная составляющая нашей работы была доведена почти до конца.

Почему «почти»? Потому что в общем-то зрелые плоды этой работы так и остались разбросанными по нескольким главам. И я не собрал их воедино. Такая вот недоделка.

Но вы, уважаемый читатель, эту недоделку (правда, допущенную мною намеренно) можете легко ликвидировать. Для этого надо всего лишь, несколько увеличив графическую модель психики (рис. 3), расположить её (модель) на те разновидности, что были найдены нами в ходе анализа блоков психики. Это, если позволите, — ещё одно задание для вашей самостоятельной работы.

Сведя все графические интерпретации блоков воедино, вы преобразуете «почти» в «полностью». Думаю, это упрочит ваши представления о психике как о многофакторном явлении.

6. Сверх темы главы мы бросили взгляд на общественную психику, которая, как было заявлено в начале книги, по своему строению аналогична психике индивидуальной. Думаю, остановив своё внимание лишь на знаковом рассредоточении некоторых форм общественной психики, мы в этом убедились.

В ориентационном, интеллектуальном и модульном плане общественная и индивидуальная психика также демонстрируют полное принципиальное соответствие.

При желании, уважаемый читатель, вам нетрудно будет убедиться и в этом.

ГЛАВА XIV

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Психика — пятипараметральное явление. Нами рассмотрены все её параметры. В рамках каждого найдены внутрипараметральные вариации (их мы назвали разновидностями психики). Теперь, казалось бы, взяв какую-либо разновидность, принадлежащую одному параметру, и соединив её с разновидностями, принадлежащими другим параметрам, можно составить какой-то психологический тип. Мы даже можем заранее подсчитать, сколько наберётся таких — психологических — типов.

Нет, уважаемый читатель, к составлению психологических типов приступать ещё рано. Вы интересуетесь, почему? Потому что до сих пор мы подходили к человеку, абстрагируясь от колебаний его психики, от индивидуальной психической «вибрации». Человек рассматривался нами в статике (и по средним проявлениям своей психики). Образно говоря, мы фотографировали его в «средних позах» в разных (в двадцати пяти) психических ракурсах. Сейчас мы посмотрим на человека как на носителя подвижной, «вибрирующей» психики. Это и будут те отделяющие нас от составления психологических типов полшага, о которых я говорил ранее.

Психика, и этот вопрос мы обсуждали во второй главе, подобна маятнику. Наверное, читатель, из школьного курса физики вы помните, что маятниковое движение характеризуется, во-первых, амплитудой и, во-вторых, частотой. Что касается «психического маятника», в принципе в этом смысле он раскачивается так же, как и механический — с определённой амплитудой и частотой. Его раскачивание в основе своей бесхитроно. Так что с психической «вибрацией», надо полагать, мы разберёмся без каких бы то ни было затруднений.

Вы, конечно, понимаете, что говоря о сходстве раскачивания психики и движения маятника, я их не отождествляю. Психика несколько сложнее грузика, качающегося на нитке.

Психическая «вибрация» достаточно детально была описана во второй главе. В дополнение к сказанному замечу, что движение «психического маятника», в отличие от механического, может быть не только нормальным, но и аномальным, болезненным. Грузик застрахован от болезней, психика в своей «вибрации» — нет.

Какие аномалии подстерегают раскачивающуюся психику? Их два сорта: амплитудные и частотные. Амплитуда «психического маятника» может быть не только нормальной, но также сверхбольшой (более чем нормальной) и сверхмалой. В подобных аномальных формах реализует себя и частота. Как и амплитуда, она может быть, наряду с нормальной, сверхбольшой и сверхмалой. Наличие таких разновидностей как амплитуды, так и частоты, с теоретической точки зрения, несомненно. Имеют ли место триады амплитуд и частот на практике? Да, на этот вопрос психическая действительность даёт положительный ответ.

Понятно, что амплитуда и частота психической «вибрации» не существуют порознь. В колебательном движении психики какая-то амплитуда всегда соединена с какой-то частотой. Мы взяли (в предыдущем абзаце) три объективно данные формы амплитуды и три (также объективно данные) формы частоты. Сколько соединений они могут дать? Теоретически, девять. Практически... Впрочем, с практической стороны дела мы пока повременим.

Я заинтриговал вас, читатель? Чтобы разрешить интригу, нам, по-видимому, следует рассмотреть все девять теоретически мыслимых амплитудно-частотных соединений. Но прежде для всех разновидностей амплитуды и частоты мы введём буквенные обозначения (через некоторое время они займут место в таблице, которую я предложу вам заполнить самостоятельно). Не спутайте, пожалуйста, эти обозначения с ранее введёнными в оборот буквенными кодами различных разновидностей психик.

Обозначением сверхбольшой амплитуды у нас будет «сБА», нормальной амплитуды — «НА», сверхмалой амплитуды — «сМА», сверхбольшой частоты «сБЧ», нормальной частоты — «НЧ», и сверхмалой частоты — «сМЧ». Для удобства работы с таблицей характеристики амплитудно-частотных соединений я буду нумеровать.

Начнём, пожалуй, с соединения нормальной амплитуды со сверхбольшой (аномальной) частотой.

[1]. Такое соединение (НА+сБЧ) заставляет нормально разнесённые противоположные психические состояния из-за ненормально высокой скорости их смены по сути дела сочетаться, даже, если хотите, слипаться. Иначе говоря, на поверку здесь мы имеем **сочетание** *нормально разнесённых противоположностей*. Замечу, что нормальная амплитуда может иметь место не только в пределах здоровой психики. Вообще, любая амплитуда, как нормальная, так и аномальная, не знает границ между выявленными нами разновидностями психики.

[2]. Если же со сверхбольшой частотой мы соединим и сверхбольшую амплитуду, то, и думаю, это понятно, в таком случае (сБА+сБЧ) перед нами предстанет психика, характеризующаяся **сочетанием** *аномально разнесённых противоположностей*. Их разнос, ибо амплитуда не знает границ, возможен в любом месте «психического поля».

[3]. В случае соединения сверхбольшой амплитуды с нормальной частотой (сБА+НЧ) аномально разнесённые психические состояния должны сменять одно другое, так сказать, в обычном порядке или, иначе говоря, нормально чередоваться. Формулой такого сопряжения является **«чередование** *аномально разнесённых противоположностей*».

[4]. Сверхбольшую амплитуду нам осталось соединить только со сверхмалой частотой (сБА+сМЧ). Поскольку частотой из-за её мизерности мы можем пренебречь, перед нами окажется по сути дела застывшая (в каком-то состоянии) психика. В этом случае мы имеем **фиксацию** *какого-то определённого психического состояния* (в рамках лишь теоретически мыслимой сверхбольшой амплитуды).

[5]. Следующее соединение (НА+сМЧ) отличается от предыдущего только сужением (из-за уменьшения теоретически мыслимой амплитуды) области, где возможна **фиксация** *какого-то определённого психического состояния* (такая фиксация может иметь место лишь в рамках теоретически мыслимой нормальной амплитуды).

[6]. Идём дальше. Видимо, без комментариев понятно, что сопряжение сверхмалой амплитуды и частоты (сМА+сМЧ) способно дать только **фиксацию** *какого-то определённого психического состояния* (на этот раз в «рамках» сверхмалой амплитуды, т.е. амплитуды мизерной, практически нулевой).

[7]. Теперь мы соединим сверхмалую амплитуду с нормальной частотой (сМА+НЧ). Ясно, что в этом случае сверхмалая амплитуда, если можно так сказать, поглотит частоту, сделает её неосуществимой и обусловит ещё одну, аналогичную предыдущей, **фиксацию** какого-то определённого психического состояния.

[8]. Ещё одна **фиксация** какого-то определённого психического состояния, подобная двум предыдущим, вырисовывается при соединении сверхмалой амплитуды и сверхбольшой частоты (сМА+сБЧ). Полагаю, вы уяснили, читатель, что при сверхмалой (стремящейся к нулю) амплитуде частота практически не играет никакой роли.

[9]. Из девяти мыслимых сопряжений амплитуды и частоты нам осталось произвести последнее. Это — соединение нормальной амплитуды и нормальной частоты (НА+НЧ). При таком соединении мы имеем норму индивидуальной «вибрации», т.е. **чередование** нормально разнесённых противоположностей.

Такое соединение присуще подавляющему большинству людей, с немалой долей вероятности и вам, мой читатель. Думаю, ввиду его распространённости нам не требуется обращаться к психической действительности, чтобы практикой подкрепить теорию. Другое дело, остальные — аномальные — сопряжения. Их мы обязательно поищем, и, уверен, найдём в жизни. Поиски реальных «вибрационных» аномалий (а их на наше, если можно так выразиться, теоретическое счастье оказалось не восемь, а всего лишь три: сочетание (вплоть до слипания) противоположных психических состояний, чередование аномально разнесённых противоположностей и фиксация какого-то определённого психического состояния) мы отложим на некоторое время.

Сначала мы упорядочим наши теоретические наработки. И сделаем это, сведя их в следующую — универсальную (ибо она годится для всех пяти параметров психики) — таблицу [рис. 16].

Вообще-то я предоставил в ваше распоряжение не таблицу, а всего лишь её заготовку. Почему я так поступил? Мне хотелось бы, чтобы вы заполнили пустые клетки в отрыве от предшествующего текста, самостоятельно и обдуманно. Во-первых, написанное в результате собственных размышлений всегда лучше, чем просто прочитанное, и, во-вторых, интересно, совпадут ли ваши и мои выкладки. Между прочим, вопреки известной поговорке, мысли совпадают отнюдь не у дураков (извините меня за нескромность).

Част. Ампл.	сБЧ	НЧ	сМЧ
сБА	[2]	[3]	[4]
НА	[1]	[9]	[5]
сМА	[8]	[7]	[6]

Рис. 16

Если же, уважаемый читатель, вас не хватит на предложенную работу, вы можете в пронумерованные клетки просто перенести соответствующие — выделенные курсивом — формулы разобранных амплитудно-частотных соединений (видимо, для этого вам придётся увеличить заготовку в размерах).

В любом случае вы увидите (а наглядность — неоценимая помощница в деле познания), что, во-первых, центр таблицы занимает «вибрационная» норма (за которой стоит основной массив психического сообщества), а периферию — различные аномалии, во-вторых, болезней сочетания противоположных психических состояний две степени тяжести — менее [1] и более [2] тяжёлая, в-третьих, болезней чередования противоположных психических состояний всего одна разновидность [3] и, в-четвёртых, болезни фиксации определённого психического состояния [4,5,6,7,8], при некотором их различии, «просят» их свести к общему знаменателю. Не правда ли, интересная получилась раскладка «вибрационных» состояний?

А теперь мы отправимся на «психический простор» — на поиски «вибрационных» аномалий. Для того, чтобы узаконить предложенное вам теоретическое видение «вибрационного вопроса», мы должны обнаружить в реальной действительности три разновидности аномалий индивидуальной «вибрации», а именно, бо-

лезни сочетания и чередования противоположных психических состояний и болезни фиксации какого-то конкретного состояния психики.

Наиболее явно проявляющими себя и потому привлекающими внимание психиатрии являются болезни сочетания или, иначе говоря, сосуществования противоположных мыслей, чувств, состояний и обусловленных внутриспсихическими противоречиями диаметрально противоположных действий. Не имея возможности назвать все подобные расстройства, укажу, к примеру, на амбивалентность (амбивалентное мышление), полюсность эмоций, мышление Януса, внутриспсихический конфликт, садомазохизм...

Уцепившись за эти названия, вы, уважаемый читатель, через Интернет или, скажем, библиотечный каталог легко выйдете на психиатрическую литературу, где описываются соответствующие данным названиям заболевания. Все они (а я назвал лишь малую часть), не сомневаюсь, что вы со мной согласитесь, входят в найденную нами группу болезней сочетания противоположных психических состояний [1,2]. Разумеется, за психиатрическими диагнозами стоят реальные, страдающие недугами сочетания, люди. Так что в этом вопросе наша теория и психиатрическая практика находятся в полном согласии. Впрочем...

Впрочем, безапелляционно говоря о сочетании в психике противоположностей, я сознаю, что въедливый читатель может бросить в мой «теоретический огород» камешек критики. Спешу бросить его обратно.

Вообще-то устройство психики, ибо восприятие и реагирование одноканальны, не позволяет в представлениях человека одновременно существовать двум (и более), неважно, противоположным или нет, образам, чувствам, мыслям. С точки зрения теории, это несомненно. Но поскольку при амплитудно-частотном соединении [1,2] противоположности на огромной скорости сменяют в психике одна другую, а психика, что исключительно важно, не улавливает факта смены, на практике такая смена выступает в облике сочетания (вплоть до слипания) противоположностей. Думаю, я не сильно согрешил, назвав сверхбыструю смену состояний их сочетанием.

Будем считать, что критика отведена, и теперь мы можем посмотреть, как на практике обстоят дела с чередованием аномально разнесённых противоположностей.

Таких аномалий среди психических заболеваний, как и разного рода сочетаний, также наберётся немалое количество — от достаточно давно описанных циркулярного помешательства и циклотимии до различных биполярных психозов (например, счастья — страха или акинеза — гиперкинеза).

Пожалуй, наиболее известным заболеванием чередования является маниакально-депрессивный психоз (сокращённо: МДП). Такой психоз мы бы назвали «светло-тёмным». Не знаю, как вы, читатель, но я даже среди коллег не раз сталкивался со страдальцами по этой части.

Болезням фиксации психиатрия не придаёт такого значения, как аномалиям сочетания и чередования. Это и понятно — неизменные в своих психических проявлениях натуры, разве что кроме страдающих шизофренией и аффективных личностей, малоприметны. Своим поведением они заявляют о своём недуге зачастую только в неординарных условиях, которых, зная свой изъян, стараются избегать. Один такой человек, на лице которого постоянно прописана радость, как-то рассказал мне о найденном им способе не присутствовать на церемонии прощания с отошедшим в мир иной начальником. Весельчак намеренно (!) наступил на торчащий из доски гвоздь, насквозь проколол им ногу и в результате получил бюллетень. Печальная церемония, в его отсутствие «по уважительной причине», прошла в полном соответствии со всеми канонами жанра. А герой фиксации через несколько дней, прихрамывая, но с неуничтожимой улыбкой на лице, вышел на работу.

Как видим, все обнаруженные нами аномалии индивидуальной «вибрации» встречаются в психической действительности.

Перенесём теперь свой взгляд на норму «вибрации» [9]. Чередование нормально разнесённых противоположностей также, как и нормы ориентации, интеллекта и коррекции, имеют свою, внутреннюю структуру. Два параметра «вибрационной» нормы (амплитуда и частота) обуславливают её членение на девять подразделений-разновидностей. Сейчас, выдвинув на первый план носителя той или иной «вибрационной» разновидности, мы охарактеризуем каждую из них. Но сначала я покажу, как мы это сделаем (такой приём нами ещё не применялся).

Болезнь в виде зачатка появляется в норме. По мере приближения к границе нормы зачаток болезни всё более и более растёт

и развивается. На границе он становится отклонением, а перевалив через границу — аномалией.

Мы пойдём обратным курсом. Зная восьмёрку «вибрационных» аномалий, мы, понизив «вибрационный градус», определимся и с восьмёркой нормальных разновидностей. А девятая — центральная — разновидность определится в общем-то автоматически. Покажу это на нашей таблице, в которой центральный квадрат (норму) разделю на девять частей (разновидностей). «Обратные курсы» я обозначу стрелками [рис. 17].

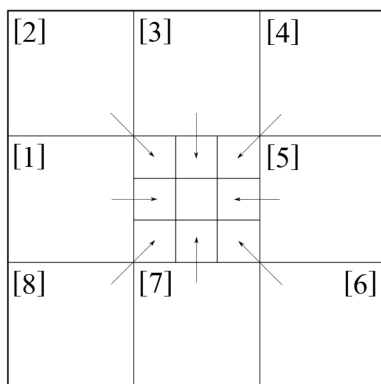

Рис. 17

Теперь мы, во-первых, вынесем из последнего рисунка, несколько её увеличив, норму [9] и, во-вторых, пронумеруем её разновидности. У нас получится заготовка для характеристики девяти «вибрационных» разновидностей, составляющих в своей совокупности норму «вибрации». Оформим её в виде таблицы, где «БА» будет обозначением большой амплитуды, «СА» — средней (срединной), «МА» — малой, «БЧ» — большой частоты, «СЧ» — средней и «МЧ» — малой. Думаю, табличная форма поможет нам без затруднений и максимально точно охарактеризовать нормальные «вибрационные» разновидности [рис. 18].

Характеризовать помеченные цифрами нормальные «вибрационные» разновидности, как я уже сказал, мы будем, выдвинув на первый план их носителей и отталкиваясь от известных нам «вибрационных» аномалий. Что ж, приступим, шествуя тем же курсом, что и при характеристике болезней «вибрации».

Част. Ампл.	БЧ	СЧ	МЧ
БА	[2a]	[3a]	[4a]
СА	[1a]	[9a]	[5a]
МЧ	[8a]	[7a]	[6a]

Рис. 18

Носителями «вибрационной» разновидности СА+БЧ [1a] являются умеренно противоречивые и быстро переменчивые натуры.

Носителями разновидности БА+БЧ [2a] являются противоречивые и быстро переменчивые натуры.

Носителями разновидности БА+СЧ [3a] являются противоречивые и умеренно быстро (не быстро и не медленно) переменчивые натуры.

Носителями разновидности БА+МЧ [4a] являются противоречивые и не скоро переменчивые натуры.

Носителями разновидности СА+МЧ [5a] являются умеренно противоречивые и не скоро переменчивые натуры.

Носителями разновидности МА+МЧ [6a] являются практически непротиворечивые и в своей малой противоречивости не скоро переменчивые натуры.

Носителями разновидности МА+СЧ [7a] являются практически непротиворечивые, но в своей малой противоречивости умеренно быстро переменчивые натуры.

Носителями разновидности МА+БЧ [8a] являются практически непротиворечивые, но в своей малой противоречивости быстро переменчивые натуры.

Наконец, носителями центральной нормальной разновидности СА+СЧ [9a] являются гармоничные в «вибрационном» плане (умеренно противоречивые и умеренно быстро переменчивые) натуры.

Теперь вы можете, взяв лист бумаги, начертить на нём таблицу и вписать в её клетки характеристики девяти нормальных «вибрационных натур». Зачем? Для того, чтобы с ними (характеристиками) поработать. Предлагаю в помощники взять цветные фломастеры или карандаши.

Вооружились фломастерами? Тогда выделите, пожалуйста, цветом (даже подскажу, каким) как относящиеся к амплитуде слова и выражения, так и относящиеся к частоте. «Амплитудную тройцу», а именно, «противоречивая» (для БА), «умеренно противоречивая» (для СА) и «практически непротиворечивая» (для МА) пометьте, соответственно, тёмно-синим или фиолетовым, синим и голубым цветом. А «частотные выражения» «быстро переменчивая» (для БЧ), «умеренно быстро переменчивая» (для СЧ) и «не скоро переменчивая» (для МЧ) отметьте тёмно-красным или бордовым, красным и розовым.

Как, уважаемый читатель, прикоснулись к психохудожественному творчеству? Что нам дало раскрашивание? Оно ведь заставило нас увидеть за, казалось бы, формально собранной из «вибрационных» разновидностей таблицей цельное явление, явление, подчиняющееся тем же закономерностям, что и всё прочее в находящейся в движении психике. Мы ещё раз убедились, что психика поляризована во всех своих главных проявлениях.

Проведите мысленно, а если хотите, и карандашом, через центр таблицы две взаимно перпендикулярные оси — вертикальную и горизонтальную. Вы заметите, что вверх и влево от этих осей амплитудная и частотная цветовая интенсивность возрастает, а в противоположных направлениях — падает (а за цветом ведь стоят реальные изменения).

Если вам понравилось раскрашивание, аналогичным образом вы можете поступить и с рисунками ранее рассмотренных блоков психики (рис. 8, 10, 15). Результат, выраженный цветовой гаммой, окажется полным аналогом только что нами полученного.

Несомненно, «начертательная психология» (тем более, в цвете) — вещь показательная и полезная. Но она является лишь вспомогательным инструментом. Строить теорию и делать выводы нам позволяют не карандаши и фломастеры, а только и только психическая действительность.

Кстати, сыщем ли мы в действительности носителей выявленных нами девяти нормальных «вибрационных» вариаций? Сколько

удовно. Вы, уважаемый читатель, можете сделать это прямо сейчас. Для этого вам потребуется всего лишь перебрать своих сослуживцев, товарищей по учёбе, знакомых, родственников, людей, именуемых публичными (политиков, артистов и т.д.). А если вы хотите максимально расширить круг поиска, то, в дополнение к реальным персонам вы можете взять для «вибрационной экспертизы» героев фильмов и литературных произведений. Но сначала дочитайте главу. А когда вы приступите к поиску, знайте, что, кроме охарактеризованных нормальных «вибрационных» разновидностей вы не найдёте никаких других. Наш набор исчерпывающе полон.

Но полон только набор нормальных разновидностей. Что же касается аномальных, здесь у нас имеется некоторый пробел.

Всего «вибрационных» (так же, как ориентационных и коррекционных) разновидностей насчитывается двадцать пять (5х5). Из них девять являются нормальными (они представлены рис. 18). Следовательно, аномальных остаётся шестнадцать. У нас же их набралось всего восемь (рис. 16). Что же мы потеряли и почему?

Дело в том, что «раскладывая» аномалии «вибрации», мы лишили норму внутренней структуры и потому за её границами нашли лишь четыре аномалии [1, 3, 5 и 7], тогда как, если бы структура нормы была сохранена, каждая из найденных — базовых — аномалий состояла бы из трёх подразделений.

Велика ли наша потеря? Думаю, нет. На диагностику предпринятый мною обобщённый подход вряд ли способен оказать сколько-нибудь значительное влияние.

Кстати, вы заметили, что аналогичные потери имели место и при определении ориентационных и коррекционных заболеваний? Если заметили, могу вам сделать комплимент: вы внимательны и, может быть, являетесь носителем психики Л. Потери болезней, допущенные при рассмотрении блоков ориентации и коррекции, на мой взгляд, также практически не портят диагностику.

Должен признаться, что ориентационные, коррекционные и «вибрационные» потери ввиду их незначительности были допущены мною вполне сознательно, но ни в коем случае не по неведению и не случайно.

«Вибрационные» аномалии, примыкающие к норме (рис. 16), я только что назвал, потому что они таковыми и являются, базовыми. В графике в своей совокупности они составляют крест с выемкой посередине. Совсем неплохо, если вы, уважаемый читатель,

заметили и это. Можете контуры «вибрационного» креста, чтобы он был отчётливо виден, сделать более жирными (так выделены базовые аномалии на рис. 7 и 14). «Вибрационные» аномалии, занимающие углы изображённого на рис. 16 квадрата, как вы понимаете, являются сборными. Как видим, психика в различных своих проявлениях выказывает полное структурное подобие. Это не только упрощает её понимание, но и украшает.

Возникает вопрос: не напрасно ли мы занимались «вибрационными» разновидностями психики? Что мы с ними будем делать? Применение им найти нетрудно. Колеблющейся является каждая ранее обнаруженная нами разновидность психики: гЗ, З, Ч, Э, гЭ... (впрочем, не буду перечислять все двадцать пять). А колебаться (или «вибрировать») та или иная разновидность может по-разному. Вариантов (разновидностей) «вибрации» насчитывается тоже двадцать пять (правда, наше рассмотрение болезней «вибрации» уменьшило это число).

Как бы то ни было, любая разновидность психики может и должна рассматриваться и оцениваться только в связке с той или иной разновидностью «вибрации». Скажем, психика К (как и любая другая) может «вибрировать» по варианту [3а], а может — по варианту [4] или какому-то другому из полного набора «вибрационных» вариантов (разновидностей «вибрации»).

Здесь под рассмотрением «вибрационного» компонента психики мы подведём черту. Теперь мы можем констатировать, что нами сделаны те полшага, которые по завершении работы над блоками и разновидностями психики отделяли нас от составления психологических типов. Таким образом, мы приступаем к строительству венца всей нашей работы.

После всего проделанного это элементарно, как в переносном смысле, так и в прямом, ибо психологические типы мы будем формировать из найденных нами психических элементов (найденных разновидностей психики). Причём психические элементы, поскольку психика пребывает в колебательном движении, должны быть обязательно снабжены тем или иным «вибрационным индексом» (подчинены в своей «вибрации» какой-то её разновидности).

Психика любого человека представляет собой совокупность межмирового, переборного, исторического, модульного и знакового начала. Она обязательно состоит из пяти «вибрирующих» психических элементов, по одному от каждого начала. При этом

каждое начало может и должно быть представлено любым из своих пяти элементов.

Если психику человека мы уподобим молекуле, то должны будем сказать, что она (психика-молекула) состоит из пяти различных атомов, каждый из которых принадлежит одному из пяти начал (параметров психики).

Возникает вопрос: сколько вообще существует психологических типов? На этот вопрос, располагая элементарными познаниями по арифметике, нетрудно ответить. Психологических типов всего $3125 (5^5)$, а если брать только норму, то — $243 (3^5)$. Такие числа получаются, если абстрагироваться от «вибрационного» компонента.

Предполагаю, что вы скажете, читатель. По вашему мнению, психологических типов слишком много? Вы считаете, что в них, не совсем литературно выражаясь, можно зашиться?

А вот химик, с рассказа о котором я начал книгу, придерживается противоположного мнения. В распоряжении химиков за сотню элементов, а количество химических соединений (если хотите, химических типов) составляет несколько миллионов. К тому же химические соединения, если можно так сказать, достаточно разнокалиберные, состоящие из разного количества атомов, многие из которых представлены в молекуле не в единственном числе. Что же, химики впадают в уныние, опускают руки? Нет. А почему? Потому что у них есть система, а химия является наукой.

У нас, уважаемый читатель, тоже есть система. Наши «молекулы» намного проще, чем химические. Мы знаем закон их формирования: всякая индивидуальная психика состоит из пяти различных компонентов (разновидностей психики), каждый из которых представляет одно из её начал. Наконец, «атомы» (разновидности психики) мы определяем, чётко зная их признаки (см. характеристики разновидностей психики).

Конечно, я был бы рад сократить число психологических типов. Но при всём желании не могу этого сделать, ибо предложенный вам набор типов зиждется на объективном основании. Наша типизация, в отличие от многочисленных существующих, субъективистских по своей сути, объективна. Поэтому поколебать её невозможно.

Вы знаете, что Д. И. Менделеев назвал свою систему химических элементов периодической. Почему, вы можете узнать из специальной литературы. Я не буду углубляться в этот вопрос.

Наша система тоже является периодической. В отличие от химической, в нашей системе всего пять периодов (их вы найдёте на исторической оси). При желании, уважаемый читатель, вы можете даже составить периодическую таблицу психических элементов (разновидностей психики). Уверяю вас, получится красиво.

Я же с теоретических небес спущусь на землю и брошу взгляд на одну, произвольно выбранную, психику из двухсот сорока трёх возможных (и реально существующих). Вот её на химический лад выписанная формула: $\text{Ч}_{[9a]}\text{В}_{[9a]}\text{Л}_{[7a]}\text{А}_{[9a]}\text{Р}_{[9a]}$.

Как видите, скажем так, психика неплохая. Из пяти её составляющих три являются срединными (Ч, В и Р) и две (Л и А) — относящимися к нормальной периферии. Из пяти «вибрационных» индексов периферии нормы принадлежит лишь один.

Какое занятие является наиболее подходящим для носителя такой психики? Какой деятельности не препятствуют её нормально-периферийные компоненты?

Что касается смещения в сторону абстрагирования, оно не только не препятствует, но даже благоприятствует таким видам деятельности, которые требуют выделения главного и отвлечения от второстепенного. Это, прежде всего, — работа учёного-теоретика, а также художника и литератора. Однако художнику и литератору, вообще-то говоря, противопоказано быть логиком. Думаю, вы понимаете, почему. Следовательно, носителю взятой нами на карандаш психики мы могли бы посоветовать испытать себя на научном поприще. Конечно, если ему не помешает единственное «вибрационное» отступление от середины (я имею в виду [7a]). Думаю, не очень помешает. Такое смещение, на мой взгляд, является достаточно безобидным для учёного и его работы.

Где, в каких случаях может пригодиться наша рекомендация? При наборе специалистов в научные центры и конструкторские бюро, при приёме на «серьёзные специальности» в вузы и школы с углублённым изучением какого-либо предмета, наконец, при выборе талантливым молодым человеком жизненного пути.

У нас остались невыписанными ещё 242 «пропуска» в тот или иной вид деятельности. Как мы организуем «пропускную систему»? На мой взгляд, отбор (набор персонала, профориентация и т.д.) должен быть подчинён трём принципам.

Во-первых, будем, не особо мудрствуя, считать, что идеальным «пропуском» является срединная во всех отношениях психика.

Во-вторых, для определения видов деятельности не только возможны, но даже желательны какие-то смещения относительно середины. Например, для более или менее длительной работы в относительно изолированном от мира коллективе (на подводной лодке или космической станции) мало подходит экстравертная психика, тогда как закрытая может оказаться весьма уместной. А для однообразной и не очень творческой работы вполне подходит психика К.

В-третьих, поскольку для какой-то работы не всегда легко найти подходящего человека, возможны некоторые послабления. Скажем, «собственник» маниакальной психики сгодится для такого занятия, которое не будет подавлено его (всегда проявляющейся в какой-то конкретной форме) манией.

Эти принципы применимы и к «вибрационным» характеристикам психики.

Вообще, нахождение психик, подходящих для моря различных случаев и ситуаций, представляет собой огромную и кропотливую работу, работу, представляющую собой мостик, соединяющий теорию с практикой. Я не собираюсь ею заниматься. Оставляю этот труд своим коллегам, помеченным психикой К. Думаю, уважаемый читатель, мы с вами вполне удовлетворимся принципами такой работы и несколькими замечаниями.

Своей задачей, о чём было заявлено в Предисловии, я видел строительство теоретического здания психологии. Разработка практической психологии — от диагностики до подбора персонала и профориентации — не входила в мои планы.

Нескромно полагаю, что нам удалось решить поставленную задачу. И сейчас, когда имея на руках теорию, мы вплотную подошли к её применению на практике, я могу поставить в своей работе точку.

Правда, вас, мой читатель, ждёт ещё одна, последняя глава книги. Подведя итоги этой, завершающей теоретическое исследование психики, главы, мы, насколько это возможно, заглянем в будущее.

1. Завершив исследование в общем-то статичной психики, в настоящей главе мы вплотную занялись её маятниковым движением — индивидуальной «вибрацией». Если во второй главе были обозначены лишь контуры колебательного движения психики, то в данной «вибрация», если можно так выразиться, была довольно основательно препарирована.

Оказалось, что, в отличие от лабораторного или иного маятника, психика может колебаться как нормально, так и аномально.

Таким образом, все компоненты, характеристики и показатели психики (разумеется, как и психика, взятая в целом) могут как укладываться в обеспечивающую существование и развитие человека норму, так и выдаваться за её пределы — в зону болезни.

2. Норма индивидуальной «вибрации», как и иные рассмотренные нами психические нормы, не является однородной. Подобно нормам ориентации и коррекции, она поляризована и спектрирована (если опираться на графику, по двум взаимно перпендикулярным осям — амплитудной и частотной).

В составе нормы «вибрации» нами были выделены девять подразделений — нормальных разновидностей «вибрации».

Все разновидности — через их носителей — были охарактеризованы и собраны в таблицу (рис. 18).

Если вы, уважаемый читатель, не пренебрегли моим предложением использовать таблицу в качестве раскраски, думаю, вам доставило удовольствие наглядно оценить упорядоченность нашей системы нормальных «вибрационных» разновидностей психики.

3. Думаю, вы согласитесь, что и болезни «вибрации», иллюстрацией чего служит другая таблица (рис. 16), также были упорядочены.

В системе аномалий «вибрации» (а она аналогична системам ориентационных и коррекционных заболеваний) своё место заняли выявленные нами базовые, чистые «вибрационные» болезни [1, 3, 5, 7] и болезни сборные, так сказать, составные [2, 4, 6, 8].

Взяв в качестве критерия «вибрационной» аномалии изменение (включая нулевые) психического состояния человека, мы обнаружили три категории заболеваний «вибрации»: сочетание противоположных психических состояний, чередование аномально удалённых состояний психики и, при допустимом обобщении, фиксацию какого-то психического состояния.

Все названные заболевания, как и вариации «вибрационной» нормы, имеют быть в реальной действительности.

Кроме найденных, нормальных и аномальных, «вибрационных» разновидностей в природе не существует никаких других.

4. Не могу не отметить в качестве одного из главных итогов главы и то, что в её тексте было загнуто в скобки, а именно, универсализм нашего «вибрационного» инструментария.

В качестве примера такого универсализма возьму (наугад!) «вибрационную» вариацию, фигурирующую у нас, скажем, под вторым номером в таблице аномалий (рис. 16). За этим номером скрываются субъекты, в психике которых сочетаются аномально разнесённые противоположности.

Какие именно противоположные психические состояния оказываются сочетаемыми? Это могут быть аутическая шизофрения и растворенческая, маниакальная и флуктуирующая, гиперлогика и сверхпримитивизм суждений, психозы (и неврозы) «громкие» и «тихие», «светлые» и «тёмные».

Я назвал то, на что «способна» одна вариация. Вообще же любая «вибрационная» вариация, как нормальная, так и аномальная, «обслуживает» любой параметр психики. Все «вибрационные» вариации (разновидности) в плане «обслуживания» абсолютно универсальны.

5. Во второй главе я упомянул о неподвижных психиках. Тогда было замечено, что такие психики в «вибрационном» отношении являются ненормальными.

Сейчас мы прояснили природу пребывающих в неподвижности психик. Она обусловлена аномальной амплитудой индивидуальной «вибрации» или (и) аномальной её («вибрации») частотой.

Наша теория сильна тем, что может объяснить природу любого психического состояния, даже, казалось бы, такого, которое противоречит какому-либо атрибутивному свойству психики (в данном случае — «вибрации»).

Болезнь неподвижности психики была квалифицирована нами как фиксация какого-то определённого психического состояния.

6. Только исследовав все блоки и параметры психики и поделившись со всеми её статичными и динамичными разновидностями, мы смогли приступить к строительству венца всей нашей работы. Я имею в виду составление психологических типов.

Именно составление, потому что, во-первых, это — дело достаточно простое и, я бы сказал, и известном смысле механическое и, во-вторых, потому что мы нашли и описали все необходимые для составления психологических типов элементы.

Не буду повторять бесхитростный алгоритм составления психологических типов. Напомню только, что таких типов более трёх тысяч, их них, принадлежащих норме — около двух с половиной сотен (без учёта «вибрационной» составляющей). Такое их количество и своеобразие каждого из них обусловлено объективной психической реальностью.

Это — большие числа. Однако их величина с лихвой компенсируется лёгкостью работы с типами, которая (лёгкость) обусловлена наличием теории.

Носители очерченного нами круга психологических типов составляют реальное психическое сообщество. Других психотипов не существует.

Определение психологических типов открывает широчайшие возможности перед практической психологией: в диагностике, подборе персонала, формировании тесных коллективов, профориентации, разрешении конфликтов, решении проблем семьи и т.д.

ГЛАВА XV

БУДУЩЕЕ ПСИХИКИ

Как вы считаете, уважаемый читатель, сократилось бы число читающих, если бы книги вдруг начали выходить без названий, а рассказы, очерки, статьи и главы — без заголовков? Наверное, сократилось бы весьма существенно, а то и вообще упало бы практически до нуля. Вряд ли кот в мешке обладает какой-то притягательной силой.

Чтение мы начинаем с заголовка и благодаря заголовку. Поэтому на заглавие произведения или какой-то его части ложится немалая, и я бы сказал, особая, нагрузка. Название призвано высвечивать суть разворачивающегося под ним повествования, а повествование должно соответствовать своему названию (правда, к сожалению, так бывает не всегда).

Вы в недоумении, уважаемый читатель? Вы спрашиваете: почему автор с психологии переключился на «названиеведение»? Потерпите немного. Ещё несколько слов по поводу названия, и я вернусь на психологические рельсы.

Раз на название ложится особая нагрузка, к нему должны предъявляться и достаточно строгие требования. Какие? Исследовательская работа, а перед вами лежит именно такая, на мой взгляд, должна иметь названия, как общее, так и отдельных глав, максимально точные, соответствующие сути излагаемого, не слишком длинные и, может быть, лишь в некоторой степени оригинальные.

На протяжении предшествующего данной главе разговора о психике у меня не было (по крайней мере, мне так представляется) расхождений с этими требованиями. А сейчас, пытаясь заглянуть в засоциальное будущее, признаюсь вам, читатель, я не могу сказать, что для заключающей книгу главы выбрал соответствующее перечисленным критериям название. В выборе названия я колебался.

Дело в том, что для главы о будущем у меня был заготовлен ещё один вариант заголовка. Вы, наверное, скажете, что в этом нет

ничего плохого. Да, всё было бы хорошо, если бы второй вариант не являлся альтернативой использованного. Вас интересует, каков этот, второй вариант? Пожалуйста: «У психики нет будущего». Не правда ли, достаточно шокирующая альтернатива.

Но не желая шокирующим заголовком навредить вашей психике, читатель, и поразмыслив, я решил отказаться от психотравмоопасного варианта в пользу спокойного и даже слегка пафосного. Хотя шокирующий вариант, с научной точки зрения, совершенно безупречен. С его защиты мы и начнём наш экскурс в будущее.

Всё в нашем — вселенском — мире, любая вещь (как в житейском смысле, так и в философском), любое явление, любая историческая форма, конечно. Всё сущее имеет начало и конец, рождение и уход в небытие. Такой порядок обусловлен устройством мира. Этот порядок, если мы стоим на материалистических позициях, воспринимается нами как объективная данность, как аксиома.

Только в смене конкретного и ограниченного во времени (о пространственной составляющей бытия я умолчу) возможно существование и развитие нашего мира.

Не является исключением из основополагающего закона развития и бытие социальной материальной формы, а применительно к Земле — существование человеческого общества. Человеческое общество, возникнув приблизительно сотню тысяч лет назад, рано или поздно (а по меркам его истории, и это ощущается уже сейчас, довольно скоро) так же, как предписано всему сущему, закончит свой исторический путь. Вместе с человеком уйдёт в небытие и присущая ему форма — психическая форма — отражения действительности.

Время социального мы определили как переходный период от биологического к логическому. Там же, в первой главе, было отмечено, что социальная форма, будучи не одной из основных в ряду вселенского прогресса, а являясь лишь буфером между биологическим и логическим, не оставит своего следа в истории и не сохранится в виде «подкладки» в составе завершающей вселенскую историю логической формы организации материи. Вместе с обществом и свойственным ему — психическим — отражением действительности канет в лету и всё то, без чего немислима жизнь человека: чувства, надежды, мечты, любовь, товарищество, дружба, сочувствие, сопереживание... Уйдут в небытие и иллюзии, разочарования, вражда, зависть, злоба, угодничество, ложь... Безвозвратно

будут утрачены и целые «глыбы» общественного сознания — вера (в том числе и религиозная) во всякого рода фантомы, художественное и литературное творчество (и их «потребление»), наука как самостоятельная отрасль деятельности.

Способно ли стерпеть такие потери, хотя я их пророчу и для будущего, ваше сознание, читатель? Боюсь, что нет. Но я тем не менее продолжаю настаивать на названных и многих неназванных потерях, которые противны сознанию современного человека. Почему продолжаю настаивать?

Потому что все, казалось бы, незыблемые общественные нормы (обычаи, традиции, ценности, правила поведения и общежития и т.д.) преходящи, и их потери обычны для развивающегося социума. Об этом свидетельствует его история на всём своём протяжении.

Потери не являются результатом какого-либо субъективного действия. Они объективны, естественны и необходимы для развивающегося общества. Без утраты «незыблемого» общество не могло бы двигаться вперёд. Прогнозировать потери заставляет объективная логика общественного прогресса.

Сокрушаться по поводу потерь заставляет незнание и непонимание истории. Переживания из-за грядущей утраты чего-то привычного и нормального для своего времени не к лицу думающему человеку.

Ранее я писал, что способность думать заключается в умении решать задачи. Сейчас эту формулу мы можем нарастить словами: «для чего надо видеть мир таким, каким он является».

А мир наш, если его рассматривать во времени, представляет собой череду сменяющих одна другую конкретных и конечных (смертных) форм. На чередовании таких форм зиждется мироздание.

Как уже было сказано, наш — человеческий (психический) — способ отражения действительности не является в плане действия «закона рождения и смерти» чем-то исключительным. Как ни печально для многих ныне живущих, психика, как и всё прочее в мире, также смертна. Поэтому мы с полным правом можем сказать, что психика не имеет будущего.

Однако психика не является единственным инструментом отражения. Не приходится сомневаться, что взращиваемые в социальном буфере логические существа будут также иметь отражательный инструмент, и, абсолютно определённо, более совершенный, чем у нас с вами, уважаемый читатель. Становление этого инструмен-

та происходит сейчас, в процессе развития человеческого общества, в ходе перехода от биологического к логическому.

Без социальной буферной формы не может быть формы логической. Без психики как переходного отражателя действительности невозможен отражательный инструмент будущего. Этот инструмент рождается, как говорится, здесь и сейчас, в него — в ходе общественного развития — преобразуется психика. В этом смысле мы имеем право говорить, пусть и с некоторой натяжкой, о будущем психики (и, следовательно, о правомерности несколько притянутого названия настоящей главы).

Психика не существует сама по себе. Она привязана к материальному носителю социальной формы организации материи и в своём развитии обусловлена развитием носителя. В связке «носитель — отражатель» материальный субстрат социальной формы первичен, психика вторична. Не приходится сомневаться, что в будущем соотношение материи и духа не претерпит никаких изменений. Следовательно, обозначая контуры отражательного инструмента будущего, мы должны отталкиваться от бытийных реалий этого будущего, от тех реалий, черты которых более или менее явно просматриваются уже сегодня.

Вы заметили, читатель, что я говорю не о написании картины будущего и не о детальной характеристике отражательного инструмента логических субъектов, а всего лишь о чертах грядущего и контурах постпсихики? Исследователь, заглядывающий за горизонт, должен быть предельно осмотрителен, осторожен и сдержан в своих описаниях и оценках. В таком деле фантазия абсолютно неуместна. При предпринимаемом нами прогнозировании опираться можно только на уже оформляющиеся предпосылки будущих перемен.

Развёртывание одной из таких предпосылок обеспечит логическому субъекту в корне отличное от человеческого существование. Вы спросите: какое существование? Сейчас, уважаемый читатель, я отвечу на этот вопрос. Но прежде своим вопросом озадачу вас.

Как вы думаете, какое противоречие человеческого бытия, скорее всего, является самым главным, самым, так сказать, кричащим? На мой взгляд, это — противоречие между духом, сознанием человека и его бранным телом. Люди рождаются, познают мир, овладевают знаниями и опытом, совершенствуют свои навыки, строят планы и... пройдя свой не очень длинный жизненный путь, старятся,

дряхлеют и умирают. Человеку, не обременённому теоретическим мышлением, тут впору воскликнуть: «Разве это справедливо?!».

Человеческое сознание издревле не желало мириться с таким положением дел. Видя ущербность ведущего к смерти бытия, люди завели, правда, всего лишь в своих представлениях, дарующий бессмертие загробный мир. Для верующего человека, который, кстати, не склонен бросаться в объятия смерти, верой в загробную вечную жизнь главное противоречие нашего бытия как-никак оказалось разрешённым. Разрешённым лишь в представлениях, но не в действительности.

А может ли это противоречие быть реально разрешённым? Да. Сейчас, хотя мы ещё довольно робко манипулируем генетикой человека (генетикой животных и растений — в большей степени), у нас тем не менее есть все основания утвердительно ответить на этот вопрос. Не надо быть провидцем, чтобы утверждать, что в обозримом будущем продолжительность жизни человека будет практически неограниченно продлена.

В общем-то это будет означать и конец человеческой истории. Постараюсь объяснить, почему.

Биологические особи, пройдя отмеренный им жизненный путь, умирают. Умирают, будучи в течение своей жизни неизменными в генетическом плане. На смену им приходит следующее поколение. Среда, осуществляя отбор, в каждом новом поколении в соответствии со своими изменениями «подправляет» генетику заступивших на смену павших.

Так, если говорить предельно кратко, разворачивается эволюция. Нам не потребуется её детализировать. Отвечая на ранее поставленный вопрос (возможно ли реальное разрешение противоречия жизни и смерти?), мы удовлетворимся лишь одним её (эволюции) аспектом — сменой особей в процессе эволюции. Этого достаточно, чтобы составить формулу их бытия. В двух словах эта формула имеет следующий вид: смена неизменного.

Если логическая форма противоположна биологической, а это, несомненно, так, то и формула бытия логических субъектов должна являть собой противоположность только что выведенной формулы существования биологических объектов.

Какова же формула бытия субъектов логического периода все-ленской истории? Вывернув биологическую формулу наизнанку, мы получим: изменение несменяемого.

Реальна ли такая формула? Безусловно. Дам её обоснование в трёх пунктах и одном дополнении.

Во-первых, как я уже сказал, управление генным аппаратом даст возможность практически неограниченно продлить существование (и это будет уже не человек).

Во-вторых, «вечный» субъект, естественно, не будет нуждаться в смене, т.е. окажется несменяемым (слово «вечный» я заключаю в кавычки постольку, поскольку вечность, как и всё прочее в мире, относительна, и о ней можно говорить только применительно к логическому периоду).

В-третьих, изменения коснутся не только продолжительности жизни, но, в логическом будущем, из-за неизбежного изменения среды, — и всех сторон телесной и постпсихической организации логических субъектов.

В качестве дополнения к обоснованию формулы логического существования должен заметить, что в будущем мы не найдём места для полов и рождения потомства. Что касается рождения, оно перестанет быть необходимостью с упразднением смерти. А полы, как и всё прочее когда-то появившееся, перестанут существовать, но не только из-за факта своего появления, а постольку, поскольку они как эволюционное средство окажутся абсолютно невостребованными в условиях, когда эволюция (изменение) станет не слепой, а управляемой (о полах как средстве не только деторождения, но и эволюции, вы можете узнать из моей книги «Диалектика полов»¹).

Естественно, совершенно новое бытие (его формула: изменение несменяемого) потребует и соответствующего себе отражения действительности, как и нового отражающего её инструмента (я назвал этот инструмент постпсихикой).

Как будет воспринимать действительность логический субъект, вы можете худо-бедно смоделировать на себе, уважаемый читатель. Для этого нужно всего лишь представить, что вы, во-первых, логик до мозга костей и, во-вторых, перед вами открываются практически бесконечные временные перспективы. Правда, уж не обижайтесь на меня, не у каждого это получится. Залезть в шкуру логического субъекта может только думающий, творческий, высокоинтеллектуальный человек, желательно носитель психики гЛ,

¹ Искрин В. И. Диалектика полов. СПб., 2001, 2005.

но никак не замкнутый на быт, секс, шопинг, компьютерные игры, тупые сериалы (вы можете этот перечень продолжить) представитель вида *Homo vulgaris*.

Генетические изменения неизбежно повлекут за собой освобождение от вредных, бесполезных, балластных качеств и приобретение позитивных и необходимых в условиях изменяющейся среды.

Нетрудно понять, к чему это приведёт. Логические субъекты окажутся похожими один на другого, как в телесном отношении, так и в плане своих отражательных способностей.

Так — через двойное отрицание — логическое на качественно ином, более высоком уровне, воспроизведёт также не отличающееся большим разнообразием физико-химическое. Крайние периоды вселенской истории подобны один другому не только шириной температурного и «вибрационного» диапазонов, но и унификацией своих ключевых элементов.

Нам, людям, имеющим в качестве атрибута свою индивидуальность и умеющим держать дистанцию от других индивидов, унификация, случись она у нас, мягко говоря, была бы не очень приятна. Достаточно представить, что вокруг находятся по сути дела наши клоны, и смотрят они на мир так же, как мы, и действуют так же, и мысли у них такие же. Бр-р-р!

Логические субъекты по существу будут лишены индивидуальности. Но давайте, уважаемый читатель, не будем переживать по этому поводу. Унификация ни в коей мере не обременит сознание субъектов логического будущего. Как и в мире людей, так и в логическом сообществе, сознание по-прежнему будет определяться бытием.

Переход к унификации, как и к другим логическим новациям, займёт какое-то время. Наверняка вхождение в логическое качество будет идти рука об руку с определёнными количественными изменениями. Надо полагать, что число логических субъектов будет многократно меньшим, чем количество составляющих человечество людей.

Логические субъекты хотя и будут «бессмертными», ничто не сможет на сто процентов застраховать их от гибели. Гибель может настигнуть логического субъекта, например, в каких-либо непредвиденных обстоятельствах. Однако уничтоженной при этом окажется лишь телесная составляющая. Интеллектуальное на-

полнение логического субъекта, его сознание будет храниться в накопителе, примитивным предвестником которого является современный Интернет. Таким образом, строго говоря, «бессмертным» в будущем станет не существо, а его сознание.

По всей вероятности, сознание логического субъекта будет постоянно находиться на связи с интеллектуальным накопителем, чтобы непрерывно пополнять его своими новыми приобретениями. Надо полагать, что содержимое накопителя будет без всяких ограничений доступно для любого члена логического сообщества.

Постпсихика, в отличие от психики людей, окажется в высшей степени обобществлённой. Граница между индивидуальным и общественным, между своим и чужим в логическом сообществе и постпсихике в принципе будет стёрта.

Мы негативно относимся к рассекречиванию наших персональных данных. Спрашивается, как бы мыотреагировали на открытый доступ к своей психике, к своему сознанию, к сокровенным помыслам, к своим чаяниям, желаниям, оценкам? Думаю, не надо отвечать на этот вопрос. Разумеется, резко отрицательно.

Мы говорим: «Чужая душа — потёмки». Для других людей потёмками является и наша собственная душа, собственная психика. Потёмки (для внешнего наблюдателя) собственной психики представляют для нас величайшую ценность.

Почему? Потому что мы являем собой индивидуальности, потому что мы разные, потому что мы не унифицированы.

Унификация, сводящая на нет индивидуальность, в логическом будущем полностью лишит смысла доступ к чужому, сокровенному, принадлежащему другому. В логическом сообществе просто не будет ни чужого, ни сокровенного, ни другого.

С нашей точки зрения, картина, конечно, неприглядная. А кто мы сейчас, читатель? Сейчас, мы, вообще-то говоря, историки, только занимающиеся не прошлым, а будущим. Что является, может быть, даже первой заповедью историка? Не мерить своим метром прошлое. Я добавлю: и будущее.

Не подумайте, уважаемый читатель, что я возвожу в абсолют унификацию логических субъектов. Различие задач, стоящих перед логическим сообществом обусловит в рамках унификации определённую специализацию. Остановлю ваше внимание на одном, совершенно необходимом аспекте логической специализации.

Человеческое общество, осваивая природу, решает два типа задач.

К первому типу относится присвокупление к «неорганическому телу общества» (выражение К. Маркса) новых, неизведанных природных сфер, а также овладение новыми видами деятельности. Решение задач данного типа требует новаторского, революционного, творческого подхода, решительности и напора. Деятельность на переднем крае сопряжена с ошибками, риском, потерями.

Когда же новое введено в общественный оборот и вчерашний передний край становится тылом, первопроходцев сменяют люди, более приспособленные не к инновационной, а к методичной, обрабатывающей, в лучшем смысле этого слова рутинной деятельности. «Тыловая деятельность» представляет собой второй тип освоения природы.

Людей, чей психический склад более подходит к деятельности того или другого типа, вы без труда найдёте если не в своём ближайшем окружении, то уж наверняка в обозримом «общественном пространстве». Обязательно попробуйте это сделать. И пометьте выявленных вами «типовых личностей» знаками... ♂ и ♀. Не удивляйтесь, если наполнением первопроходческого, добывающего типа в основном окажутся мужчины, а наполнением обрабатывающего — женщины. Такое — половое — размежевание типов деятельности сложилось ещё до появления человека, у нашего животного предка.

Не приходится сомневаться, что, осваивая природу, логическое сообщество должно будет решать в принципе те же « типовые задачи », что и мы, люди. Это значит, что в отсутствие полов логическому сообществу будет присуще по сути дела половое межевание, но ни в коем случае не в эволюционном и, тем более, не в детородном плане, а только и только в плане деятельности по освоению природы.

Понятно, что эти два типа логических субъектов, если можно так выразиться, постпсихически должны будут отличаться один от другого.

Весьма вероятно, представители данных типов (добывающего и перерабатывающего) будут отличаться и внешне, своей телесной организацией. Однако предположения на этот счёт я предпочту оставить при себе. Решение этого тонкого вопроса (об экстерьере специализированных логических субъектов) исследователь, на мой взгляд, должен оставить времени.

Вообще, телесная организация живых существ зависит в основном от двух факторов — среды обитания (экологической ниши) и привязанного к ней способа существования. Изменение среды или переход в иную среду неизбежно влекут за собой и изменение живого.

По всей видимости, не надо объяснять, что новые среды, ибо логическому сообществу, как и человечеству, несомненно, будет свойственна экспансия в природу, потребуют определённой телесной модернизации. Какой? Сейчас мы можем предположить изменения, призванные погасить, например, воздействие невесомости или, скажем, жёсткого излучения. Возможно, с точки зрения будущего, наши нынешние предположения покажутся наивными.

Упомянув невесомость, я ненароком намекнул на космическую среду. Станет ли она домом для логических существ? Не буду фантазировать на эту тему. А вот что касается межгалактических перелётов, я не уйду от этого вопроса. Скорее всего, они так и останутся под книжными переплётами. Ведь во всех смыслах куда эффективнее на колоссальном отдалении от Земли и в короткие сроки дистанционно создавать и приводить в действие, выражаясь современным языком, разного рода исследовательские автоматы. Не приходится сомневаться, что на логическом этапе вселенского прогресса средства такого производства будут найдены. Параллельно с этим будет обнаружен и освоен и способ практически мгновенной транспортировки информации, необходимой в числе прочего и для дистанционного производства (пару слов о сверхбыстром прохождении сигнала я скажу чуть позже).

Будущий масштабный выход за пределы колыбели разума даёт пищу и для иных размышлений на космическую тему.

Как было показано в первой главе, социальная (общественная) форма лежит на магистральной линии вселенского прогресса. А раз так, земной разум не может быть уникальным явлением. Утверждать так заставляет логика развития мира и неподдающиеся представлениям человека размеры космоса. Хотя безоговорочно доказать теорему о необходимости и реальности множественности разумной жизни может только опыт. Возможность же опереться на него появится только с оформлением логического сообщества. Тогда же контакты с внеземным разумом станут и необходимостью. На социальном же этапе прогресса все предпринимаемые

попытки завязать контакты с «братьями по разуму» отдают, мягко говоря, наивностью, а если вещи называть своими именами, — немалой глупостью.

Вы, конечно, знаете, читатель, что поисковики инопланетян надеются уловить некие радиопослания, проделавшие путь в сотни и даже тысячи световых лет. Для современного человека упорядоченный поток фотонов (или иных частиц) является самым совершенным видом связи. Но является ли радиосвязь самым совершенным видом связи вообще (между прочим, в старые времена самым совершенным связником был пеший или конный гонец)? Я думаю, что не является. Но независимо от ответа на поставленный вопрос мы можем утверждать, что для космических контактов, ввиду невысокой скорости прохождения сигнала, радиосвязь абсолютно непригодна.

Космические контакты требуют практически мгновенного получения посланного из необозримых далей сигнала. Возможно ли такое? Да. Во-первых, если судить с теоретической точки зрения, возможность обмениваться практически мгновенными сообщениями несколько не нарушает единственного существующего в нашем мире запрета. Я имею в виду запрет на нарушение причинно-следственных связей. Во-вторых, с точки зрения практики, это возможно постольку, поскольку такие сообщения способна пропускать субвселенская «подкладка» нашего мира. Вряд ли человечество осилит её практическое использование.

Вы впервые слышите о субвселенской «подкладке»? Не буду утяжелять главу даже краткой её характеристикой. Удовлетворить любопытство по этой части вы можете, ознакомившись с моей книгой «До Большого взрыва»¹.

Но это — другой вопрос. Для нас, занимающихся психикой, куда важнее бросить взгляд на влияние космических контактов на инструмент отражения действительности логических субъектов.

По всей вероятности, космические «братья по разуму» (не наши, а членов будущего логического сообщества) могут телесно несколько, но вряд ли радикально, отличаться от земных по своему происхождению логических субъектов. Существенно отличным может быть только уровень их развития. Скорее всего, он будет более высоким (завершая главу, я буду исходить из этого допущения).

¹ Искрин В. И. До Большого взрыва: За горизонтом физики. — СПб., 2016.

Какое влияние окажут космические контакты на постпсихику? Перечислю основные мыслимые последствия таких контактов по линии увеличения их (последствий) значимости.

Во-первых, постпсихика «отечественных» логических субъектов, адаптируясь к космическому логическому сообществу (его существование объективно обусловлено природой развивающегося разума), несомненно, обогатится новой информацией, достижениями мысли, новой мотивацией существования и новыми интересами.

На определённом этапе взаимодействия логическое сообщество, имеющее земные корни, включится в скоординированную экспансию разума в масштабах Вселенной. Земное логическое сообщество начнёт растворяться в космическом, земная по своему происхождению постпсихика, теряя свою специфику, начнёт вливаться во вселенскую.

Во-вторых, развитие вселенского космического сообщества неизбежно подстегнёт лежащую в русле вселенского прогресса унификацию логических субъектов и их отражательных инструментов (что не отменит необходимую во взаимодействии с природой ранее отмеченную мною специализацию).

В-третьих, слияние земного и прочих локальных логических сообществ с вселенским обеспечит доступ членам всех ранее локальных сообществ к единому (вселенскому) накопителю информации и интеллекта, если хотите, к вселенскому мозгу.

Наконец, в-четвёртых, логика развития, если рассматривать вселенский прогресс с нашей, земной, ограниченной и эгоцентристской точки зрения, рано или поздно заставит «будущее» космическое логическое сообщество стать субъектом — единственным, единым и неделимым — вселенской истории. В действительности такой субъект (со своим отражательным инструментом), что исключительно вероятно, уже существует.

Развитие не остановится на этом рубеже. Рано или поздно оно сметёт вселенские рамки. Что произойдёт дальше, мы можем только гадать.

Я, как вы понимаете, уважаемый читатель, не собираюсь в своих рассуждениях отрываться от более или менее твёрдой, позволяющей в основных чертах прогнозировать будущее, почвы. Фантазиям, сделав одну ремарку, я предпочту опирающееся на реалии и логику подведение итогов.

Ремарка моя такова: употребляя в описании вселенского процесса развития глаголы в будущем времени, я с немалой вероятностью допускаю, что всё обозначенное мною уже случилось.

А теперь — итоги главы.

1. Психика, как и всё в нашем мире, имеет начало и конец, рождение и уход с исторической сцены.

В этой главе мы с вами, уважаемый читатель, прощупывая перспективы отражения, остановили своё внимание не на оставшемся у человечества лимите времени, а на том временном отрезке (логическом периоде вселенской истории), на котором функции отошедшей в небытие психики будет осуществлять существенно отличающийся от неё отражательный инструмент.

Инструмент логического отражения я назвал постпсихикой.

Почему я решился заглянуть за горизонт социального? По трём причинам.

Во-первых, потому что зарождающиеся в настоящем предпосылки логического будущего (плюс логика) позволяют это сделать. Почему бы не воспользоваться возможностью?

Во-вторых, постольку, и вы, наверное, это заметили, читатель, поскольку мы не мельчимся, а работаем крупными мазками. Заявка на выход на логический инструмент отражения в общем-то была сделана в самом начале книги, где нами была «разложена» вселенская история. А повешенное ружьё, как ему и положено, должно было выстрелить.

В-третьих, наконец, из-за того, что рассматривать всё-таки отличное от существующего, на мой взгляд, просто интереснее, чем копаться в намного менее значительных будущих (в исторических рамках человеческого общества) изменениях психики (которые, кстати, вряд ли можно правдиво описать, не имея более дальнего прицела).

2. Отражение действительности, как психическое, так и постпсихическое, подчинено бытию. В связке «бытие — отражение» бытие первично, отражение вторично.

Поэтому те или иные черты постпсихики могут и должны высвечиваться только на основе порождающего её логического бытия. В наброске контуров отражательного инструмента логического будущего я руководствовался этой непреложной, обусловленной природой материального мира, истиной.

В качестве трёх китов логического бытия сегодня мы можем назвать, во-первых, выраженное формулой «изменение несменяемого» «вечное» (в пределах логического периода) существование генетически корректируемых субъектов, во-вторых, их унификацию и, в-третьих, исключительно высокую, отрицающую индивидуальность, степень обобществления логического сообщества.

Этими и другими (остальными) бытийными компонентами обусловлены все характеристики постпсихики.

3. Пожалуй, ключевым бытийным компонентом современности, дорога от которого прямоком ведёт в логическое будущее, является пока ещё робкое манипулирование генами человека.

Именно оно в конце концов приведёт к унификации. Будущие унифицированные существа составят сообщество логических субъектов.

Существование логического сообщества унифицированных субъектов органично укладывается в поступь вселенского прогресса, ибо через двойное отрицание воспроизводит на более высоком уровне по сути дела такую же (в плане ассортимента) унификацию элементов физико-химического периода.

В сознании лишённых индивидуальности унифицированных членов логического сообщества не найдётся места для «другого», «постороннего», «чужого».

Доступ к унифицированному сознанию любого логического субъекта будет открыт для всех членов сообщества.

4. Унификация логических субъектов обязательно будет «разбавлена» их специализацией. Её (унификацию) ни в коем случае не следует возводить в абсолют. Почему?

Потому что среда, окружающая сообщество логических субъектов и им осваиваемая не будет представлять собой однородную массу. Утверждать так заставляет многообразие проявлений мировой реальности.

Сообразно специфике того или иного участка взаимодействия сообщества и среды обязательно будут иметь место необходимые отступления от унификации. Сейчас, не имея достоверных представлений об интересах и мотивах существования логических субъектов, об этих отступлениях можно говорить лишь в гипотетическом плане. На мой

взгляд, от достаточно зыбких предположений лучше воздержаться.

О специализации, в принципе схожей с человеческой половой, напротив, можно говорить совершенно определённо.

В плане такой специализации мы должны выделить два рода логических субъектов — занятых присовокуплением ранее нетронутой природной материи к «неорганическому телу» сообщества, действующих на переднем крае освоения природы, с одной стороны, и работающих над уже изъятной из окружающей среды материей, действующих в тылу, с другой.

Соответственно «половой специализации» будет оформлена и постпсихика субъектов «мужского» и «женского» рода, у первых — с преобладанием новаторского, первопрородческого начала, у вторых — рутинного в лучшем смысле этого слова.

5. Постпсихика, как и всё прочее в изменяющемся, развивающемся мире, не может на протяжении логического периода оставаться неизменной. Генеральной тенденцией развития отражательного инструмента будущего явится всё более усиливающееся с ходом логической истории его обобществление.

Это значит, что полное и окончательное отрицание индивидуальности (как противоположности обобществления) случится не вдруг, не с началом логического периода, а явится завершающим актом обобществления, приуроченным к окончанию логического этапа и вселенской истории.

Кстати сказать, развивающимися (в направлении достижения своей предельной полноты) являются все, как материальные, так и идеальные, компоненты логического «общественного» устройства.

6. На определённом этапе своего существования логическое сообщество, имеющее земные корни, неизбежно вольётся в сообщество в масштабах Вселенной, которое, исчерпав ресурс своего развития, также неизбежно должно будет, разорвав вселенские рамки, выйти на более широкий простор.

Такая, объективно вырисовывающаяся линия развития неизбежно (я не по небрежности повторяю это слово) обусловит существование соответствующего новому бытию от-

ражательного инструмента. Какого? За неимением данных, позволяющих о нём что-то предполагать, вместо фантазий на этот счёт, заключая главу, здесь я поставлю точку.

Но книга ещё не завершена. Нам осталось подвести итог всей нашей работы. Он не займёт много места.

Что же нам удалось сделать?

Мы привели психику в систему. Это, во-первых. И, во-вторых, систематизацией психики — через определённые нами психические разновидности и психологические типы — нам удалось построить мостик, соединяющий теорию с самой широкой практикой.

И последнее, что мне хотелось бы вам сказать, читатель: анализируя психику, мы ведь занимались теорией отражения. Полагаю, вы слышали о таком ответвлении философии. Именно поэтому нам сопутствовал успех. Вне философского подхода здание психики нам ни в коем случае не удалось бы построить.

30 марта 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ГЛАВА I. Место психической формы в истории Вселенной	11
ГЛАВА II. «Вибрация» психики	27
ГЛАВА III. Генетика и среда.....	45
ГЛАВА IV. Структура психики.....	63
ГЛАВА V. Закрытая психика.....	79
ГЛАВА VI. Экстравертная психика	96
ГЛАВА VII. Маниакальная психика.....	108
ГЛАВА VIII. Флуктуирующая психика	121
ГЛАВА IX. Эпилепсии и дислексии.....	135
ГЛАВА X. Исторические разновидности психики	153
ГЛАВА XI. Внушаемость и внушение	176
ГЛАВА XII. Модульные разновидности психики.....	195
ГЛАВА XIII. Знаковые разновидности психики.....	211
ГЛАВА XIV. Психологические типы.....	226
ГЛАВА XV. Будущее психики	244

В своей новой работе В. И. Искрин, автор книг по психологии, теории истории, экономике, теории полов, философии физики, знакомит читателя не, как это свойственно психологической литературе, с различными обособленными одно от другого психическими явлениями и феноменами, а с психикой, являющейся системой необходимых и достаточных для её функционирования компонентов.

Книга «Как устроена психика» представляет собой теорию психики. Однако научный труд, написанный живым языком, в характерной для автора манере диалога с читателем, с примерами из практики, усваивается легко даже человеком со средним образованием. Разумеется, человеком любознательным, неглупым и критичным.

Издание не имеет аналогов (если не считать более раннюю работу В. И. Искрина «Новая психология») в мировой научной и научно-популярной литературе.

ISBN 978-5-9072-5227-1

9 785907 252271